

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЕАЭС И СНГ
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Н. И. ЗАГОРОДНИКОВА)
(К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ МВД СССР)**

**Международная научно-практическая конференция
(15–16 мая 2025 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2025

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2025
ISBN 978-5-9694-1639-0

УДК 343.3/.7
ББК 67.408
П78

Рецензенты:

начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент **Р. С. Галиев**;
начальник кафедры административного права и административной деятельности
Ставропольского филиала Краснодарского университета
МВД России, кандидат юридических наук **В. В. Власенко**

Составитель *Л. А. Русскевич*

П78 Проблемы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности в странах ЕАЭС и СНГ (памяти профессора Н. И. Загородникова) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР): Международная научно-практическая конференция, 15–16 мая 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. Л. А. Русскевич]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 285 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1639-0

Сборник научных трудов подготовлен по материалам Международной научно-практической конференции «Проблемы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности в странах ЕАЭС и СНГ (памяти профессора Н. И. Загородникова), посвященной 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР) и состоявшейся 15–16 мая 2025 г. в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, с участием международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов». Статьи посвящены основным вопросам и актуальным проблемам возникновения, реализации и дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в странах ЕАЭС и СНГ; анализу социальной обусловленности уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации и других стран, входящих в ЕАЭС и СНГ, за преступления в сфере экономической деятельности, квалификации подобных преступлений и их предупреждению.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, докторантам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также может представлять интерес для практических работников правоохранительных органов, адвокатов и научных сотрудников.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Корректор *Достовалов Ю. Н.*
Компьютерная верстка *Тарасова Т. С.*

Подписано к изданию 30.10.2025
Объем издания: 3,76 Мб
Тираж: 6 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1639-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Боровиков В. Б.</i> Слово о Николае Ивановиче Загородникове	10
<i>Жилкин М. Г.</i> Преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные научные исследования, проблематика и тенденции	13
<i>Ковальчук А. В.</i> Проблемы отражения соразмерности в уголовном законе Республики Беларусь (на примере ответственности за незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов (ст. 222 УК).....	19
<i>Духовник Ю. Е., Меерсон В. Р.</i> Ответственность за налоговые преступления: сравнительно-правовой анализ отдельных положений уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	24
<i>Осипов В. А., Туманов А. С.</i> Разграничение незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц со смежными составами преступлений.....	32
<i>Боровикова В. В.</i> О наказаниях за преступления в сфере экономической деятельности стран ЕАЭС	37
<i>Дайиутов М. М., Габдрахманов Р. Л.</i> К вопросу об особенностях уголовной ответственности за мошенничество по законодательству стран СНГ	41
<i>Кадников Н. Г., Куликова М. А.</i> Особенности диспозиций статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности	48
<i>Чуканова Е. С.</i> Перспективы использования искусственного интеллекта в предупреждении преступлений в сфере экономической деятельности	52
<i>Кужиков В. Н.</i> Сравнительно-правовой анализ особенностей национальных законодательств Российской Федерации и стран, входящих в ЕАЭС и СНГ, связанных с легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления	57

<i>Приходько Н. Ю., Леднева А. Д.</i> Уголовно-правовое обеспечение безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса как показатель экономической стабильности в Российской Федерации, странах СНГ и ЕАЭС	60
<i>Чугунов А. А., Алференок Е. А.</i> Табачная продукция как предмет преступления, предусмотренного статьей 171 ³ УК РФ	65
<i>Никонорова Ю. В., Стаховец Д. С.</i> Противодействие легализации денежных средств, полученных незаконным путем с использованием криптовалют	69
<i>Азаренкова Е. А.</i> К вопросу об уголовной ответственности за контрабанду в России и странах Евразийского экономического союза	72
<i>Горшенева И. А.</i> Динамика развития экономической преступности и методы противодействия правоохранительных органов	78
<i>Наумов В. В.</i> Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота драгоценных камней и (или) драгоценных металлов по законодательству стран – членов Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ	84
<i>Карпова Н. А.</i> О некоторых вопросах квалификации преступлений в сфере экономической деятельности	90
<i>Рускевич Л. А.</i> Об уголовной ответственности за незаконный оборот древесины по законодательству стран ЕАЭС и СНГ	97
<i>Хакимова Э. Р.</i> Преступления в сфере оборота контрафактной продукции: состояние и динамика преступности в Российской Федерации.....	100
<i>Юдина У. С.</i> Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве стран ЕАЭС и СНГ	104
<i>Гарифуллина Р. Ф., Бойцова Ж. А.</i> Контрафактные преступления: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан	109

<i>Корниенкова М. Р., Хмелева З. А.</i>	
Ответственность за посредничество во взяточничестве как мера противодействия коррупции в российском и белорусском уголовном законодательстве.....	113
<i>Старых С. М.</i>	
К вопросу о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь.....	117
<i>Шайдаев М. Ш.</i>	
Использование информационно-коммуникационных технологий в целях совершения преступлений в сфере экономики	122
<i>Калининская Я. С.</i>	
Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей по законодательству Российской Федерации и некоторых стран СНГ	128
<i>Суворова И. В.</i>	
Подготовка к проведению следственных действий с целью преодоления противодействия по делам, связанным с фальшивомонетничеством	133
<i>Зверев А. А.</i>	
Особенности квалификации отдельных преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий	137
<i>Ву Тхи Тхуи</i>	
Тенденция гуманизации уголовного права: сужение смертной казни за экономические преступления во Вьетнаме.....	142
<i>Хоанг Ван Луан</i>	
Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества (статья 324 УК СРВ).....	147
<i>Чинь Суан Чыонг</i>	
Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц, совершающих преступления в экономической сфере, в уголовном кодексе Вьетнама	152
<i>Акимов П. А.</i>	
Признак ущерба в составах преступлений в сфере экономической деятельности	158
<i>Ткаченко А. В.</i>	
Сравнительно-правовой анализ законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности физических лиц по возврату просроченной задолженности в Российской Федерации и Республике Беларусь.....	163

<i>Фролова Е. А.</i> К вопросу об ответственности за организацию незаконной миграции в Республиках Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан	168
<i>Кузьмин С. А.</i> Особенности уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежа и (или) инструментов по законодательству Республики Беларусь	173
<i>Петрова В. П.</i> Использование института банкротства физических лиц как средство совершения экономических преступлений.....	179
<i>Рогова О. С.</i> Экономические преступления в условиях интеграции: новые угрозы и стратегии противодействия в ЕАЭС.....	185
<i>Лендова В. А.</i> Противодействие контрабанде как экономическому преступлению в странах ЕАЭС	191
<i>Валяев А. С.</i> Международное сотрудничество армении со странами ЕАЭС и СНГ в сфере экономики с использованием ИКТ: уголовно-правовые меры и сравнительно-правовой анализ.....	197
<i>Ларченко А. И.</i> Особенности противодействия преступлениям в сфере экономики в Азербайджане	201
<i>Кондакова Е. С.</i> Проблемы противодействия преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в Российской Федерации	204
<i>Кузнецова С. А.</i> Экономическая преступность в Казахстане и сравнительный анализ уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС	207
<i>Серебрякова О. М.</i> Финансовые преступления в контексте национальной экономической безопасности.....	210
<i>Кольяк А. П.</i> Сотрудничество Молдовы и США в уголовно-правовом противодействии преступлениям в сфере кредитно-денежных отношений и системы налогообложения	215
<i>Сапелкина А. В.</i> Борьба с уклонением от уплаты налогов и мошенничеством в России и Беларуси	218

<i>Тарбеев И. И.</i> Уголовное законодательство Великобритании как средство противодействия экономическим преступлениям	222
<i>Емельянова Ю. С.</i> Сравнительный анализ привлечения к ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России и Великобритании	225
<i>Ефремов А. Ю.</i> Освобождение от ответственности при возмещении ущерба за экономические преступления в странах ЕАЭС	228
<i>Котцова М. П.</i> Уголовная ответственность за экономические преступления в Кыргызской Республике и странах ЕАЭС и СНГ: преступления, совершаемые с помощью информационно-коммуникационных технологий	231
<i>Грунина А. М.</i> Международное сотрудничество Беларуси в борьбе с экономическими преступлениями: вызовы и перспективы	234
<i>Скворцова Е. П.</i> Уголовная ответственность за легализацию доходов, полученных преступным путем, в России и США	237
<i>Чмыхало А. В.</i> Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере кредитно-денежных отношений и системы налогообложения в государствах – участниках ЕАЭС И СНГ	241
<i>Квасова А. С.</i> Роль федеральной службы по финансовому мониторингу в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем в Российской Федерации	248
<i>Пешков К. Е.</i> Особенности работы сотрудника УЭБиПК в качестве специалиста при раскрытии и расследовании преступления	255
<i>Дородных М. В.</i> Институциональные аспекты противодействия преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в рамках ЕАЭС И СНГ	259
<i>Барышников К. И.</i> Специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности по законодательству Российской Федерации и других стран – членов ЕАЭС И СНГ	264

Загон Д. Д.

Анализ материалов судебной практики
по делам об отмыывании денежных средств, легализации, приобретении
или сбыте имущества, приобретенного преступным путем в России 267

Ярош Д. А.

Особенности освобождения от уголовной ответственности
за экономические преступления:
сравнительное исследование законодательства России и Казахстана 271

Атеи К. Н.

Ответственность кредитных организаций
за неспособность принять достаточные меры для предотвращения
легализации (отмыывания) доходов, полученных преступным путем 276

Крамаренко М. С.

Инвестиции и риски возможных мошеннических действий 280

Боровиков В. Б.¹,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СЛОВО О НИКОЛАЕ ИВАНОВИЧЕ ЗАГОРОДНИКОВЕ

1975 год – год создания Московской высшей школы милиции МВД СССР (далее – МВШМ СССР). В настоящее время на ее базе функционирует Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Первым начальником кафедры МВШМ СССР был Николай Иванович Загородников, генерал-майор внутренней службы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный сотрудник МВД СССР.

Н. И. Загородников родился 22 марта 1918 г. в с. Ламки Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье сельской интеллигенции. После окончания средней школы по комсомольскому призыву был направлен в школу пилотов РККА. Однако военным летчиком стать ему было не суждено. Советское государство нуждалось в военных юристах, и Николай Иванович в 1939 г. поступил в Институт Прокуратуры СССР, а в августе 1944 г. был призван в ряды Красной армии и направлен на учебу в Военно-юридическую академию РККА.

С января 1944 г. по май 1944 г. находился в действующей армии на Волховском (позднее – Ленинградском) фронте; служил в военной прокуратуре 372-й стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии, затем поступил в адъюнктуру Военно-юридической академии РККА. Написал кандидатскую диссертацию по уголовному праву на тему «Определение меры наказания в связи с объектом преступного посягательства».

После адъюнктуры работал на кафедре уголовного права и процесса Военно-юридической академии. После упразднения Военно-юридической академии в 1956 г. перешел на работу на кафедру уголовного права и процесса в Высшую школу МВД СССР. Здесь в 1962 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Преступления против жизни в советском уголовном праве». В 1963 г. Николаю Ивановичу было присвоено ученое звание профессор, а в 1967 г. – специальное звание генерал-майора внутренней службы.

С 1967 г. по 1974 г. Н. И. Загородников – начальник Высшей школы МВД СССР. В 1973 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». В 1975 г. после создания МВШМ МВД СССР Н. И. Загородников был назначен там начальником кафедры.

Как начальника кафедры проявил себя строгим и справедливым руководителем, его отличало уважительное отношение к каждому подчиненному и требовательность за порученное дело. Большое внимание уделялось методическим аспектам преподавания уголовного права и исправительно-трудового права (данную учебную дисциплину в настоящее время преподают на кафедре криминологии Московского университета МВД России). По инициативе Николая

¹ © Боровиков В. Б., 2025.

Ивановича занятия по исправительно-трудовому праву проводились непосредственно в исправительно-трудовых колониях. Подобного рода учебные занятия, смею заверить, остались в памяти слушателей МВШМ МВД СССР на всю жизнь.

Интересной формой практических занятий по уголовному праву было проведение их на базе изучения архивных уголовных дел, которые временно находились в учебно-методическом кабинете кафедры (по договоренности с руководством районного народного суда). Несомненно, такая форма обучения приносила пользу, так как позволяла наглядно изучать различные разделы курса уголовного права.

Есть и другой пример из практики работы кафедры уголовного права под руководством Н. И. Загородникова. Все лекции в МВШМ МВД СССР записывались на магнитную пленку. Лектор мог прослушать как свои лекции, так и лекции других преподавателей по той или иной теме курса уголовного права. Таким образом, можно было учесть то лучшее, что имелось в деятельности других преподавателей, одновременно проанализировать собственные ошибки с целью совершенствования лекционного материала.

Сам Н. И. Загородников постоянно читал лекции по курсу «Общая часть уголовного права». Помимо этого, проводил аудиторные занятия в одной из групп курса, где читал лекции – вскоре это стало обязательным правилом на кафедре уголовного права МВШМ МВД СССР.

Н. И. Загородников был крупным ученым в области уголовного права. Назовем лишь некоторые из его публикаций: «Преступления против жизни по советскому уголовному праву» (1961); «Преступления против здоровья» (1969); «Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел (1979); «Классификация преступлений и ее значение для деятельности органов внутренних дел» (в соавторстве; 1983); «Выдающийся русский ученый юрист Н. С. Таганцев» (1992). Много лет работал членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде СССР.

Под руководством Н. И. Загородникова десятки адъюнктов защитили кандидатские диссертации по уголовному праву, в том числе из различных союзных республик, входивших в состав СССР.

Необходимо отметить высокий научный уровень кафедры уголовного права тех лет. В частности, на ней работали доктора юридических наук профессора В. А. Владимиров, А. В. Наумов, В. Ф. Кириченко, Г. Г. Криволапов.

По инициативе Николая Ивановича действовал научный семинар кафедры, на заседаниях которого с докладами и сообщениями выступали известные советские специалисты в области уголовного права: доктора юридических наук и профессора Х. М. Ахметшин, А. Б. Сахаров, Г. З. Анашкин, П. С. Дагель, А. Н. Игнатов, М. Н. Карпушин, Ю. М. Ткачевский, Н. А. Стручков, С. В. Дьяков, М. И. Ковалев, А. А. Тер-Акопов.

Можно сказать, что в 70–80-е гг. прошлого века научный семинар кафедры уголовного права МВШМ МВД СССР был одним из ведущих центров теории и практики уголовного права.

Отличительной чертой Н. И. Загородникова являлось внимание к истории российского уголовного права, воспитанию патриотизма в процессе проводи-

мых им занятий, на которых слушатели МВШМ МВД СССР узнавали о взглядах замечательных русских юристов Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого, М. Н. Гернета, А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича, А. В. Лохвицкого.

Не забывал Николай Иванович и о повышении общей и юридической культуры сотрудников его кафедры. Им был введен такой порядок: из числа молодых преподавателей или адъюнктов выделялся ответственный за подготовку обзоров по новинкам юридической литературы, которого заслушивали на заседаниях кафедры уголовного права.

В период руководства Н. И. Загородникова сотрудники кафедры регулярно посещали московские музеи, вернисажи, премьеры кинофильмов и театральные постановки, вызывавшие общественный резонанс.

Н. И. Загородников обладал хорошим качеством руководителя – он всегда стоял на защите интересов профессорско-преподавательского состава, если даже кто-либо совершал ошибки. Это не означало, что покрывал ошибающихся. Нет, он всегда выяснял причины упущений, допущенных тем или иным сотрудником, а затем тет-а-тет проводил соответствующую воспитательную беседу. Никогда не было с его стороны грубых слов, унижения достоинства провинившегося. Это вызывало доверие коллектива к руководителю и способствовало сплочению сотрудников.

По состоянию здоровья и по личной просьбе Николай Иванович был переведен на должность профессора кафедры уголовного права МВШМ МВД СССР, на которой проработал еще несколько лет.

26 сентября 1991 г. Н. И. Загородников скончался.

Уже тридцать четыре года с нами нет Николая Ивановича, но в памяти тех, кто с ним работал, профессор навсегда живой. С благодарностью, уважением и светлой памятью мы храним в сердце его образ.

*Жилкин М. Г.¹,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕНДЕНЦИИ

С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) в 1996 г. количество статей в гл. 22, посвященной преступлениям в сфере экономической деятельности, увеличилось с 32 до 61 (по состоянию на май 2025 г.), при этом ряд новых норм находятся на стадии законодательного рассмотрения. По данным МВД России, статистика зарегистрированных преступлений по данной главе демонстрирует значительные колебания: в 2019 г. было зафиксировано 37 788 преступлений, в 2020 г. – 39 591, в 2021 г. – 40 706, после чего последовало снижение до 37 713 случаев в 2022 г., 33 552 – в 2023 г. и 30 785 – в 2024 г. Таким образом, за два года (2022–2024) наблюдается устойчивое снижение преступности на 24 %, что происходит на фоне расширения количества составов преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ.

Важным аспектом уголовной политики в сфере экономических преступлений является изменение стоимостных порогов, определяющих квалификацию деяний. Так, порог крупного размера последовательно повышался: с 250 тыс. руб. в 2003 г. до 1,5 млн руб. в 2010 г., 2,25 млн руб. в 2016 г. и 3,5 млн руб. в 2024 г. В результате за период с 2003 по 2024 г. данный порог вырос в 16 раз, что значительно превышает уровень инфляции, составившей за тот же период 4,2 раза. Это свидетельствует о постепенной декриминализации менее значимых экономических правонарушений.

Анализ правоприменительной практики выявляет существенные проблемы. В 2024 г. 33 статьи или их части гл. 22 УК РФ не привели ни к одному осуждению. В их число входят как достаточно длительно действующие правовые конструкции (например, ст.ст. 170, 170¹, 171¹, 172²–172⁴), так и относительно новые (ст.ст. 185⁶, 200³–200⁷). Кроме того, три состава преступлений повлекли единичные осуждения: ч. 2 ст. 169 (1 осужденный), ч. 1 ст. 174 (1 осужденный) и ч. 3 ст. 184 (1 осужденный). Подобная ситуация указывает на низкую востребованность значительного числа норм о преступлениях в сфере экономической деятельности в практической деятельности правоохранительных органов.

Особого внимания заслуживает практика прекращения уголовных дел по налоговым преступлениям. Наибольшее количество прекращений приходится

¹ © Жилкин М. Г., 2025.

на чч. 1, 2 ст. 199 (уклонение от уплаты налогов) и ч. 1 ст. 199² (сокрытие имущества от налогового взыскания). Основными основаниями для прекращения дел являются отсутствие состава преступления (около 62 % случаев) и иные обстоятельства, включая возмещение ущерба и примирение сторон (30–35 %). Примечательно, что по ч. 1 ст. 199² в 2024 г. было прекращено 160 дел, причем подавляющее большинство – по нереабилитирующим основаниям, что отражает общую тенденцию к смягчению уголовной репрессии в случаях добровольного исправления нарушений.

Проведенный анализ законодательства его применения позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, значительное число составов преступлений гл. 22 УК РФ не находит применения в правоприменительной практике, что ставит вопрос об их целесообразности. Во-вторых, единичные случаи осуждения по отдельным нормам свидетельствуют о недостаточной эффективности соответствующих правовых механизмов. В-третьих, высокий процент прекращения дел по налоговым преступлениям подтверждает тенденцию к преимущественному использованию административно-восстановительных мер вместо уголовного преследования. Указанные тенденции требуют дальнейшего изучения с целью оптимизации уголовного законодательства и повышения эффективности борьбы с экономической преступностью.

Вместе с тем эффективное противодействие экономической преступности требует не только пересмотра правовых подходов, но и повышения точности применения норм гл. 22 УК РФ. В 2022–2025 гг. в рамках специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» защищен ряд диссертаций, посвященных преступлениям в сфере предпринимательской деятельности. Эти исследования отражают современные научные подходы к уголовно-правовому регулированию экономических отношений, охватывая широкий спектр составов преступлений.

За указанный период защищены 21 диссертация, включая 1 докторскую работу А. В. Даниловской (Красноярск, 2024) по уголовно-правовой политике в сфере защиты конкуренции и 20 кандидатских исследований, посвященных узким аспектам экономических преступлений. Защиты проходили в ведущих научных центрах: МГУ имени М. В. Ломоносова, МГЮА имени О. Е. Кутафина, Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, а также в региональных вузах, что свидетельствует о широкой географии исследований.

Анализ диссертационных работ выявил ключевые проблемы правоприменения, среди которых:

1) бланкетный характер норм, требующий отсылки к специализированному законодательству;

2) неоднородность понятийного аппарата;

3) высокие стоимостные пороги ответственности;

4) сложности разграничения смежных составов;

5) низкая эффективность правоприменения;

6) пробелы в регулировании новых экономических явлений.

При этом диссертационные исследования демонстрируют явный перекос в сторону изучения «популярных» преступлений (финансовые пирамиды и незаконное привлечение денежных средств, кредитование, банкротство, налого-

вые и фискальные преступления), тогда как малоэффективные нормы остаются без должного внимания.

Авторами предложены:

- 1) конкретные меры совершенствования законодательства, включая разработку поправок к исследуемым нормам;
- 2) введение новых составов (незаконная коллекторская деятельность, теневое кредитование);
- 3) гармонизация налоговых и таможенных норм;
- 4) подготовка разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации;
- 5) усиление межведомственного взаимодействия;
- 6) совершенствование профессиональной подготовки кадров.

Однако даже в докторской диссертации А. В. Даниловской вопрос о неэффективности отдельных норм (например, ст.ст. 178, 180 УК РФ) рассматривается лишь фрагментарно, что свидетельствует о более общей проблеме современной уголовно-правовой науки.

Особого внимания заслуживают недостаточно исследованные аспекты:

- 1) новеллы 2023–2024 гг. (ст. 172⁴, 173³, 193¹ УК РФ);
- 2) квалификация преступлений с учетом измененных критериев ущерба;
- 3) уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности;
- 4) трансграничные экономические преступления.

Отмечается недостаточная разработанность сравнительно-правовых исследований с участием стран СНГ, ЕАЭС и БРИКС. В условиях санкционного давления актуализируется необходимость анализа уголовно-правовых режимов дружественных государств, оценки возможностей унификации подходов, разработки моделей межгосударственного сотрудничества.

Современные исследования демонстрируют комплексный подход, сочетающий доктринальный анализ с изучением эмпирических данных, хотя требуют большего внимания к сравнительно-правовым аспектам и новейшим изменениям законодательства. Сложившаяся ситуация требует переориентации научных исследований на выявление и анализ неработающих норм гл. 22 УК РФ, изучения причин их неэффективности и разработки конкретных предложений по оптимизации уголовного законодательства. Такой подход позволит не только устранить существующие пробелы в научном знании, но и повысить эффективность уголовно-правового регулирования экономических отношений. Особую актуальность приобретают сравнительно-правовые исследования, которые могли бы выявить лучшие практики регулирования аналогичных составов преступлений в законодательстве стран СНГ и ЕАЭС.

Кроме того, первоначально требуется разработка целостной концепции уголовно-правовой охраны экономических отношений. Необходимо четко определить перечень общественных отношений, составляющих объект экономических преступлений, и выстроить систему норм в логической взаимосвязи. Ученые предлагают провести глубокое переосмысление самого понятия экономического преступления и критериев отграничения его от иных правонарушений. Унификация подходов должна выражаться в устранении дублирующих или противоречивых норм и в выработке единых определений ключевых понятий (таких

как «предпринимательская деятельность», «экономическая выгода», «крупный ущерб» и пр.). Законодатель и Верховный Суд Российской Федерации могли бы совместно разработать разъяснения или даже отдельный закон, содержащий основы квалификации преступлений в сфере экономики – своего рода «экономический уголовно-правовой глоссарий». Кроме того, следует обеспечить единообразное применение уже действующих льготных механизмов (освобождение от ответственности при возмещении ущерба, судебный штраф и др.), доведя до каждого правоприменителя четкие критерии их применения, чтобы устранить разночтения между разными регионами и ведомствами.

Назрела необходимость проанализировать эффективность каждого состава преступления, предусмотренного нормами гл. 22 УК РФ и смежных глав, касающихся экономических отношений, с точки зрения их реальной применимости и целесообразности. От некоторых устаревших или избыточных составов целесообразно отказаться. Примером уже осуществленной оптимизации является исключение из УК РФ таких деяний, как лжепредпринимательство и заведомо ложная реклама, которые перекочевали в разряд административных правонарушений, не повлияв негативно на обстановку с преступностью. В экспертной среде выдвигаются предложения декриминализировать также злоупотребление полномочиями в коммерческих организациях (ст. 201 УК РФ) – этот состав зачастую используется для уголовного преследования хозяйственных решений, не связанных с хищением или обманом, что, по мнению специалистов, чрезмерно криминализует предпринимательский риск. Вместо этого усилия правоохранителей должны быть сконцентрированы на борьбе с действительно общественно опасными деяниями, такими как мошенничество, финансовые пирамиды, отмывание денег, коррупционные схемы, причиняющие крупный ущерб государству и инвесторам. Следует также рассмотреть возможность укрупнения некоторых смежных составов, чтобы избежать раздробленности. Например, ряд преступлений против интересов кредиторов (преднамеренное и фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве) могли бы быть объединены в единый комплексный состав с дифференциацией по тяжести последствий, что облегчило бы квалификацию. Общий пересмотр главы о преступлениях в сфере экономической деятельности на предмет устранения пробелов и дубликатов, а также обновления диспозиций в соответствии с современной экономической практикой, стал бы шагом к созданию более стройного и понятного уголовного закона.

Для повышения системности многие исследователи предлагают реформировать Особенную часть УК, сгруппировав составы не только по родовому объекту (как сейчас по главам), но и по более специфичным видам непосредственного объекта посягательства. В частности, внутри блока экономических преступлений можно выделить подгруппы: преступления против финансовой системы (например, незаконная банковская деятельность, отмывание доходов, валютные преступления), преступления против фискальных интересов государства (налоговые преступления, таможенные преступления), преступления против добросовестной конкуренции и рынка (монополистические действия, незаконная предпринимательская деятельность, нарушение правил рекламы

и торговли), преступления против прав потребителей и партнеров по бизнесу (мошенничество, преднамеренное банкротство, злоупотребление полномочиями в корпорациях). Такая перекатегоризация по объектному признаку позволила бы более четко отразить в законодательстве сущностные отличия разных групп экономических посягательств. Научные разработки предлагают именно формально-логическое моделирование главы о преступлениях в сфере экономической деятельности на базе структуры экономических отношений. Иными словами, уголовный закон должен отражать структуру охраняемых экономических благ и процессов. Это могло бы выражаться, например, в переименовании гл. 22 УК РФ с более точным указанием объекта и перераспределением составов по новым разделам. В итоге новый систематизированный подход облегчит уяснение цели каждой нормы и устранил ситуационные пробелы. Разумеется, подобная реформа требует тщательного научного обоснования и времени, однако движение в этом направлении уже начато в виде диссертационных исследований и экспертных концепций.

Совершенствование законодательства должно сопровождаться мерами по улучшению правоприменительной практики. Необходимо усиливать методическое обеспечение для следователей и судей, занимающихся экономическими делами: издавать подробные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по сложным вопросам квалификации, проводить обучение и обмен опытом между правоохранительными органами, специализирующимися на экономических расследованиях. Целесообразно создать в крупных регионах специализированные подразделения (или группы прокуроров) по надзору за расследованием экономических преступлений, что позволит аккумулировать экспертизу и обеспечить более равномерное применение закона. Следует внедрять современные цифровые инструменты для выявления аномалий и подозрительных транзакций, тем самым повышая раскрываемость сложных финансовых махинаций. Одновременно нужно продолжить политику ограничения необоснованных силовых действий в отношении бизнеса – строго пресекать случаи возбуждения дел без достаточных доказательств, вести учет и контроль над делами, приостановленными или прекращенными по нереабилитирующим основаниям. Каждый такой случай должен анализироваться, чтобы выявить и устранить причины – будь то пробел в законе или злоупотребление со стороны должностных лиц. Прозрачность и предсказуемость правоприменения в экономической сфере станут залогом доверия со стороны предпринимательского сообщества. Это, в свою очередь, укрепит партнерство бизнеса и государства в противодействии преступности: добросовестные предприниматели будут готовы активнее сотрудничать со следствием, сообщать о случаях вымогательства или мошенничества, если будут уверены в справедливой защите своих прав.

Подводя итог, следует отметить, что современные тенденции в области противодействия экономическим преступлениям отражают стремление государства адаптировать уголовно-правовые меры к реалиям новой экономики и потребностям развития предпринимательства. Происходит постепенный переход от преимущественно карательного подхода к дифференцированному и превентивному: из уголовного закона устраняются излишние запреты, повышаются пороги

ответственности, вводятся стимулы к возмещению ущерба и добровольному соблюдению закона. Одновременно сохраняется курс на неизбежность наказания за действительно опасные посягательства, причиняющие серьезный урон финансовой системе, государству и гражданам. Научное осмысление этих процессов позволяет выработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию законодательства – от структурной реформы соответствующих глав УК РФ до точечных поправок и разъяснений. Реализация предложенных мер – унификации подходов, пересмотра составов, структуризации норм по объекту, улучшения практики – призвана сформировать более эффективную и справедливую систему противодействия экономическим преступлениям, отвечающую вызовам времени и способствующую устойчивому экономическому развитию страны.

Ковальчук А. В.¹,
*докторант научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

**ПРОБЛЕМЫ ОТРАЖЕНИЯ СОРАЗМЕРНОСТИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
(НА ПРИМЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ
ПЛАТЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА
И ИХ РЕКВИЗИТОВ (СТ. 222 УК)**

Успешная реализация государственной политики невозможна без опоры на экономику, на основе которой реализуются все государственные социальные программы. Состояние экономической модели государства оказывает существенное влияние на уровень жизни его граждан. Как показывает социальная действительность, сфера экономики нередко выступает объектом противоправных посягательств и именно поэтому нуждается в эффективной уголовно-правовой охране [1, с. 409].

Одним из наиболее распространенных преступных проявлений в названной сфере в последние годы является незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ). Сущность общественной опасности данного вида преступлений состоит, в частности, в распространении из корыстных побуждений, находящихся в незаконном владении реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможен доступ к счетам, электронным или виртуальным кошелькам, а также изготовлением в целях сбыта или сбытом поддельных платежных инструментов и средств платежа. Такая деятельность позволяет злоумышленникам формировать нелегальные потоки по выводу денежных средств и криптовалюты, полученных преступным путем, нарушает установленный в государстве порядок осуществления экономической деятельности и существенным образом затрудняет установление правоохранительными органами организаторов либо исполнителей преступных схем.

В настоящее время рассматриваемая статья УК РБ сформулирована в редакции Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З в следующем виде:

«Статья 222. Незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов

1. Распространение из корыстных побуждений находящихся в незаконном владении лица реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам, электронным или виртуальным кошелькам, – наказывается штрафом, или ис-

¹ © Ковальчук А. В., 2025.

правительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных банковских платежных карточек, иных платежных инструментов и (или) средств платежа – наказываются штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные повторно, либо группой лиц, либо сопряженные с получением дохода в крупном размере, – наказываются ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом или без штрафа.

4. Действия, предусмотренные чч. 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершенные организованной группой либо сопряженные с получением дохода в особо крупном размере, – наказываются ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом или без штрафа».

За период действия УК РБ упомянутая статья менялась пять раз и претерпела ряд значительных изменений, обусловленных установлением соответствия используемых терминов действующему законодательству, появлением новых разновидностей финансовых инструментов, средств обмена, подлежащих уголовно-правовой охране, а также целесообразностью дифференциации уголовной ответственности за данное преступление. Наиболее существенными из названных изменений явились корректировки, осуществленные в УК РБ Законами от 6 января 2021 г. № 85-З и от 17 февраля 2025 г. № 61-З. Данными новеллами существенно скорректирована уголовная противоправность рассматриваемого вида преступления. Из диспозиции прежней редакции ч. 1 ст. 222 УК РБ обоснованно исключены чеки и чековые книжки, которые до внесения изменений относились к числу платежных средств, не являющихся ценными бумагами, и одновременно, в соответствии со ст.ст. 143, 144 Гражданского кодекса Республики Беларусь, признавались ценными бумагами. Название банковских карт изложено в соответствии с терминологией, используемой банковским законодательством [2, с. 36]. Кроме того, был расширен предмет данного вида преступления, к которому, помимо поддельных банковских платежных карточек, стали относиться поддельные платежные инструменты и средства платежа, а также находящиеся в незаконном владении реквизиты банковских платежных карточек, аутентификационные данные, посредством которых возможно получение доступа к счетам, электронным или виртуальным кошелькам.

Положительным следует оценить проведенную Законом от 17 февраля 2025 г. № 61-З более глубокую дифференциацию уголовной ответственности за данное преступление, выраженную, во-первых, в выделении из ч. 1 ст. 222 УК РБ такой формы противоправного поведения, как «Изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных банковских платежных карточек, иных платежных инструментов и (или) средств платежа» и ее помещении, ввиду повышенной общественной опасности указанных действий, в самостоятельную ч. 2 этой же статьи, а во-вторых, в дополнении названной статьи чч. 3 и 4, в которых, в за-

висимости от повторности совершаемых действий, форм соучастия и полученного виновным размера дохода, были сконструированы соответствующие квалифицирующие признаки.

Значимым в контексте изменений, внесенных указанных Законом, явилась декриминализация незаконного распространения из корыстных побуждений реквизитов собственных банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам или электронным кошелькам. В настоящий момент такие деяния представляют собой административное правонарушение (ст. 12.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). Полагаем, что подобной новеллой законодатель реализовал нормативную соразмерность противоправности деяний ответственности за их совершение и оправданно сделал ставку на необходимости уголовно-правовой борьбы с лицами, осуществляющими распространение из корыстных побуждений чужих аутентификационных данных, а не с гражданами, сформировавшими негативный стереотип получения легких денег в результате несложных манипуляций с регистрацией на свое имя платежных инструментов и средств платежа и их возмездного предоставления другим лицам.

Вместе с тем анализ норм об уголовной ответственности за совершение данного преступления свидетельствует, что их регламентация еще не в полной мере соответствует идее соразмерности уголовного закона, предполагающей соответствие нормативного регулирования существующим общественным отношениям, подлежащим уголовно-правовой охране. Обрисуем некоторые проблемы отражения идеи соразмерности уголовного закона и предложим пути их разрешения.

1. *Проблема несоразмерности наименования статьи ее содержанию.* Обратим внимание на непосредственный объект рассматриваемого вида преступления. Им, исходя из сущности и содержания анализируемой статьи, выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности, обеспечивающие установленный в государстве порядок обращения, использования аутентификационных данных платежных инструментов, средств платежа и виртуальных кошельков (ч. 1 ст. 222 УК РБ), а также общественные отношения эмиссии и распространения подлинных платежных инструментов и средств платежа (ч. 2 ст. 222 УК РБ). Выделение нами в качестве самостоятельного объекта данного преступления порядка обращения аутентификационных данных виртуальных кошельков обусловлено тем, что таковые не относятся действующим законодательством Республики Беларусь к аутентификационным данным платежных инструментов и средств платежа. Виртуальный кошелек предназначен для получения доступа или хранения цифровых знаков (токенов), в том числе криптовалюты, выступающих средствами обмена. Нами намеренно в качестве объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РБ, не выделялись порядок обращения с реквизитами банковских платежных карточек и порядок обращения аутентификационных данных электронных кошельков, поскольку банковская платежная карточка и электронный кошелек являются платежными инструментами, а реквизиты банковской платежной карточки относятся к аутентификационным данным. В этой части, на наш взгляд, название ст. 222 УК РБ не соответствует ее фактическому содержанию, поскольку не

учитывает аутентификационные данные виртуальных кошельков, в связи с чем требует внесения соответствующих законодательных корректировок.

2. *Проблема несоразмерности регламентации предмета преступления существующим отношениям, нуждающимся в уголовно-правовой охране.* Предмет преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 222 УК РБ, выражен законодателем в виде поддельных банковских платежных карточек, платежных инструментов и средств платежа. Нам представляется, что законодатель при формулировании указанного предмета, во-первых, излишне указал на поддельные банковские платежные карточки, поскольку таковые являются платежными инструментами и их упоминание в норме является излишним, во-вторых, не исключил из круга предметов данного преступления наличные денежные средства, поскольку таковые, при наличии соответствующих условий, выступают предметом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 221 УК РБ «Изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг», и в-третьих, усеченно сформулировал предмет данного преступления. Последнее утверждение связано с тем, что оборот аутентификационных данных виртуальных кошельков охраняется нормой, предусмотренной ч. 1 ст. 222 УК, а сами средства на указанных кошельках (токены, криптовалюта) выведены за пределы такой охраны. Учитывая, что криптовалюта не относится к средствам платежа, а представляет собой биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена, а также то, что в современных реалиях существует риск создания злоумышленниками (например, операторами криптоплатформ) аналогов подлинных блоков транзакций цифровых знаков и возможности при осуществлении операций их замены на подлинные, указанный предмет преступления нуждается в уголовно-правовой охране.

Таким образом, для восполнения пробелов уголовно-правового регулирования, установления соответствия формы ст. 222 УК РБ ее содержанию, представляется сформулировать данную статью в следующей редакции:

«Статья 222. Незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа, обмена и их аутентификационных данных

1. Распространение из корыстных побуждений находящихся в незаконном владении лица аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам, электронным или виртуальным кошелькам, – наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных платежных инструментов, средств платежа и (или) обмена при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 221 настоящего Кодекса, – наказываются штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

3. Действия, предусмотренные чч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенные повторно, либо группой лиц, либо сопряженные с получением дохода в крупном размере, – наказываются ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом или без штрафа.

4. Действия, предусмотренные чч. 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершенные организованной группой либо сопряженные с получением дохода в особо крупном размере, – наказываются ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом или без штрафа».

Предлагаемая нами регламентация рассматриваемой статьи в полной мере будет соответствовать идее соразмерности уголовного закона и отражать объективную потребность в надлежащей охране существующей сферы общественных отношений.

Список литературы

1. Ковальчук А. В. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за преступления против порядка осуществления экономической деятельности // Уголовное право Республики Беларусь. Научно-методологические основы : учебник / [С. В. Ананич и др.] ; под общ. ред. О. И. Бахура, А. В. Ковальчука ; Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Минск : Академия МВД, 2024. С. 409–413.

2. Ковальчук А. А., Ковальчук А. В. Квалификация незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов в условиях новеллизации уголовного законодательства // Предварительное расследование. 2023. № 1. С. 34–41.

Духовник Ю. Е.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного права
УО «Академия МВД Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

Меерсон В. Р.²,

*доцент кафедры уголовного права
УО «Академия МВД Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях глобализации экономических отношений в XXI в., а также усиления трансграничного взаимодействия между государствами особую значимость приобретает сопоставление правовых систем стран с общей историко-культурной основой. В рамках евразийского пространства Российская Федерация и Республика Беларусь связаны не только географически и экономически, но и особой правовой традицией, восходящей к предыдущим историческим периодам. В контексте взаимодействия и продолжающихся интеграционных процессов, а также учитывая уже сформировавшиеся институты Союзного государства, поддержание экономической безопасности двух стран представляется чрезвычайно значимой сферой, куда следует устремить взор, в том числе и законодателью. Не последнюю роль в рамках формирования государственного бюджета приобретает налоговая политика, а также правовые механизмы, предназначенные для охраны соответствующей сферы общественных отношений.

Таким образом, сравнение групп налоговых преступлений в указанных государствах позволяет не только выявить различия в законодательных конструкциях соответствующих составов, но и оценить эффективность применяемых мер уголовно-правового воздействия. Это чрезвычайно важно в контексте развития сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Беларусь с учетом современных реалий, в которых гармонизация правовых норм становится не просто желательной, но и необходимой.

Кроме того, налоговая безопасность является краеугольным камнем экономической стабильности, а потому исследование механизмов ее обеспечения в Союзном государстве помогает вырабатывать качественные рекомендации как для законодательства, так и для правоприменения.

В то же время сравнительный анализ налоговых преступлений актуален не только с научной и практической точек зрения, но и в контексте выстраивания

¹ © Духовник Ю. Е., 2025.

² © Меерсон В. Р., 2025.

общей транснациональной стратегии уголовной политики и укрепления экономической устойчивости в регионе.

В ст.ст. 198–199.2 Уголовного кодекса (далее – УК) Российской Федерации [1] предусматривается уголовно-правовая охрана экономических и финансовых интересов государства, отношения, возникающие между налогоплательщиками и государством. Вместе с тем в Республике Беларусь систему уголовно-правовых средств, направленных на противодействие уклонению от уплаты налогов, сборов, составляют ст. 243 «Уклонение от уплаты налогов, сборов», ст. 243¹ «Уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов» и ст. 243² «Налоговое мошенничество» Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]. Указанные уголовно-правовые нормы сформировались в результате внесенных в мае 2021 г. изменений и дополнений в УК Республики Беларусь. Законодатель дифференцировал ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов, в зависимости от субъекта и способа совершения преступления путем дополнения уголовного закона двумя новыми статьями – ст.ст. 243¹ и 243² УК.

Следует рассмотреть подробнее некоторые составы данных преступлений в УК двух государств. Следует начать с наиболее характерного для сферы налогообложения преступления для любого современного государства.

Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов (ст. 198 УК РФ). Объективная сторона указанного преступления характеризуется деянием в активной и пассивной формах и выражается в уклонении физического лица от уплаты налогов и (или) сборов либо страховых взносов путем непредставления налоговой декларации или иных документов, предоставление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений. Ответственность наступает за уклонение от уплаты налогов, сборов или взносов в крупном (особо крупном) размере. Согласно примечанию к данной статье, таким размером признается сумма налогов, сборов, страховых взносов, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 2 700 000 руб., а особо крупным размером – сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 13 500 000 руб. Состав преступления формальный, оно считается оконченным с момента фактического непредставления декларации о доходах либо внесения в нее заведомо ложных сведений о доходах и расходах. Ошибки в декларации, ее непредставление без цели уклонения, а по другим извинительным моментам, исключают уголовную ответственность. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Субъект преступления – физическое вменяемое лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства), достигшее шестнадцатилетнего возраста, на которое в соответствии с законодательством о налогах, сборах и страховых взносах возложена обязанность по их исчислению и уплате в соответствующий бюджет.

Аналогичная указанной российской норме предусмотрена в ст. 243 УК Республики Беларусь. Вместе с тем объективную сторону преступления образуют

деяние в четырех альтернативных (активных и пассивной) формах, общественно опасное последствие в виде ущерба в значительном (крупном или особо крупном) размере и причинная связь между ними. Здесь сразу заметны существенные отличия от российской нормы в конструкции объективной стороны (материальный состав) и описании криминообразующих признаков, содержащихся в диспозиции. Активными формами уклонения от уплаты налогов, сборов являются деяния в виде:

- 1) сокрытия налоговой базы;
- 2) занижения налоговой базы;
- 3) внесения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию (расчет).

Пассивная форма уклонения от уплаты налогов, сборов представлена бездействием в виде уклонения от представления налоговой декларации (расчета). Значительным размером ущерба в данной статье признается размер ущерба на сумму в две тысячи и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, крупным размером – в три тысячи пятьсот и более раз, особо крупным размером – в тридцать тысяч и более раз превышающую такой размер базовой величины. Таким образом, на 2025 г. определяющие размеры значительного, крупного и особо крупного ущерба в национальной валюте составляют 84 000, 147 000 и 1 260 000 белорусских рублей (около 2 264 900, 3 963 600, 33 974 100 российских рублей соответственно по текущему курсу Национального Банка Республики Беларусь). Субъективная сторона преступления выражена умышленной формой вины в виде прямого умысла. В результате совершения данного преступления виновный преследует цель – уклониться от уплаты налогов, сборов. Субъект преступления специальный: частное лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, обязанное уплачивать в бюджет соответствующие суммы налоговых платежей и вести учет объектов налогообложения, представлять налоговому органу налоговую декларацию (расчет); должностное или иное уполномоченное лицо юридического лица, обязанное перечислять в бюджет соответствующие суммы налоговых платежей и вести бухгалтерский и налоговый учеты, представлять налоговому органу соответствующую достоверную информацию.

Стоит отметить, что в отличие от белорусского в российском уголовном законодательстве выделяется также ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов». В основном все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, совпадают с признаками деяния, ответственность за которое предусмотрено ст. 198 УК РФ. Особенностью состава является предмет преступления – налоги, сборы и (или) страховые взносы, взимаемые с организаций (юридических лиц). Имеется отличие и в суммах, составляющих крупный и особо крупный размеры: законодателем установлены повышенные размеры соответствующих сумм (крупным размером признается сумма налогов, сборов, страховых взносов, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 18 750 000 руб., особо крупным размером – сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 56 250 000 руб.). Субъект преступле-

ния также отличается от субъекта, предусмотренного в ст. 198 УК РФ, – физическое вменяемое лицо, в функциональные обязанности которого входит уплата налогов и (или) сборов с организации (руководитель, главный бухгалтер).

Здесь нужно подчеркнуть, что нормой, предусмотренной в ст. 243 УК Беларуси, детализируется больше форм уклонения от уплаты налогов, а также субъект включает в себя больший круг лиц, по сути, охватывая субъектов двух преступлений схожего порядка, предусмотренных в ст.ст. 198–199 УК РФ.

Следующим необходимо рассмотреть преступление, признаки состава которого описаны в ст. 199.1 УК РФ «Неисполнение обязанностей налогового агента». Объективная сторона характеризуется деянием в форме бездействия, которое состоит в неисполнении обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов (сборов), подлежащих в соответствии с налоговым законодательством исчислению, удержанию (у налогоплательщика) и перечислению в соответствующий бюджет, совершенном в крупном (особо крупном) размере. Указанные размеры в денежном исчислении идентичны представленным в ст. 199 УК РФ. Окончание данного преступления законодатель связывает с моментом неперечисления (в личных интересах) налоговым агентом сумм налогов (сборов) в соответствующем размере, которые он должен был исчислить и удержать у налогоплательщика. То есть состав преступления формальный. Также, как видно из предыдущего, субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и наличием мотива – личной заинтересованности. Мотив личной заинтересованности (личных интересов) заключается в стремлении к извлечению материальной или нематериальной выгоды. Он может быть обусловлен рядом моментов (либо вытекать из них): карьеристскими устремлениями, связями между близкими, покровительством, желанием скрыть истинное положение вещей, получить ответную услугу, заручиться поддержкой в решении каких-либо дел и т. п. Субъект преступления специальный – налоговый агент, в функциональные обязанности которого входят исчисление, удержание у налогоплательщика и перечисление в соответствующий бюджет налогов.

Уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (ст. 243¹ УК Республики Беларусь) является относительной новеллой в белорусском уголовном законодательстве и в полной мере сущностно повторяет положения ст. 199.1 УК РФ. Криминализация соответствующего деяния в Республике Беларусь в первую очередь была направлена на пресечение такого явления, как зарплаты в конвертах, так как удержание и перечисление подоходного налога в указанной ситуации явно не осуществляется. Вместе с тем имеются и отличия по конструкции объективной стороны состава данного преступления в сравнении с российским аналогом. По конструкции объективной стороны, составы преступлений, предусмотренные ст. 243¹ УК, являются материальными и окончены с момента причинения ущерба в соответствующем размере. Объективную сторону преступления образует бездействие в виде уклонения субъекта преступления от исполнения обязанностей по перечислению налогов, сборов, подлежащих исчислению, удержанию у плательщика и перечислению в бюджет, общественно опасное последствие в виде причине-

ния ущерба в крупном (особо крупном) размере и причинная связь между ними. Под ущербом понимается сумма всех неуплаченных налогов, сборов. Крупным признается размер ущерба на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером – в две тысячи и более раз превышающую размер такой базовой величины. Таким образом, на 2025 г. определяющие размеры крупного и особо крупного ущерба для описываемого преступления в национальной валюте составляют 42 000 и 84 000 белорусских рублей (около 1 132 400, 2 264 900 российских рублей соответственно по текущему курсу Национального Банка Республики Беларусь). Субъективная сторона преступления выражена умышленной формой вины в виде прямого умысла. В результате совершения данного преступления виновный преследует цель – уклониться от перечисления сумм налогов, сборов. Указание на мотив личной заинтересованности в белорусском УК в диспозиции анализируемой статьи отсутствует. Субъект идентичен российской норме – налоговый агент.

Что касается преступления, предусмотренного в ст. 199.2 УК РФ (Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов), то выделенный самостоятельный аналог в Особенной части УК Республики Беларусь отсутствует. Объективная сторона характеризуется деянием в виде сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам, сборам, страховым взносам в крупном (особо крупном) размере. Состав по конструкции объективной стороны формальный. Недоимка – сумма налога, сумма сбора или сумма страховых взносов, не уплаченная (не перечисленная) в установленный законодательством о налогах и сборах срок. Состав преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, наличествует, когда размер недоимки по налогам, сборам, страховым взносам равен стоимости сокрытого имущества в крупном размере или превышает ее. Крупным размером признается задолженность в сумме, превышающей 3 500 000 руб., а особо крупным – 13 500 000 руб. Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом. Субъект преступления специальный – собственник или руководитель организации либо иное лицо, выполняющее управленческие функции в этой организации, или индивидуальный предприниматель.

Вместе с тем стоит обратить внимание, что в УК Республики Беларусь также присутствует оригинальная норма, описывающая преступление, отличающееся от указанных выше общественно опасных деяний из УК РФ. Одна из новелл в исследуемой сфере, выразившаяся в дополнении УК Беларуси ст. 243² «Налоговое мошенничество», явилась следствием наличия в правоприменительной практике и уголовно-правовой доктрине затруднений при квалификации деяний, связанных с незаконным возвратом из бюджета сумм налога на до-

бавленную стоимость (далее – НДС), в ситуациях, когда НДС уплачивается лицом в надлежащем объеме, после чего в налоговые органы им представляется требование о возмещении налоговых вычетов по НДС, на которое оно в действительности не имело право.

Таким образом, объективную сторону указанного преступления образует действие в виде представления уполномоченному органу документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо заведомо ложных сведений иным способом для необоснованного возврата налогов, сборов, общественно опасное последствие в виде причинения ущерба в крупном (особо крупном) размере и причинная связь между ними. Размеры ущерба идентичны таковым для ст. 243¹ УК Беларуси.

Ранее уголовно-правовая оценка подобного рода деяний требовала разрешения конкуренции норм о мошенничестве (ст. 209 УК Республики Беларусь) и упомянутой ранее ст. 243 УК Республики Беларусь. В настоящее время данная конкуренция устранена в пользу применения специальных норм, предусмотренных в ст. 243² УК Беларуси. Однако, как представляется, указанная статья внесла правовую неопределенность, что не отвечает принципу системности уголовного закона, поскольку ее название указывает на то, что она является формой хищения – специальным видом мошенничества. Анализ ч. 1. ст. 243² УК Беларуси свидетельствует, что данная статья является не специальным видом мошенничества как формы хищения, а одним из способов уклонения от уплаты налогов, сборов в виде представления заведомо ложных сведений в целях необоснованного их возврата. Этот способ отражает своеобразие уклонения от уплаты для отдельных налогов, сборов, например, налога на добавленную стоимость. Поэтому представляется необходимым и отвечающим смыслу уголовного закона указание на данный способ уклонения от уплаты в диспозиции ч. 1 ст. 243 УК Беларуси, и одновременное исключение ст. 243² УК Беларуси. Предложенный законодательный подход позволит понимать уклонение от уплаты налогов, сборов более широко, а именно не только саму их неуплату, как не поступление в бюджет соответствующих денежных средств, но и создание лицом препятствий для осуществления налогового контроля, а также устранил ситуации правовой неопределенности и разрешит проблемные вопросы квалификации, в том числе незаконного возврата НДС [3, с. 155]. Такое понимание уклонения от уплаты налогов, сборов будет способствовать уголовно-правовой оценке деяний, описанных в ст. 243² УК Беларуси, исключительно по ст. 243 УК Беларуси. В этой связи диспозиция ч. 1 ст. 243 УК Беларуси могла бы быть изложена в новой редакции: «1. Деяние, сопряженное с сокрытием, умышленным занижением налоговой базы, уклонением от представления налоговой декларации (расчета) или внесением в нее заведомо ложных сведений, а также с умышленным предоставлением иных неверных или неполных данных, являющихся существенными для целей налогообложения, повлекшее причинение ущерба в значительном размере (уклонение от уплаты налогов, сборов)» [4, с. 53].

В то же время недавняя (введена Федеральным законом от 23 ноября 2024 г. № 406-ФЗ) новелла российского УК – ст. 173.3. (Организация деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов)

в определенной степени коррелирует с описанной выше белорусской нормой. Указанная новелла направлена на борьбу с фиктивными данными, не подкрепленными реальными хозяйственными операциями, с целью уменьшения налоговых обязательств или получения необоснованных налоговых вычетов. Доходом в крупном (особо крупном размере) признается доход в размере, превышающем 3 500 000 и 13 500 000 российских рублей соответственно. Сущность криминализированной таким образом преступной деятельности заключается в том, что злоумышленниками приобретаются уставные документы организаций, зарегистрированных на подставных лиц, от имени которых осуществляется изготовление подложных счетов-фактур и налоговых деклараций, подтверждающих налоговые вычеты недобросовестных налогоплательщиков. Счета-фактуры и налоговые декларации сбываются заказчику либо по его поручению предоставляются в налоговые органы. За указанные действия организаторы противоправной деятельности получают незаконное вознаграждение. Действующие ранее нормы Уголовного кодекса Российской Федерации не позволяли применить к организаторам указанной противоправной деятельности мер уголовного воздействия, соответствующих их общественной опасности (соучастие в форме пособничества в рамках уклонения от уплаты налогов).

Таким образом, сравнительно-правовой анализ отдельных положений, касающихся уголовно-правовой охраны отношений в сфере порядка осуществления экономической деятельности (отношений в сфере осуществления налогообложения, в частности), в Республике Беларусь и Российской Федерации позволяет сделать определенный оптимистичный вывод. Несмотря на различия в особенностях законодательной конструкции и специфики криминализации отдельных общественно опасных деяний, уголовная политика в союзных государствах демонстрирует устойчивое стремление к повышению эффективности противодействия соответствующим преступным проявлениям. Одной из ключевых общих тенденций развития российского и белорусского уголовного законодательства является движение в сторону дифференциации ответственности и повышения роли общей превенции.

Особого внимания заслуживает тенденция к гармонизации уголовного законодательства в рамках союзных и интеграционных процессов, прежде всего в контексте Союзного государства. Следует особо отметить, что несмотря на существующие различия, Беларусь и Россия демонстрируют схожее направление развития уголовного законодательства в анализируемой сфере, нацеленное на достижение сбалансированных, обеспечивающих защиту публичных интересов и, безусловно, эффективных механизмов. Это представляется логичным и обоснованным шагом на пути к укреплению правового единства и правоприменительной практики в рамках союзной и евразийской интеграции.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/10108000/>.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : в редакции Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. // ИПС «Эталон-Online».

3. Духовник Ю. Е. Незаконный возврат сумм налога на добавленную стоимость: вопросы квалификации и совершенствования уголовного законодательства // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Международной научно-практической конференции (Минск, 26 февраля 2021 г.) / Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Минск : Академия МВД, 2021. С. 154–155.

4. Духовник Ю. Е. Новеллизация уголовного законодательства в сфере противодействия уклонению от уплаты налогов, сборов: решение прежних и новых проблем // Уголовное право: проблемы, поиски, решения : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 7–8 октября 2022 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2022. С. 50–53.

Осипов В. А.¹,

*заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Туманов А. С.²,

*преподаватель кафедры
уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕЗАКОННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В условиях динамичного развития гражданского оборота и усложнения финансовых отношений, в частности в сфере потребительского кредитования, проблема урегулирования противоправных действий, направленных на возврат просроченной задолженности, приобретает особую актуальность. Долгое время законодательство Российской Федерации испытывало значительные затруднения в эффективных механизмах уголовно-правового реагирования на неправомерные методы взыскания долгов со стороны недобросовестных коллекторов и иных лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности. Подобный пробел в правовом регулировании, как справедливо отмечает ряд исследователей, например, Д. Е. Незнаева, привела к систематическому нарушению конституционных прав и законных интересов граждан, ставшему источником значительной социальной напряженности [1, с. 143].

Осознавая общественную опасность рассматриваемых действий, законодатель предпринял решительный шаг к криминализации подобных деяний, введя Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ в УК РФ ст. 172.4, предусматривающую ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Эта новелла, как отмечает К. И. Никитин, является проявлением социально-правовой обусловленности и отражает настоятельную потребность в защите зачастую уязвимого положения заемщиков [2, с. 556].

Однако, как это часто бывает с введением новых составов преступлений, в судебно-следственной практике может возникнуть широкий круг вопросов, требующих отдельного доктринального осмысления и тщательного анализа.

¹ © Осипов В. А., 2025.

² © Туманов А. С., 2025.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в правоприменительной практике, возникающих в связи с введением статьи 172.4 УК РФ, является ее отграничение от смежных составов преступлений. Эти сложности обусловлены тем, что делинквентные действия, совершаемые при незаконном осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности, зачастую коррелируют с объективной стороной других, давно известных уголовному праву посягательств. Схожесть отдельных объективных признаков, таких как применение насилия, уничтожение имущества или распространение порочащих сведений, с элементами составов вымогательства (ст. 163 УК РФ), самоуправства (ст. 330 УК РФ), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ), неизбежно порождает коллизии при квалификации.

Вымогательство (ст. 163 УК РФ). Ключевое отличие, на наш взгляд, заключается в предмете посягательства. При вымогательстве предметом является чужое имущество (или право на имущество, либо действия имущественного характера), на которое виновный не имеет законных прав. Это означает, что требование виновного по своей сути является незаконным, поскольку он претендует на то, что ему не принадлежит и не должно принадлежать.

В контексте ст. 172.4 УК РФ, предметом, ради которого осуществляются противоправные действия, является возврат просроченной задолженности. То есть, виновное лицо (действующее от имени или в интересах кредитора) добивается возврата фактически существующего долга, на который у кредитора имеется законное требование. Таким образом, требование о возврате долга само по себе является правомерным, противоправными же являются способы, используемые для его взыскания, которые и составляют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ.

Цель незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности законодательно не установлена, но очевидно, что она заключается в принуждении должника к исполнению своих обязательств, то есть к возврату долга. Иными словами, субъект ст. 172.4 УК РФ не стремится к незаконному обогащению в чистом виде, но использует незаконные методы для реализации правомерного в своей основе имущественного требования.

Кроме того, субъект преступления по ст. 172.4 УК РФ является специальным – это лицо, занимающееся деятельностью по возврату просроченной задолженности физических лиц. Этот признак является одним из ключевых при дифференциации ответственности. Если действия по принуждению к возврату долга, даже с использованием насилия или угроз, совершает лицо, которое не занимается такой деятельностью профессионально или требование выходит за рамки существующего долга, то такое деяние подлежит квалификации как вымогательство.

Самоуправство (ст. 330 УК РФ). Объективная сторона самоуправства, по своей сути, характеризуется самовольным характером действий, правомерность которых оспаривается. Она не требует обязательного наличия таких квалифицирующих признаков, как применение насилия или угрозы его применения, уничтожение или повреждение имущества, а также распространение заведомо ложных сведений, которые являются неотъемлемыми элементами объективной

стороны ст. 172.4 УК РФ. Хотя самоуправство может быть совершено с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ), эти признаки являются лишь квалифицирующими, а не обязательными для основного состава. В ст. же 172.4 УК РФ перечисленные способы являются конструктивными признаками основного состава, т. е. без их наличия деяние не может быть квалифицировано по данной статье. Таким образом, если лицо, занимающееся взысканием долга, осуществляет самовольные действия без применения насилия, угроз, уничтожения имущества или распространения порочащих сведений, то при наличии существенного вреда и оспариваемости правомерности действий, возможно говорить о самоуправстве. Однако при наличии любого из упомянутых в диспозиции ст. 172.4 УК РФ способов воздействия приоритет должна иметь именно специальная норма.

Для самоуправства характерно наличие спора о праве, т. е. действия совершаются вопреки установленному порядку, когда правомерность этих действий оспаривается потерпевшим или иными лицами. В контексте незаконной коллекторской деятельности сам факт наличия просроченной задолженности (и, соответственно, обязанности ее возврата) как правило, не оспаривается. Оспариваемыми являются методы и способы ее взыскания, которые выходят за рамки закона. Цель виновного – не самовольное утверждение оспариваемого права, а незаконное принуждение к исполнению бесспорного обязательства.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). В контексте ст. 172.4 УК РФ, угроза насилием или применение насилия является средством принуждения к возврату просроченной задолженности. Основной целью виновного является не просто причинение страха, а побуждение должника к исполнению своих финансовых обязательств. Угроза выступает инструментом воздействия, способом достижения имущественной цели. Как указывают А. А. Чугунов и М. М. Дайшутов, объектом преступления по ст. 172.4 УК РФ являются, прежде всего, общественные отношения в сфере экономической деятельности, а не только личная неприкосновенность [4, с. 49–50].

В большинстве случаев, если угроза или применение насилия совершаются специальным субъектом в процессе незаконной деятельности по взысканию долга с целью принуждения к его возврату, деяние должно быть квалифицировано по ст. 172.4 УК РФ как специальной норме, поглощающей общее преступление. Признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (или насилия) здесь выступают в качестве квалифицирующих признаков для состава незаконной коллекторской деятельности. Однако если угроза выходит за рамки принуждения к возврату долга и направлена на совершение иных, не связанных с взысканием задолженности, действий (например, требование совершения преступления) либо если угроза носит характер чрезмерной жестокости, не обусловленной коллекторскими задачами и при этом имеется реальная угроза жизни или здоровью, возможна квалификация по совокупности преступлений. Это происходит в тех редких случаях, когда действия виновного образуют самостоятельное, качественно иное посягательство, выходящее за рамки состава ст. 172.4 УК РФ, как самостоятельного преступления, а не способа его совершения.

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ). При незаконном осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности (ст. 172.4 УК РФ) уничтожение или повреждение имущества так же, как и в других анализируемых нами случаях, является способом психологического или физического давления на должника с целью побудить его к возврату долга. Цель виновного – не просто нанести ущерб, а через этот ущерб добиться исполнения финансового обязательства.

В случаях, когда умышленное уничтожение или повреждение имущества совершается лицом, занимающимся коллекторской деятельностью с целью принуждения к возврату долга, это деяние должно быть квалифицировано по ст. 172.4 УК РФ. Квалификация по ст. 167 УК РФ возможна лишь в том случае, если уничтожение или повреждение имущества не связано с деятельностью по возврату просроченной задолженности или выходит за рамки такого принуждения (например, коллектор уничтожил имущество из мести после того, как долг был выплачен, или из хулиганских побуждений, не связанных с взысканием). В таких ситуациях, при наличии всех признаков ст. 167 УК РФ, возможна самостоятельная квалификация или квалификация по совокупности преступлений.

Резюмируя, следует отметить, что ст.ст. 119 и 167 УК РФ являются общими нормами по отношению к ст. 172.4 УК РФ. При наличии специального субъекта и целевой направленности действий на возврат просроченной задолженности, деяния, содержащие признаки угрозы/насилия или уничтожения/повреждения имущества, полностью охватываются диспозицией ст. 172.4 УК РФ. Такой подход исключает излишнюю квалификацию по совокупности преступлений.

Клевета (ст. 128.1 УК РФ). В перечне способов совершения преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, законодатель отдельно выделяет «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство должника или его близких, либо сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам должника или его близких».

Диспозиция ст. 172.4 УК РФ расширяет круг сведений, за распространение которых наступает ответственность. Помимо сведений, порочащих честь и достоинство, она включает также сведения, способные причинить существенный вред правам и законным интересам должника или его близких. Это может быть информация, которая хотя и не порочит прямо, но создает значительные негативные последствия (например, ложные сообщения о банкротстве, о наличии уголовного дела, способные негативно повлиять на репутацию и кредитную историю, но не являющиеся прямым посягательством на честь и достоинство в традиционном смысле).

В случае если распространение заведомо ложных порочащих сведений совершается специальным субъектом в процессе незаконной деятельности по взысканию долга с целью принуждения к его возврату, то деяние должно быть квалифицировано по ст. 172.4 УК РФ как специальной норме. Признак распространения ложных сведений полностью охватывается диспозицией новой статьи. Квалификация по ст. 128.1 УК РФ в данном случае исключается.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что введение в отечественное уголовное законодательство ст. 172.4 УК РФ, криминализирующей незаконное

осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц, стало закономерным и необходимым ответом на вызовы, продиктованные динамикой финансово-экономических отношений и участвовавшими случаями нарушения прав граждан в процессе принудительного взыскания долгов. Проведенный анализ подтвердил, что законодатель, формируя данный состав преступления, стремился не только к установлению уголовной ответственности за недобросовестную коллекторскую деятельность, но и к созданию специальной уголовно-правовой нормы, способной охватить специфические формы противоправных действий.

Проведенный анализ продемонстрировал, что ключевые критерии разграничения данного состава преступления со смежными деяниями определяются спецификой специального субъекта, направленностью действий виновного лица на принуждение к возврату *существующей* задолженности, а также обязательным характером предусмотренных диспозицией способов совершения преступления. Однако, несмотря на значимость данной нормы, ее практическое применение сопряжено с рядом существенных трудностей, включая бланкетный характер диспозиции, дискуссий о точном определении специального субъекта, что требует дальнейшего доктринального осмысления, а также формирования единообразной правоприменительной практики для обеспечения эффективности применения уголовного закона.

Список литературы

1. Незнаева Д. Е. Становление уголовного законодательства России о незаконном осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 143.
2. Никитин К. И. Социально-правовая обусловленность криминализации незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9. С. 556.
3. Дайшутов М. М., Чугунов А. А. Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 49–50.

Боровикова В. В.¹,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О НАКАЗАНИЯХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАН ЕАЭС

В уголовном законодательстве стран ЕАЭС особое место занимают наказания за преступления в сфере экономической деятельности. Дело в том, что наказания назначаются лицам, хорошо знающим, на что они идут, нарушая уголовный закон. Как правило, это лица, умудренные жизненным опытом, разбирающиеся в тонкостях уголовно-правовых норм, регулирующих различные сферы экономики. Часто они действуют в соучастии, вплоть до самых опасных проявлений преступной деятельности, связанных с организованными группами и даже преступными сообществами (преступными организациями). Нельзя забывать о сложностях доказывания признаков составов преступлений, устанавливающих ответственность за преступное поведение в экономической деятельности. Поэтому эффективность мер принуждения в отношении названных лиц должна предполагать и развитие норм об освобождении от уголовной ответственности таких лиц, способствующих раскрытию и предупреждению анализируемых деяний. То есть законодатель должен думать и о стимулировании позитивного поведения лиц, которые участвовали в совершении названных выше преступлений, но заинтересованы в оказании содействия правоохранным органам, чтобы избежать реального наказания, связанного с изоляцией от общества.

Эффективность борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности зависит от созданных систем наказания в анализируемых странах, учета интересов потерпевших и легального бизнеса (карательная политика не должна тормозить деловую активность предпринимательского сообщества).

Применение отдельных видов наказания за совершение указанных преступлений зависит от политического строя государств стран – участниц ЕАЭС, экономического, исторического, социального развития этих государств.

Эффективность уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, зависит, в частности, от их предупредительного потенциала. Важно использовать при этом и возможности административного права (например, т. н. нормы с административной преюдицией – см.: чч. 1, 2 ст.ст. 171.4, 171.5, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193 УК РФ).

Можно по-разному относиться к существованию подобных уголовно-правовых норм, но они появляются все чаще в российском законодательстве и в какой-то мере могут предотвратить совершение определенных экономических преступлений.

¹ © Боровикова В. В., 2025.

Если же развивать мысль о взаимодействии уголовно-правовых норм с административно-правовыми, то необходимо на уровне законодателя провести своеобразную ревизию уголовных кодексов и кодексов об административных правонарушениях на предмет исследования такого вопроса: может быть, некоторые негативные явления в сфере экономики нужно регулировать, не используя меры административно-правового воздействия, а другие – именно уголовно-правового. Например, почему такое деяние, как уничтожение, удаление, изменение либо замена средств идентификации, используемых таможенным органом, не должно влечь административную ответственность (ст. 16.11 КоАП РФ).

Учитывая сложную международную обстановку, законодатель занизил степень общественной опасности деяния.

Не очень понятно, почему УК РФ предусматривает ответственность за сбыт драгоценных металлов и камней (ч. 4 ст. 191), а в ч. 2 ст. 15.44 КоАП РФ за аналогичные действия установлена административная ответственность. Главный критерий их разграничения согласно закону – деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 15.44 КоАП РФ, не должно содержать признаков уголовно-наказуемого деяния.

Естественно, такая формулировка мало что дает для правоприменителя в силу отсутствия конкретности. И такие случаи встречаются нередко, если анализировать уголовное и административное законодательство. Следовательно, проблема разграничения между деяниями, носящими уголовно-наказуемый характер, и административным правонарушением, остается без ответа. Разумеется, все это влияет и на конструирование санкций за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

Прежде всего, необходимо определить реальную общественную опасность преступлений, способность уголовно-правовых норм повлиять на снижение уровня интенсивности проявления негативных явлений в сфере экономической деятельности. По нашему мнению, цели наказания за рассматриваемые преступления имеют свою специфику.

Так, цель исправления осужденного в ситуации, когда к ответственности привлекаются лица, среди которых немало должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, сознательно нарушающих многочисленные запреты в области экономической деятельности, мало достижимы. Поэтому ставка должна делаться на достижение целей восстановления социальной справедливости предупреждения преступлений. При этом общему предупреждению должно уделяться не меньшее значение, чем специальному. Пока же можно констатировать, что особого страха перед наказанием осужденные за анализируемые преступления не испытывают. И это можно объяснить. Не менее 2/3 преступлений, перечисленных в гл. 22 УК РФ, относятся к категории небольшой или средней тяжести. На 1 мая 2025 г. только 6 преступлений, названных в гл. 22 УК РФ, относятся к числу особо тяжких (ч. 2 ст. 186, ч. 3 ст.ст. 186, 189, ч. 4 ст. 191.4, ч. 6 ст. 200.5, ч. 8 ст. 200.7). Кроме того, 44 деяния, указанные в гл. 22 УК РФ, относятся к числу тяжких. Следовательно, имеет место определенная недооценка общественной опасности анализируемых преступлений.

Конечно, на назначение наказания за названные преступления влияет собственно правоприменительная практика, в т.ч. связанная с квалификацией деяния. Вопросов здесь традиционно много, что связано и с обилием статей, включенных в гл. 22 кодекса, а также с таким обстоятельством как наличие бланкетных диспозиций. Бланкетные диспозиции существенно затрудняют правоприменительный процесс, поскольку их порою много и находятся они в разнообразных нормативных актах. Без учета этого обстоятельства сложно определить признаки того или иного преступления в сфере экономической деятельности.

В этом случае необходимо вернуться к советскому опыту, когда уголовные кодексы союзных республик издавались в твердых переплетах с приложениями, включающими в себя основные нормативные правовые акты, позволяющие уяснить содержание признаков тех или иных составов преступлений. Надеяться только на самостоятельный поиск в смартфоне необходимого нормативного материала – это не продуктивно, не всегда срабатывает. Во-первых, этих материалов слишком много и зачастую они противоречат друг другу. Во-вторых, надо знать, что и где искать. А в этом многие современные следователи, дознаватели, судьи, прокуроры испытывают немалые сложности.

Итак, в противодействии преступлениям в сфере экономической деятельности важно учитывать многолетнее совместное в рамках СССР советское прошлое. Полезно бывшим союзным республикам, в том числе входящим в ЕАЭС и СНГ, выработать единые подходы в борьбе с указанными негативными явлениями.

Рассмотрим, какая же ситуация складывается в сфере противодействия названным выше преступлениям сегодня.

Многие республики не спешат применять наказание в виде лишения свободы за рассматриваемые преступления и проявляют определенный гуманизм в выборе видов наказания. Например, большое внимание уделяется назначению штрафа за преступления в сфере предпринимательской деятельности УК Республики Казахстан. Так, согласно ст. 217 УК Республики Казахстан (создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамиды) влечет наказание в виде штрафа в размере от 1 тысячи до 3 тысяч месячных расчетных показателей. По ст. 218 УК РК (легализация (отмывание) денег или иного имущества, полученных преступным путем) предусматривает назначение штрафа в размере до 5 тысяч расчетных месячных показателей. Отсюда видим: казахстанский законодатель считает, что в борьбе с названными выше преступлениями не следует использовать наказание, связанное с лишением свободы.

Эта практика основана на том, что впервые совершенное преступление в этой сфере еще дает шанс на исправление, если лицо добровольно возместило ущерб в результате того или иного преступления в сфере экономики.

Активно применяется конфискация имущества – как дополнительный вид наказания. Так, по ст. 231 УК РК (изготовление, хранение, перемещение или сбыт поддельных денег или ценных денег или бумаг) назначается наказание в виде лишения свободы до пяти лет с конфискацией имущества.

Использование такого наказания, как конфискация имущества, не входит в предмет исследования нашей публикации. Отметим лишь, что ни одна из

стран ЕАЭС не отказалась от конфискации имущества, поскольку считается, что она играет в жизни не только карательную роль, но и является средством укрепления государства противодействия к захвату власти экстремистскими организациями. Полагаем, что возвращение в российское уголовное законодательство о конфискации имущества вполне социально обусловлено. Поэтому российскому законодателю стоит обсудить возможность возвращения в отечественное уголовное законодательство о конфискации имущества.

Полагаем, что в целом это разумный подход, если речь идет о ситуациях, когда лицо, совершает, например, тяжкое преступление в сфере экономической деятельности или неоднократные подобные деяния средней тяжести. Нельзя же бороться с преступностью, только используя меры, связанные с освобождением от уголовной ответственности (на наш взгляд, у нас и так значительное число лиц освобождается от уголовной ответственности на основании ст.ст. 76.1, 27.2 УК РФ). Есть и другие пути противодействия криминальным явлениям в экономической сфере.

Правильным можно признать и активное использование уголовным законодательством стран ЕАЭС альтернативных санкций, которые позволяют учесть индивидуальный и дифференцированный подход к назначению наказания за преступления в сфере экономической деятельности. Например, за налоговое мошенничество (ст. 243.2 УК Республики Беларусь предусмотрено наказание виде штрафа, или лишения права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью или арестом, или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на тот же срок со штрафом или без штрафа (ч. 1). На наш взгляд, это разумный подход к назначению наказания.

Таким образом, даже краткий анализ системы норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности позволяет прийти к выводу о необходимости их совершенствования. И в этом деле весьма целесообразно изучение межгосударственного опыта противодействия указанным выше преступлениям.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/10108000/>.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001г. № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с посл. изм. и доп. от 12.01.2025 № 256-З) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984/.
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с посл. изм. и доп. от 12.07.2023 № 23-VIII) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252/.

*Дайшутов М. М.¹,
начальник кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

*Габдрахманов Р. Л.²,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

Конституциями Российской Федерации (ст. 8) и большинства стран СНГ собственность расценивается как важная экономическая основа общества и государства. В Российской Федерации и в странах СНГ уголовно-правовая охраны собственности является одной из важнейших задач в целях обеспечения государственной и общественной безопасности. В структуре преступности стран СНГ преступления против собственности занимают свыше 50 % от всех зарегистрированных преступлений. Мошенничество занимает особое место среди преступлений против собственности как в России, так и в странах среднеазиатского региона, входящих в СНГ (республики Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Кыргызской Республике). Во всех названных странах отмечается рост преступлений против собственности, в том числе мошенничества.

В России в 2024 г. было зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, больше половины из которых составляют преступления против собственности (51 %). Актов мошенничества зарегистрировано 445,7 тыс., что составляет 23,3 % преступлений против собственности, при этом отмечается рост этих преступлений на 2,8 %. При этом подобных хищений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст.ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), было зарегистрировано 380,3 тыс.

В 2024 года в Узбекистане, согласно данным Национального комитета статистики, было зарегистрировано 132 298 преступлений, что на 27,1 % больше по сравнению с прошлым годом. Анализ преступности по категориям показал, что наибольшая доля преступлений пришлась на сферу экономики (62,9 %). Среди экономических преступлений мошенничество составили 35,1 % от общего числа выявленных преступлений. В количественном выражении в течение января–декабря 2024 г. зафиксировано 29 252 случая мошенничества.

В 2024 г. в Таджикистане было зарегистрировано 22 315 преступлений, что на 996 случаев больше по сравнению с 2023 г. Рост отмечен по ряду категорий

¹ © Дайшутов М. М., 2025.

² © Габдрахманов Р. Л., 2025.

преступлений, в том числе актов мошенничества возросло на 718 случаев и составило 3480.

В 2024 г. в Казахстане наблюдается положительная динамика снижения общей преступности на 5,3 % (со 140 272 до 132 778). Наряду со снижением общего числа преступлений, отмечается, что мошенничество (45156) составляет треть (34 %) от общего числа уголовных правонарушений, а кражи – только 23 % (30 593).

В 2024 г. в Кыргызстане зарегистрировали 36 352 преступления, что на 13 % меньше, чем в 2023 г. (41 961 преступление). Наряду со снижением общего числа преступлений, отмечается рост мошенничества с 8 820 до 9 041 случаев.

В странах Средней Азии, как и во многих государствах постсоветского периода, уголовное законодательство, структура закона, почти тождественны. В уголовных кодексах стран выделены Общая и Особенная части, их построение отличается лишь некоторыми особенностями.

Преступления против собственности помещены в отдельную главу уголовного законодательства таких стран, как Туркменистан, Республика Узбекистан, Республики Таджикистан, Республика Казахстан, Кыргызская Республика. Среди составов, которые содержатся в данных главах в большинстве государств, выделяются такие распространенные преступления: кража, мошенничество, разбой, грабеж, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Анализ статистических данных о преступлениях в странах среднеазиатского региона показал, что мошенничество является одним из распространенных преступлений, имеющих тенденцию роста.

В соответствии со ст. 244 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ мошенничество признается преступлением небольшой тяжести; то же действие, совершенное группой лиц по предварительному сговору или причинившее значительный ущерб потерпевшему, является преступлением средней тяжести; действия, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 244, совершенные в крупном размере или организованной группой, признаются тяжким преступлением.

В 2012 г. Уголовный кодекс Российской Федерации [2] претерпел изменения, связанные с выделением отдельных видов мошенничества в самостоятельные статьи.

Несмотря на социально-экономическое развитие стран среднеазиатского региона, в уголовном законодательстве государств диспозиции норм о мошенничестве не претерпели каких-либо изменений.

В трех государствах – Кыргызии, Таджикистане и Туркменистане – статьи о мошенничестве в уголовном законодательстве расположены в главах «Преступления против собственности». В Республике Узбекистан статья помещена в гл. X УК РУ под названием «Хищение чужого имущества». В Республике Казахстан название главы УК РК, где размещены нормы о мошенничестве, определено как «Уголовные правонарушения в сфере собственности».

Говоря о мошенничестве, следует раскрыть сам термин «мошенничество». С. И. Ожегов определяет мошенничество как «обман, неблагоприятные, жульнические действия с корыстными целями» [3, с. 294], в словаре В. Даля мошенничество определено как «промысел обманом» [4, с. 355].

Объективная сторона мошенничества России и государств Средней Азии состоит в хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В УК Кыргызской Республики и УК Республики Узбекистан мошенничество определяется как завладение чужим имуществом или правом на чужое имущество (приобретение права на чужое имущество) путем обмана или злоупотребления доверием.

В государствах Средней Азии отмечают две разновидности мошенничества – хищение чужого имущества (либо завладение чужим имуществом) и приобретение права на чужое имущество, совершаемые едиными способами – путем обмана или злоупотребления доверием.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отмечено, что только фактическая и юридическая связь собственника с утраченным имуществом является единственным основанием для отличия этих видов мошенничества [5].

Способами совершения мошенничества в этих странах являются обман и злоупотребление доверием. Обман – это ложное представление о чем-нибудь, заблуждение [6, с. 422]. В уголовном праве России обман состоит в умышленном искажении действительного положения вещей, сознательной дезинформации контрагента, преднамеренном введении его в заблуждение относительно определенных фактов, обстоятельств, событий в целях побудить его по собственной воле передать имущество мошеннику [7, с. 170].

В Республики Казахстан и других странах среднеазиатского региона обман является самым распространенным способом совершения мошенничества и рассматривается аналогично [8].

О способе совершения мошенничества в виде злоупотребления доверием в отечественной юридической литературе существуют различные точки зрения. Большинство юристов злоупотребление доверием признают самостоятельным способом, отличающимся от обмана. Мы придерживаемся иной точки зрения и солидарны с мнением М. Ю. Хмелевой, что злоупотребление доверием является основой возникновения заблуждения у лица, передающего имущество, а потому не может рассматриваться в качестве способа совершения мошенничества [9, с. 8].

Таким образом, злоупотребление доверием нами признается одним из видов обмана.

Мошенничество во всех странах признается преступлением с материальным составом. В диспозициях норм о мошенничестве определены общественно-опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику (физическому или юридическому лицу), наступления которого будут означать момент окончания преступления. Прямой умысел определяет субъективную сторону этого преступления.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки мошенничества, предусмотренные в российском законодательстве, имеют множество схожих черт и признаков мошенничества в законодательствах рассматриваемых государств, хотя имеются некоторые отличия.

К квалифицирующим признакам мошенничества в уголовном законодательстве России относят:

- 1) размер причиненного ущерба (значительный, крупный, особо крупный);
 - 2) совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
 - 3) совершение лицом с использованием своего служебного положения;
 - 4) последствия в виде лишения права гражданина на жилое помещение.
- Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности с умышленным неисполнением договорных обязательств, относится к особо квалифицирующему признаку (в чч. 5, 6, 7 ст. 159 УК РФ).

Только размеры причиненного ущерба в этих частях значительно отличаются от ущерба, указанного в начальных частях указанной статьи.

Кроме этого, в российском законодательстве выделены в самостоятельные статьи следующие виды мошенничества:

- 1) мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ);
- 2) мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ);
- 3) мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ);
- 4) мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ);
- 5) мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

С бурным развитием IT-технологий, в том числе сети Интернет, использованием населением нашей страны электронных средств платежа через национальную платежную систему «Мир» и другие платежные системы российские законодатели посчитали необходимым выделить в самостоятельные статьи эти виды мошенничеств.

Но законодатели государств среднеазиатского региона не учли опыт наших законодателей.

Во всех странах Средней Азии квалифицирующим признаком выступает совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору. Значительный ущерб, как признак преступления, предусмотрен в ч. 2 ст. 166 УК Кыргызской Республики, ч. 2 ст. 247 УК Таджикистана, ч. 2 ст. 228 УК Туркменистана. Крупный размер указан в ч. 2 ст. 190 УК Республики Казахстан, ч. 3 ст. 166 УК Кыргызской Республики, ч. 2 ст. 168 УК Республики Узбекистан, ч. 3 ст. 247 УК Таджикистана и ч. 3 ст. 228 УК Туркменистана.

Организованная группа рассматривается в УК Республики Казахстан (ч. 4 ст. 190), УК Кыргызской Республики (ч. 3 ст. 166), УК Республики Узбекистан (ч. 3 ст. 168), в УК Таджикистана (ч. 3 ст. 247) и УК Туркменистана (ч. 3 ст. 228) в качестве особо квалифицирующего признака.

В отличие от российского уголовного законодательства и законодательства Кыргызской Республики, в качестве квалифицирующего признака в уголовных законах других стран Средней Азии признается такая форма множественности, как неоднократность (повторность).

Другая форма множественности – рецидив (опасный и особо опасный) – признается квалифицирующим признаком мошенничества в Уголовных кодексах Кыргызской Республики, Республик Узбекистана и Таджикистана. В УК КР выде-

ляется специальный рецидив мошенничества, который заключается в совершении деяния лицом, два или более раз судимым за хищение либо вымогательство.

Использование средств компьютеризации при совершении мошенничества в УК Кыргызской Республики и УК Республики Узбекистан может признаваться самостоятельным квалифицирующим признаком. В Республике Казахстан законодатель выделяет квалифицированный состав мошенничества, когда «преступление совершено путем обмана или злоупотребления доверием пользователя информационной системы».

Уголовный кодекс Таджикистана вообще не выделяет какого-либо состава хищения, связанного с информационными технологиями.

В Республике Узбекистан мошенничество с использованием электронных средств платежа определяется как совершение его посредством манипуляций с помощью средств компьютерной техники (п. «в» ч. 2 ст. 168 УК РУ). Изменения информации или введения в компьютерную систему ложной информации чаще всего становятся способами такого вида мошенничества.

Основными видами наказаний по уголовному законодательству во всех странах среднеазиатского региона, назначаемых за мошенничество, являются штраф, исправительные работы, лишение свободы.

Штраф, предусмотренный ст. 190 УК Казахстана, исчисляется в размере до четырех тысяч месячных расчетных показателей [10] (МРП). Для исчисления пособий и иных социальных выплат, а также применения штрафных санкций, налогов и других платежей в соответствии с законодательством Республики Казахстан МРП составляет 2 917 тенге на 2021 г.

Штраф по УК Республики Узбекистан предусмотрен в сумме пятидесяти базовых расчетных величин, при этом имеются три величины: минимальный размер оплаты труда (МРОТ); базовая расчетная величина (БРВ); базовая величина исчисления пенсии [11].

В УК Кыргызской Республики одним из основных наказаний является тройной айып (возмещение ущерба в трехкратном размере, при котором две трети возмещения выплачиваются потерпевшему, а одна треть перечисляется в доход государства). Ограничение свободы также рассматривается в качестве основного вида наказания в УК Республики Казахстан и УК РТ. В качестве дополнительного наказания в Кыргызской Республике, Казахстане и Туркменистане предусмотрена конфискация имущества. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в Казахстане и Таджикистане в случаях совершения квалифицированного вида мошенничества, связанного с использованием служебного положения.

Наиболее распространенным и самым суровым видом наказания во всех странах Средней Азии, как и в России, за совершение квалифицированных видов мошенничества, является лишение свободы. Срок лишения свободы колеблется от двух до пяти лет. Длительный срок наказания в виде лишения свободы за совершение особо квалифицирующих видов мошенничества в российском законодательстве составляет 10 лет. Такой же срок (10 лет) предусмотрен в уголовных кодексах Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан. За совершение особо квалифицированных видов мошенничества предусмотрено

в УК Республики Таджикистана более строгое наказание от 8 до 12 лет лишения свободы. Максимально сурово мошенничество, совершенное с причинением ущерба в особо крупном размере, наказывается уголовным законодательством Туркменистана – лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Сравнительно-правовой анализ уголовных законодательств о мошенничестве России и стран среднеазиатского региона (Туркменистана, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики) показал, что имеются множество схожих черт, в первую очередь, в определении самого понятия мошенничества, его основных и квалифицирующих признаков. Но имеются и некоторые особенности в квалифицирующих признаках – таких как неоднократность (повторность), рецидив и наказаниях в виде лишения свободы.

Законодатели государств среднеазиатского региона пока не учли опыт наших законодателей в части детализации видов мошенничеств.

Нуждается в изменениях и Модельный УК стран СНГ, который в настоящее время не учитывает многих современных реалий, особенно в части совершения мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Список литературы

1. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ : принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.
2. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная часть. М. : Дело, 2002.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под. ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд. М. : Русский язык, 1989.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М. : Русский язык, 1989.
5. Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», пп.2, 6, 9, 11, 12, 14, 15, 24 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ., 1995.
7. Уголовное право России : учебник. Т. 2. Особенная часть. М. : Юриспруденция, 2018.
8. Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. № 6 «О судебной практике по делам о мошенничестве» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
9. Хмелева М. Ю. Уголовная ответственность за мошенничество : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
10. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан от 3 декабря 2019 г. № ЗРУ-586 // Национальная база данных законодательства. 2019. 4 декабря.

11. Уголовный Кодекс Республики Казахстана от 3 января 2023 г. № 188-VII (введен в действие с 7 марта 2023 г.).

12. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по состоянию на 14.03.2025).

13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по состоянию на 15.04.2025).

14. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 12.04.2025).

Кадников Н. Г.¹,
 профессор кафедры уголовного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор

Куликова М. А.²,
 адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ДИСПОЗИЦИЙ СТАТЕЙ УК РФ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для обеспечения экономической безопасности, как одного из основных направлений политики государства, сформирована большая нормативная правовая база, которая включает в себя различные законы, а также подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие различные сферы экономической деятельности. Ввиду этого важное теоретическое и практическое значение представляет вопрос конструирования диспозиций соответствующих статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности (ст.ст. 169–200⁷ УК РФ).

Анализ этих статей свидетельствует о том, что в своем большинстве их уяснение и, соответственно, применение на практике не представляется возможным без обращения к иным нормативным актам, что позволяет говорить об особенностях их диспозиций. Например, для определения признаков преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», необходимо обратиться к нормативным актам, которые регламентируют обязательность лицензии либо аккредитации для осуществления экономической деятельности, а также случаи, когда лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны. Примером может служить также ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность». Для установления признаков этого преступления нужно обратиться к нормативным актам, в которых установлены случаи, когда для осуществления банковской деятельности (банковских операций) обязательно специальное разрешение (лицензия). И это не единственные примеры.

Как представляется, содержание рассматриваемых уголовно-правовых норм связано с порядком осуществления экономической деятельности, регламентируемым нормами других нормативных правовых актов. В свою очередь, как со-

¹ © Кадников Н. Г., 2025.

² © Куликова М. А., 2025.

вершенно справедливо отмечал Б. В. Волженкин, невозможно представить, чтобы изложение уголовно-правовой нормы об экономическом преступлении содержало бы более или менее подробное описание этого порядка [1, с. 233]. Однако в целях экономии законодательного материала наука уголовного права предложила использовать в уголовно-правовых нормах указания на необходимость использования иных нормативных актов, особенно в нормах, предусматривающих ответственность за экономические преступления [1, с. 233]. С точки зрения теории уголовного права бланкетная диспозиция статьи представляет собой вид диспозиции, в которой определение отдельных признаков описываемого деяния осуществляется путем отсылки к нормам нормативных правовых актов другого законодательства [6, с. 38].

Об особенностях диспозиций с бланкетным характером статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, отмечали такие ученые, как Л. Д. Гаухман, Н. А. Лопашенко, М. В. Талан, И. В. Шишко, П. С. Яни и др. В частности, как указывает Н.А. Лопашенко, сегодня использование бланкетных диспозиций составов преступлений в сфере экономической деятельности считается одной из отличительных признаков преступлений гл. 22 УК РФ [3, с. 23]. С одной стороны, это позволяет не загромождать уголовный закон положениями другого законодательства, в которых раскрывается содержание отдельных признаков состава преступления, а с другой – не вносить изменения в редакцию уголовного закона, когда изменению подверглись нормативные правовые акты другого законодательства [4, с. 9].

Действительно, сегодня отношения в сфере экономической деятельности регулируются огромным массивом нормативных правовых актов. И зачастую при толковании отдельных признаков описываемого в диспозиции статьи деяния приходится обращаться к нормам даже не одного, а нескольких нормативных правовых актов. Поэтому с мнением о том, что использование законодателем бланкетной диспозиции в статьях о преступлениях в сфере экономической деятельности дает возможность избежать перегрузки уголовного закона положениями другого законодательства, нельзя не согласиться. Диспозиции статей об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, как отмечают в научной литературе, в настоящее время и без того являются достаточно объемными, требующими, по мнению специалистов, дополнительной коррекции [5, с. 263].

Вместе с тем следует признать, что на практике поиск, определение и толкование норм нормативных правовых актов другого законодательства, раскрывающих содержание отдельных признаков преступления в сфере экономической деятельности, вызывает некоторые трудности. При том, что в диспозициях статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, в большинстве случаев нет даже ссылки на конкретные нормативные правовые акты, в которых раскрывается содержание отдельных признаков деяния. К примеру, из анализа диспозиций статей, в которых установлена уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, только в примечании к ст. 171⁴ УК РФ содержится отсылка к Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», в ст. 171⁵ УК РФ – к Федеральному закону от 21 декабря

2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в ст. 191 УК РФ – к ст. 7.5 КоАП РФ, в ст. 193 УК РФ – к ст. 15.25 КоАП РФ, в примечаниях к ст. 198, ст. 199, ст. 199¹ УК РФ – к Налоговому кодексу РФ и др.

Заслуживает внимания предложение Л. Д. Гаухмана о закреплении в УК РФ приложения, который включал бы перечень нормативных правовых актов, раскрывающих содержание бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм [2]. Однако реализация данного предложения видится весьма затруднительной, поскольку законодательство, регулирующее экономическую деятельность, является не только массивным, но и достаточно динамичным. Постоянная трансформация и развитие экономических процессов приводит к непрерывным изменениям в нормативном регулировании. Соответственно, эти изменения создают необходимость в постоянной адаптации уголовного законодательства к новым реалиям.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на трудности, которые возникают в практической деятельности, использование бланкетной диспозиции в статьях, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, является в современное время наиболее оптимальным решением.

При этом отдельные положения и признаки деяний в экономической деятельности, изложенных с учетом бланкетных диспозиций, уточняются с помощью разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Примером могут служить следующие постановления Пленума: от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде», от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и др. Возникает вопрос об обязательности использования подобных разъяснений в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений и назначении наказания. Полагаем, что в данном случае речь идет не об использовании нормативных актов (которыми постановления Пленума не являются), а только лишь об учете судебного толкования. Тем не менее, такие разъяснения, на наш взгляд, являются обязательными для всех судов.

Но необходимо, чтобы разъяснения Пленума были четкими и недвусмысленными. Можно привести в этом смысле такой пример: Пленум Верховного Суда РФ давал разные разъяснения по поводу места хищения безналичных денежных средств. Например, изначально местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, определялось место (адрес отделения банка), где преступник завладел похищенными денежными средствами. Затем были внесены изменения, которые определили место совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств местом (адресом отделения банка), где был открыт счет потерпевшего, с которого было совершено хищение.

Было бы неплохо определиться с бланкетностью диспозиций и судебным толкованием по преступлениям в сфере экономической деятельности, совершаемым в рамках ЕАЭС и СНГ. Это касается экономических продолжаемых

и длящихся преступлений, а также преступлений, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий и охватываемых территории нескольких государств [7]. Нужно скоординировать нормативные акты, регулирующие экономическую деятельность в рамках указанных экономических союзов, проанализировать судебную практику и выработать приемлемые варианты решений. При этом требуется разработать соответствующие нормы Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ, который в настоящее время не учитывает реальных изменений в разных странах содружества.

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности : монография // Спб. : Юридический центр Пресс, 2002.
2. Гаухман Л. Д. Бланкетные нормы УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью: сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. М., 2007.
3. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие система, проблемы квалификации и наказания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997.
4. Пшипий Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
5. Соловьев О. Г. Казуистический способ изложения норм о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): современное состояние и тенденции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11-1. С. 263–265.
6. Уголовное право. Общая часть : учебник / [А. А. Абдульманов и др.] ; под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.
7. Пленумы Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» и от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» не внесли ясности в вопросах, возникающие при квалификации подобных, преступлений, совершаемых на территории нескольких государств // СПС «Консультант Плюс».

Чуканова Е. С.¹,
*начальник кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях современной национальной экономики, которая сталкивается с высокой степенью неопределенности, важнейшую роль играет внедрение инновационных рискориентированных подходов для построения системы экономической безопасности. Одним из таких подходов является использование искусственного интеллекта (далее – ИИ), который открывает широкие возможности в этой области, представляя инновационные инструменты для мониторинга, анализа и предотвращения преступлений в сфере экономической деятельности, которое в современных условиях представляет собой наиболее действенную форму противодействия противоправной экономической, финансовой, налоговой и страховой деятельности [5]. На сегодняшний день в России более 40 % организаций уже находятся на стадии внедрения ИИ в разные бизнес-функции. По прогнозам совокупного экономического потенциала ИИ в России к 2028 г. может достигнуть 22–36 трлн руб., а фактический эффект – от 4,2 до 6,9 трлн руб., что может составить до 4 % от ВВП. Около 70 % этого потенциала сосредоточено в шести ключевых отраслях для российской экономики: транспорт и логистика, банковская сфера, ритейл, добыча полезных ископаемых, производство потребительских товаров и ИТ [6]. Рост числа и масштабов преступлений в сфере экономической деятельности, наблюдаемый в глобальном масштабе на протяжении последних десятилетий, во многом коррелирует с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, однако именно в этих технологиях заключен значительный потенциал для системного контроля, мониторинга и ограничения их использования в целях реализации противоправных схем [4, с. 40–47].

В условиях стремительного прогресса цифровых технологий и углубляющейся интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в бизнес-процессы, компании все более осознанно подходят к стратегическому инвестированию в интеллектуальные системы, рассматривая их как неотъемлемый элемент обеспечения устойчивости, конкурентоспособности и противодействия экономическим угрозам. Так, корпорация «Бета Технологии», осуществляющая деятельность в сфере высокотехнологичного производства, в период с 2020 по 2024 г. реализовала масштабную инвестиционную стратегию, направленную на разработку

¹ © Чуканова Е. С., 2025.

и внедрение проприетарных ИИ-решений. Объем капиталовложений в указанный период увеличился с 15 до 38 млрд долларов США. Основным вектор инвестиций был сосредоточен на создании усовершенствованных алгоритмических моделей, ориентированных на автоматизацию производственного цикла и оптимизацию логистических процессов. Результаты цифровой трансформации оказались масштабными: время обработки заказов было сокращено с пяти суток до одних суток, а доля ошибок снижена на 75 %. Такая эффективность внедрения интеллектуальных решений обеспечила компании значительное преимущество на рынке, позволив увеличить доходность на 40 % и упрочить позиции в конкурентной среде [1, с. 158–165].

Организация «Эпсилон Инсайтс», работающая в области аналитики и консалтинга, сфокусировала свои усилия на применении ИИ для выявления и предотвращения экономических преступлений. За рассматриваемый временной интервал, количество предотвращенных инцидентов увеличилось с 700 до 1 550 в год. Основным вклад в данную положительную динамику внесли интеллектуальные модели анализа транзакционной активности, позволяющие выявлять нетипичные шаблоны и потенциально мошенническое поведение. Как результат, уровень финансового мошенничества был снижен на 40 %, что оказало позитивное влияние на имидж компании и укрепление доверия клиентов.

Все приведенные кейсы свидетельствуют о возрастающей значимости ИИ как межотраслевого инструмента цифровой трансформации, демонстрируя высокий потенциал в обеспечении экономической устойчивости, конкурентоспособности и превентивной защиты от противоправных действий. Кроме того, необходимо отметить, что современные ИИ-системы в сфере противодействия экономическим преступлениям обладают способностью интеграции с различными источниками данных – от банковских операций и отчетности до открытых источников, включая социальные сети, мессенджеры. Это позволяет формировать комплексную картину финансовой активности субъектов, выявляя аномальные и подозрительные паттерны в поведенческих и транзакционных данных.

ИИ активно используется для построения предиктивных моделей, способных оценивать риски и прогнозировать развитие криминальных тенденций, что расширяет возможности превентивного управления и стратегического планирования мер экономической безопасности. Например, разработанная японской компанией Vaak система использует поведенческий видеонализ для прогнозирования попыток краж в розничных точках. В банковском секторе интеллектуальные системы, такие как Darwish, достигли надежности на уровне 98,5 % при анализе транзакций по кредитным картам, что позволяет оперативно выявлять мошенническую активность. Анализ актуальных статистических и аналитических данных демонстрирует устойчивую тенденцию к интенсификации внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы экономической деятельности, включая направления, связанные с обеспечением информационной и финансовой безопасности. Согласно результатам исследования, проведенного консалтинговой компанией McKinsey, от 50 % до 60 % всех организаций уже интегрировали ИИ в свои операционные процессы, что подтверждает его статус как ключевого инструмента цифровой трансформации и подчеркивает высокий

потенциал дальнейшего масштабирования его применения, в том числе в целях превентивного выявления и пресечения экономических преступлений.

Компания InsureTech, функционирующая в страховом секторе, успешно реализует механизмы интеллектуального анализа данных в процессах оценки страховых рисков и андеррайтинга. Применение ИИ в данной сфере обеспечивает возможность комплексного анализа объемных и разнотипных массивов информации, включая кредитную историю клиентов, поведенческие индикаторы, а также данные из открытых источников и социальных сетей. Это способствует формированию точных, индивидуализированных страховых предложений и оптимизации ценообразования. В результате внедрения ИИ-технологий в 2023 г. компания добилась снижения объема мошеннических заявлений на 30 % и уменьшения объема выплат по необоснованным страховым случаям на 25 %, что позитивно отразилось на ее финансовой устойчивости и рыночной позиции.

Компания GlobalWatch представляет собой пример интеграции ИИ в процессы мониторинга и анализа транснациональных финансовых потоков с целью противодействия отмыванию денежных средств и финансированию террористической деятельности. Используемая организацией интеллектуальная система обрабатывает массивы транзакционных данных из более чем 100 юрисдикций, применяя алгоритмы машинного обучения для выявления нетипичных и потенциально противоправных финансовых схем. В 2024 г. в рамках взаимодействия с международными регулирующими структурами GlobalWatch удалось предотвратить ряд трансграничных махинаций на общую сумму, превышающую 3 млрд долларов США. Таким образом, ИИ продемонстрировал свою высокую эффективность не только в выявлении и пресечении экономических преступлений, но и в формировании основ для дальнейшего развития международной кооперации и выработки унифицированных стандартов в области финансовой прозрачности и цифровой безопасности.

В сфере налогового администрирования Россия существенно опережает многие страны по уровню цифровизации. В частности, ФНС РФ внедрена автоматизированная информационная система (АИС) «Налог-3», где собираются и хранятся все данные касательно налогов [6]. Службой также активно используется система планирования выездных налоговых проверок, которая подразумевает сверку с помощью искусственного интеллекта данных о деятельности налогоплательщика (от физического лица до крупной компании) из разных источников и поиск нестыковок в них. Заметить нарушение такой связи человеку бывает трудно, а ИИ может проанализировать данные от всех участников сделки, содержащиеся в АИС (или даже от всех продавцов-покупателей в цепочке передачи товара), а затем при необходимости запросить, получить и проанализировать банковскую выписку. И все это не требует непосредственного участия человека.

При помощи алгоритмов big data налоговые органы также проводят цифровой анализ макроэкономических данных. Например, выделяются предприятия одной отрасли или региона и сравниваются по уровню выручки, зарплат и налоговых начислений. А для выявления теневых зарплат искусственный интеллект сравнивает зарплату сотрудников предприятия со среднеотраслевой зарплатой. Компании-налогоплательщики, которые серьезно отклоняются от

средних показателей и общей тенденции, с более высокой вероятностью будут подвергнуты налоговой проверке. «В первом полугодии 2023 г. количество проверок составило пять, при этом сумма начислений составила 420 млн руб. Средняя сумма начислений на одну проверку в 2023 г. составила 84 млн руб., что на 380 % больше, чем в 2022 г. и выше средней суммы начислений в целом по Российской Федерации (которая в среднем около 62,5 млн руб.)».

Говоря о технологическом развитии налогового администрирования, отметим, что Россия стала первопроходцем в области создания платформы, обеспечивающей электронное взаимодействие государственных органов и налогоплательщиков [3, с. 102–107]. ФНС России на официальном сайте создала систему цифровых сервисов, в числе которых: специализированные «Личные кабинеты», «Меры поддержки», «Регистрация бизнеса», «Сведения об ИНН», «Сведения из реестров», «Прозрачный бизнес» и др. [7]. По утверждению Е. Ю. Орловой, П. В. Седаева, С. В. Устинкина, с каждым годом все большее число налогоплательщиков предпочитают бесконтактную форму взаимодействия с налоговыми органами, что обеспечивает востребованность интернет-сервисов ФНС России [2, с. 184–188]. Налоговые органы Российской Федерации также используют искусственный интеллект для обработки большого количества документации, причем правоприменителями такая практика признается успешной. По словам заместителя министра экономического развития Российской Федерации В. В. Федулова, ФНС России лидирует среди федеральных ведомств по степени внедрения этой сквозной информационной технологии [8].

В заключение необходимо подчеркнуть, что в условиях цифровизации многие сферы деятельности человека, в частности государственное управление, трансформируются. В практику налоговых органов постепенно внедряются инструменты, основанные на новых информационных технологиях: развиваются системы чат-ботов, используется технология распределенного реестра для обработки информации, появляются специализированные информационные ресурсы, внедряются интеллектуальные системы. Налоговый контроль как одна из основных функций ФНС России также подвергается цифровизации по ряду направлений: взаимодействие с налогоплательщиками, мониторинг денежных потоков, централизация данных о субъектах малого и среднего предпринимательства, анализ данных о всех операциях с НДС. В сущности, интеграция ИИ и МО представляет собой мощный ресурс в арсенале современной экономики для борьбы с преступностью, однако только при условии синергии технологического прогресса с нормативными и этическими установками возможно достижение действительно безопасного и устойчивого экономического будущего.

Список литературы

1. Герасимова Е. Б., Басенко И. К. Анализ перспектив использования искусственного интеллекта для обнаружения и предотвращения экономических преступлений // Экономические науки. 2024. № 5 (243). С. 158–165.
2. Орлова Е. Ю., Седаев П. В., Устинкин С. В. Влияние современных электронных технологий на отношения налоговых органов и налогоплательщиков // Власть. 2022. № 5. С. 184–188.

3. Смирнова Л. А. К вопросу о применении искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности ФНС России // Законность и правопорядок. 2023. № 4 (40). С. 102–107.

4. Чердаков О. И. Отношение государства и бизнеса к разработке и внедрению технологий искусственного интеллекта в российскую финансовую сферу и экономику // Банковское право. 2022. № 5. С. 40–47.

5. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

6. Как искусственный интеллект применяется в экономической безопасности?. URL: <https://workspace.ru/blog/kak-iskusstvennyy-intellekt-primenyaetsya-v-ekonomicheskoy-bezopasnosti/>.

7. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn52/about_fts/el_usl2/.

8. Какие технологии будет использовать ФНС через 5 лет?. URL: <https://e.gd.ru/719092>.

Кужиков В. Н.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН, ВХОДЯЩИХ В ЕАЭС И СНГ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В условиях динамичных изменений в экономических отношениях наблюдается рост масштабов преступной деятельности, связанной с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. В связи с этим государствам следует активизировать меры противодействия отмыванию доходов, руководствуясь международными стандартами.

Несмотря на сохраняющиеся разногласия между государствами-участницами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (СНГ), их взаимодействие в сфере противодействия преступности продолжает развиваться. Как суверенные субъекты международного права, эти страны выработали различные модели имплементации законодательства в области противодействия отмыванию доходов. Сравнительно-правовой анализ этих моделей позволяет гармонизировать интеграционные процессы в рассматриваемой сфере.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 г. на базе Таможенного союза, объединяет пять государств: Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию. Содружество Независимых Государств (СНГ) включает более широкий круг участников: Азербайджан, Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдову, Россию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан [1].

В структуре ЕАЭС постоянно действует Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) [2]. Этот наднациональный орган координирует вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Наша страна является также членом международной организации в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ФАТФ – межправительственная организация) [3] с 2003 г. С учетом требований этой организации 7 августа 2001 г. был принят Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4]. В 2004 г. Указом Президента Российской Федерации № 314 была создана Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) как структурное подразделение Министерства финансов Российской Федерации. В последние годы Росфинмонито-

¹ © Кужиков В. Н., 2025.

ринг подчиняется непосредственно Президенту Российской Федерации [5]. Следует отметить, что аналогичные структуры имеются и в странах ЕАЭС и СНГ. Вышеупомянутые страны, как и Российская Федерация, активно занимаются имплементацией требований международных конвенций в этой области. В этом процессе активное участие принимают также высшие судебные инстанции этих государств. Например, 7 июля 2015 г. № 32 было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, заведомо добытого преступным путем» [6].

В исследуемых государствах сформирована трехуровневая система мер, направленных на противодействие отмыванию преступно нажитых капиталов:

- 1) 1. Международные стандарты (40+9 рекомендаций ФАТФ, директивы ЕС);
3. Национальное законодательство (законы «О противодействии легализации (отмыванию) доходов»);
4. Подзаконные акты (постановления правительств, инструкции центральных банков и др.).

Далее кратко рассмотрим некоторые из вышеперечисленных государств, чтобы выявить основные различия в законодательстве в части определения преступных доходов, используемых при легализации.

1. Республика Казахстан. Уголовное законодательство исключает квалификацию как легализацию доходов, полученных преступным путем при совершении отдельных составов преступлений.

2. Республика Беларусь. Законодательство содержит оговорку о том, что к преступным доходам относятся только активы, приобретенные в результате совершения умышленных преступлений.

3. Республика Армения. Любые активы, прямо или косвенно полученные в результате преступной деятельности, подлежат квалификации как легализация (отмывание) доходов.

Существуют особенности требований к финансовым организациям, призванным бороться с легализацией доходов. В России необходимо идентифицировать клиентов при совершении финансовых операций на сумму, превышающую 1 млн руб., и обязательно блокировать подозрительные транзакции [7]. В Казахстане, если пересчитать по курсу национальной валюты к российскому рублю, требуется выяснять личность лица, осуществляющего транзакции, начиная примерно с 360 тыс. руб. Кроме того, необходимо осуществлять особый контроль за политически значимыми лицами [8]. В Республике Беларусь обязательно собирают сведения о бенефициарах активов [9]. В Армении предусмотрена уголовная ответственность за систематические нарушения законодательства о противодействии легализации доходов [10].

Существенные различия в пороговых значениях финансового контроля создают препятствия для гармонизации законодательства, снижая эффективность мер противодействия отмыванию доходов. Кроме того, существует неравномерный уровень цифровизации механизмов финансового надзора.

Таким образом, несмотря на сходство законодательства по противодействию отмыванию активов, приобретенных преступным путем, в России, ЕАЭС

и СНГ, существуют и значительные различия. Такое положение негативно сказывается на эффективности борьбы с преступностью. Для устранения правовых расхождений необходимо:

1. Унифицировать понятие «преступные доходы».
2. Определить минимальную пороговую сумму, подпадающую под финансовый контроль.
3. Разработать модельный закон ЕАЭС по противодействию легализации доходов, приобретенных преступным путем.
4. Внедрить единую цифровую платформу для обмена данными.

Список литературы

1. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Евразийская экономическая интеграция. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1472188/.
2. Евразийская экономическая комиссия. О Комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/about/2/>.
3. Центральный банк Российской Федерации. Международное сотрудничество в сфере ПОД/ФТ. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/international/fatf/.
4. Росфинмониторинг. Федеральные законы. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/federal-laws/4094/>.
5. Росфинмониторинг. История ведомства. URL: <https://www.fedsfm.ru/about/history/>.
6. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/.
7. Международная конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/12123862/e88847e78ccd9fdb54482c7fa15982bf/>.
8. ВТБ. Переводы из Казахстана в Россию в 2023 г. URL: <https://www.vtb.ru/articles/perevody/perevod-deneg-iz-kazahstana-v-rossiyu-v-2023/>.
9. Министерство финансов Республики Беларусь. Пресс-релизы. URL: https://minfin.gov.by/ru/securities_department/press_releases/doc/2023/4c5a2fbbffec47c2.html/.
10. Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO). Законодательство государств-членов. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/5499/>.

Приходько Н. Ю.¹,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Леднева А. Д.²,
студент РГУ нефти и газа (НИУ)
имени И. М. Губкина

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СТРАНАХ СНГ И ЕАЭС

В наши дни в пределах Российской Федерации сосредоточено немало объектов топливно-энергетического комплекса, что делает их ключевыми мишенями для совершения террористических атак, которые однозначно приведут к большим жертвам среди населения, а также нанесут значительный ущерб различным сферам жизни: экономике, социальной отрасли, экологии. Большинство объектов являются крупными градообразующими предприятиями и ключевыми элементами социальной и экономической инфраструктуры регионов, помимо того – вносят значительный вклад в налоговые поступления [1, с. 107].

Топливо-энергетический комплекс России – стратегически важный сектор отечественной экономики. К критическим важным объектам ТЭК (далее – КВО ТЭК) относятся объекты ТЭК, нарушение или прекращение функционирования которых приведет к потере управления экономикой РФ, субъекта РФ или административно-территориальной единицы, ее необратимому негативному изменению (разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения [2, с. 6–8]. Паспорт безопасности топливно-энергетического комплекса – это комплексный документ, представляющий собой детальный анализ уровня защищенности объектов ТЭК от террористических актов и других чрезвычайных ситуаций. Он содержит не только описание текущего состояния безопасности, но и подробный план мероприятий, направленных на повышение устойчивости инфраструктуры к различным угрозам. Этот план включает в себя как инженерно-технические решения, так и организационные меры, распределенные по временным приоритетам и с указанием ответственных лиц за их реализацию.

Объекты топливно-энергетического комплекса в связи с нынешними геополитическими событиями являются главной целью дестабилизирующих струк-

¹ © Приходько Н. Ю., 2025.

² © Леднева А. Д., 2025.

тур, использующих диверсии, промышленный шпионаж и др. Однако ключевым их методом являются террористические акты.

Федеральное законодательство устанавливает основные принципы обеспечения безопасности в России [5], противодействие террористическим угрозам и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом [6].

Безопасность объектов ТЭК регулирует другой закон [7], который заложил фундаментальные принципы и установил правовые механизмы для защиты объектов топливно-энергетического комплекса. Данный документ регламентирует также зону ответственности должностных лиц государственного управления в этой области. Кроме того, закон прописывает круг прав и зону ответственности собственников энергетических объектов, определяя их подотчетность в вопросах безопасности. В основе нормативов лежит комплексный подход к обеспечению безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, подразумевая многоуровневый механизм, где каждый элемент играет ключевую роль в общей составляющей обеспечения безопасности. Паспорт БОТЭК служит важнейшим инструментом при оценке рисков, связанных с возможными противоправными действиями на объектах топливно-энергетического комплекса, такой аналитический материал позволяет всесторонне изучить потенциальные последствия не только для энергетической сферы, но и для смежных промышленных отраслей.

Особое внимание уделяется изучению способности к восстановлению различных технических комплексов объекта – как базовых инженерных систем, так и установок, обеспечивающих безопасную работу предприятия. При этом стоит учесть, что рассматривается весь спектр противоправных действий, включая террористические угрозы и их влияние на работоспособность всего комплекса защитных мер объекта.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, которая позволяет реализовать преимущества для стран содружества правовыми, техническими, экономическими средствами, создать благоприятные условия для привлечения инвестиций, обеспечить безопасность и антитеррористическую защищенность энергетики, а также гармонизации норм и стандартов, их регулирующих.

Российская Федерация всегда являлась заинтересованным лицом в сплочении бывших советских республик, такое заявление неоднократно подчеркивал Президент Российской Федерации в период проведения различных переговоров Евразийского экономического союза.

При этом Россия старается предоставить для всех участников евразийской интеграции приемлемые экономические условия, для комфортного взаимодействия государств между собой.

В декабре 2018 г. Высший Евразийский экономический совет принял решение № 23, направленное на создание единого энергетического пространства, такой документ регламентирует основные аспекты формирования общих рынков Евразийского экономического союза, особое внимание уделяя установлению единых норм, охватывающих не только экономическую составляющую торго-

вых операций, но и комплекс требований к безопасности производственных процессов, кроме того, указанный документ содержит строгие стандарты, регулирующие транспортировку нефти и нефтепродуктов конечным потребителям.

Говоря о крупных террористических атаках, стоит упомянуть, что 21 июля 2010 г. в Кабардино-Балкарской Республике произошла террористическая атака на гидроэлектростанцию в Баксане, входящую в состав ОАО «РусГидро», акция была осуществлена боевиками, представляющими одну из международных экстремистских организаций. В результате преступных деяний на объекте были организованы взрывы, в результате которых произошло возгорание, пожар нанес существенный урон инфраструктуре электростанции: пострадали производственные помещения, электрогенерирующее оборудование и материальные ценности объекта.

Реализация идеи единого экономического пространства в рамках ЕАЭС стало фундаментом для новых возможностей при решении комплексных задач в сфере энергобезопасности ТЭК, среди ключевых направлений сотрудничества государств-участников ЕАЭС особое место занимает противодействие терроризму, что становится важнейшим элементом обеспечения стабильной работы энергетической инфраструктуры.

В 2024 г. на заседании СБ РФ были освещены вспомогательные меры по обеспечению энергетической безопасности страны. В своем докладе Президент России В. В. Путин отметил, что «усиление мер защиты от терроризма сферы электроэнергетики, добычи нефтегазовых и угольных ресурсов гарантирует России обеспечение внутренней стабильности, безопасности» [8]. Новейшим документом в энергетической сфере является Энергетическая стратегия до 2050 года, которая представляет собой комплексную систему мер, направленную на защиту стратегически важных объектов [9].

Основная концепция объединения государств – участников ЕАЭС и СНГ по вопросу обеспечения энергетической безопасности и борьбы с терроризмом на объектах ТЭК – необходимость приведения национального законодательства в области безопасности ТЭК к единым мерам обеспечения безопасности и противодействия терроризму на объектах ТЭК. В России, Казахстане, Беларуси, Армении, Кыргызской Республике для достижения поставленной цели – создания единого энергетического рынка – предпринимаются крупномасштабные меры антитеррористической защищенности ТЭК.

Рассматривая законодательство отдельных государств – участников ЕАЭС, в качестве примера упомянем принятое 03.04.2015 Правительством Казахстана Постановление, закрепляющее требования антитеррористического регулирования условий защищенности отдельных уязвимых объектов, включающие объекты ТЭК [10]. А в Республике Армения нет узконаправленного, конкретизирующего положения, основные положения по безопасности закреплены в Законе Республики Армения «Об энергетике» от 07.03.2001.

Уголовно-правовая защита ТЭК заключается в запрете на нарушения требований безопасности на объектах атомной безопасности, антитеррористической защищенности, и заведомо ложное заключение промышленной безопасности (ст.ст. 215, 217.1 и 217.2 УК РФ). Угрозой уголовного наказания ответственные

за безопасность лица побуждаются к неукоснительному соблюдению требований обеспечения антитеррористической и физической защищенности ядерных материалов и установок, объектов топливно-энергетического комплекса, промышленных объектов от актов незаконного вмешательства [3, с. 107–122].

За нарушение требований, предъявляемых к антитеррористической защищенности объектов (территорий), установлена также уголовная ответственность в зависимости от последствий нарушения. Одной из мер ответственности является лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 217.3 УК РФ).

Так, например, нарушение указанных требований, совершенное лицом после его неоднократного привлечения к административной ответственности за аналогичное деяния, если это нарушение повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или причинение крупного ущерба (за исключением случаев, предусмотренных ст.ст. 217.1, 263.1 УК РФ), может наказываться в том числе лишением свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового (ч. 1 ст. 217.3 УК РФ). Полагаем, что квалификация конкретного деяния по ст. 217.3 УК РФ обоснована лишь тогда, когда недопущение нарушения соответствующих требований к АТЗ создавало реальную возможность предупредить террористический акт, исключить либо минимизировать причинение вреда жизни, здоровью, имуществу граждан и (или) имуществу организаций вследствие совершения террористического акта [4, с. 26–31].

Национальные законодательства стран содружеств ЕАЭС и СНГ не имеют подобной уголовно-правовой защиты в сфере энергетической безопасности ТЭК, в борьбе с терроризмом, по итогу высказанного наше предположение о процессе гармонизации правовых норм в этих областях, который сопровождается усилением мер правовой ответственности государств за антитеррористическую защищенность ТЭК. Данные действия будут способствовать укреплению на межгосударственном уровне стран ЕАЭС и СНГ, организационно-правовых и информационно-коммуникативных основ сотрудничества в сфере противодействия терроризму в ТЭК, что, несомненно, является одним из факторов конкурентной способности стран ЕАЭС и СНГ на мировом рынке нефтегазовой, энергетической, угольной, торфяной и другой продукции и важнейшим условием обеспечения экономической стабильности.

Список литературы

1. Журавель В. П. Нормативно-правовые аспекты обеспечения антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса // Сборник научных статей. М. : Научно-исследовательский Институт проблем безопасности Содружества Независимых Государств, 2020. С. 107–113.
2. Павлов Л. А. Обеспечение антитеррористической защищенности критически важных объектов топливно-энергетического комплекса // Нацбезопасность. 2022. № 2 (4). С. 6–8.

3. Чуклина Э. Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 107–122.

4. Глуздал Г. Н. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) // Мировой судья. 2024. № 11. С. 26–31.

5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 309-ФЗ «О безопасности» (ред. 10.07.2023.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

7. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 460.

8. Официальный сайт Парламентский газеты.
URL: <https://www.pnp.ru/politics/prezident-poruchil-povysit-zashhishhennost-ot-terrorizma-mest-skopleniya-lyudey.html>.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

10. Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 апреля 2015 г. № 191 «Об утверждении требований к системе антитеррористической защиты объектов, уязвимых в террористическом отношении. URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/natsionalnaya_bezopasnost/id-P1500000191/.

Чугунов А. А.¹,

*заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Алференок Е. А.²,

*старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ТАБАЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 171³ УК РФ

В апреле 2024 г. вступили в законную силу положения об уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в сфере производства и оборота табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства [4]. Данные изменения направлены на усиление контроля над рынком табачной продукции и обеспечение безопасности потребителей, что соответствует государственной политике в сфере охраны здоровья населения, а также борьбу с нелегальным бизнесом, который влечет существенные потери для федерального бюджета.

В соответствии с диспозицией ч. 1¹ ст. 171³ УК РФ предметом преступления, предусмотренного этой нормой статьи, являются табачная продукция, никотинсодержащая продукция и сырье для их производства в крупном размере. В данной статье рассмотрим содержание термина «табачная продукция». В Техническом регламенте табачная продукция определяется как «табачное изделие, упакованное в потребительскую упаковку. Под табачным изделием следует понимать продукт, полностью или частично изготовленный из табачного листа и (или) других частей табачного растения в качестве сырья, приготовленный таким образом, чтобы использовать его для курения» [5]. В указанном техническом регламенте содержится перечень требований, которые позволяют признать табачную продукцию таковой. Во-первых, состав – продукция должна содержать табачный лист и (или) другие части табачного растения рода *Nicotiana*; во-вторых, характеристики самого состава; в-третьих, способ применения данной продукции. Табачная продукция подразделяется на курительную (требуется поджигание) и некурительную. К видам курительных табачных изделий можно отнести: сигареты; сигары; сигариллы; папиросы; курительный, трубочный, кальянный табак; к видам некурительных табачных изделий (с содержанием никотина не более 10 мг на одно изделие [3, ст. 6]): жевательный

¹ © Чугунов А. А., 2025.

² © Алференок Е. А., 2025.

и нюхательный табак [3, пп. 11 и 12 ч. 1 ст. 2]. Следует отметить, что в Российской Федерации любые виды сосательного табака (снюс, насвай) запрещены к розничной и оптовой торговле (п. 4.1 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 203-ФЗ; п. 8 ст. 19 ФЗ № 8-ФЗ).

В качестве примера приведем обвинительный приговор [8] Кировского районного суда г. Омска, вынесенный в отношении С. по п. «б» ч. 6 ст. 171¹ УК РФ. Суд установил, что С. к моменту изъятия табачных изделий в апреле 2024 г. хранила в различных местах 31671 пачку сигарет в упаковках с различными наименованиями (как маркированную поддельными специальными (акцизными) марками, так и без требуемой маркировки) в целях их розничной продажи. Полагаем, что исходя из положений Технического регламента, изъятые табачные изделия следует признать табачной продукцией, поскольку они были упакованы в потребительскую упаковку (пачки) [5, п. 4].

Отметим и тот момент, что суд из описания деяния исключил указание на отсутствие у подсудимой лицензии на оборот табачной продукции, что, по нашему мнению, требует дополнительного пояснения.

Таким образом, при указанных в материалах уголовного дела обстоятельствах, содеянное С. должно было образовать совокупность преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 6 ст. 171¹ и п. «б» ч. 2 ст. 171³ УК РФ.

Обязательным признаком предмета данного преступления является его размер. В связи с этим следует рассмотреть вопрос об установлении размера табачной продукции. Принимая во внимание, что предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171¹ УК РФ, являются немаркированные табачные изделия в крупном размере, в целях единообразного применения положений уголовного закона, считаем возможным обратиться к определению Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) [7], в котором проанализирован п. 2 примечаний к ст. 171¹ УК РФ. В соответствии с правовой позицией КС РФ [6, п. 22] расчет стоимости участвующих в незаконном обороте немаркированных табачных изделий возможен несколькими способами.

Во-первых, исходя из розничной цены соответствующей легальной продукции. Полагаем, что данный способ возможно применить только в том случае, когда предпринимательская деятельность в данной сфере является законной, но на реализуемой табачной продукции отсутствует необходимая маркировка (чч. 5, 6 ст. 171¹ УК РФ). Преступление, исследуемое в рамках настоящей статьи (чч. 1¹, 2 ст. 171³ УК РФ), является разновидностью незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ), по этой причине табачная продукция изначально является нелегальной. Однако применение такого способа установления стоимости табачной продукции видится нецелесообразным ввиду того, что розничная цена на одну и ту же продукцию может отличаться, так как устанавливается налогоплательщиком самостоятельно [1, абз. 1 ч. 2 ст. 187¹], что негативно скажется на применении норм УК РФ в данной сфере.

Второй способ применим при отсутствии розничной цены соответствующей легальной продукции. В частности, речь идет о законодательно закреплённой единой минимальной цене табачной продукции [2, ч. 2 ст. 7]. В период с 01.01.2025 по 31.12.2025 она составляет 135 руб. [9] Возвращаясь к приведенному ранее примеру из судебной практики, отметим, что при установлении

стоимости изъятой табачной продукции, правоприменитель использовал именно этот вариант установления размера предмета преступления [8]. Поскольку на момент изъятия табачной продукции единая минимальная цена таковой составляла 129 руб. (на период 2024 г.) [10], был образован особо крупный размер – свыше 1 млн руб. (была изъята 31671 пачка сигарет по 129 руб. каждая, следовательно, общая стоимость продукции равна 4 085 559 руб.). Применение этого способа расчета стоимости изъятой нелегальной продукции подчеркивает необходимость квалификации содеянного С. по совокупности преступлений, что было указано выше. Полагаем, что данный способ расчета стоимости продукции является наиболее предпочтительным.

Для определения стоимости изъятой нелегальной табачной продукции необходимо назначение экспертизы. Кроме того, такая продукция в своем составе может содержать запрещенные вещества и примеси, в том числе представляющие опасность для здоровья и жизни потребителей (что требует дополнительной квалификации по статьям УК РФ).

Подводя итог, сделаем следующие выводы:

1) термины «изделие» и «продукция» не равнозначны. Продукция представляет собой изделие, упакованное в потребительскую упаковку, т. е. готовое для реализации конечному потребителю. Именно табачная продукция может быть предметом рассматриваемого преступления;

2) обязательным признаком предмета данного преступления является его крупный или особо крупный размер. Для расчета стоимости продукции необходимо назначение экспертизы. Кроме того, стоимость будет зависеть от законодательно закрепленной единой минимальной цены на нее.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» (ред. от 28.12.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/>.
3. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на некуриТЕЛЬНУЮ табачную продукцию» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 390-ФЗ «О внесении изменений в статьи 171.3 и 322 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/>.
5. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 107 «О техническом регламенте Таможенного союза «Технический регламент на табачную продукцию» (вместе с «ТР ТС 035/2014. Технический регламент Таможенного союза. Технический регламент на табачную продукцию») // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2025 г. URL: <https://www.ksrf.ru/>.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2025 г. № 5-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидоркина Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 примечаний к статье 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приговор Кировского районного суда города Омска от 28 декабря 2024 г. № 1-826/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Информационное сообщение Минсельхоза России от 20 ноября 2024 г. № МА-21-26/29349 «О единой минимальной цене табачной продукции на период с 1 января 2025 года по 31 декабря 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Письмо ФНС России от 9 января 2024 г. № СД-4-3/1@ «О единой минимальной цене табачной продукции на период с 1 января 2024 года по 31 декабря 2024 года» (вместе с Письмом Минсельхоза России от 26.12.2023 № МА-21-27/31600) // СПС «КонсультантПлюс».

Никонорова Ю. В.¹,
заместитель начальника
кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Стаховец Д. С.²,
курсант
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ НЕЗАКОННЫМ ПУТЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и финансовых инструментов одной из наиболее острых проблем современности является легализация денежных средств, полученных преступным путем. Причем на сегодняшний день достаточно эффективным инструментом сокрытия происхождения криминальных доходов является их конвертация в криптовалюты. Анонимность, децентрализация и отсутствие единых стандартов регулирования делают ее довольно эффективным средством отмывания денег, что, в свою очередь, вызывает довольно серьезную озабоченность правоохранительных органов. В отличие от классических финансовых инструментов, криптовалюты позволяют обходить контрольные механизмы и затрудняют проведение финансовой разведки.

Исторически сложилось, что преступники чаще всего использовали офшорные зоны, подставные компании и фиктивные сделки для легализации преступных доходов. Однако появление криптовалют дало им принципиально новый инструмент, позволяющий проводить операции вне контроля со стороны государственных органов. Ярким примером стал случай с торговой площадкой Silk Road [1], действовавшей в даркнете, где за биткоины продавались запрещенные вещества, оружие, поддельные документы и т. п. Основатель сайта Росс Ульбрихт был приговорен в США к пожизненному заключению свободы. В 2022 г. Министерство финансов США наложило санкции на Tornado Cash – децентрализованный криптомиксер, через который было отмыто более семи миллиардов долларов [2]. Подобные кейсы указывают на масштаб проблемы.

Особую тревогу вызывает использование криптовалют для финансирования терроризма. В 2023 г. израильские спецслужбы заблокировали более 190 криптокошельков, связанных с группировкой Хамас [3]. По данным Министерства обороны Израиля, через эти адреса проходили биткоины, эфириумы и стейбл-

¹ © Никонорова Ю. В., 2025.

² © Стаховец Д. С., 2025.

коины, направляемые на финансирование терактов, оплату обучения боевиков и закупку оборудования. Такие действия, осуществляемые при посредничестве анонимных платформ, становятся почти неуловимыми для традиционных систем мониторинга.

Следственные органы сталкиваются с целым рядом трудностей при расследовании преступлений с использованием криптовалют. Среди основных препятствий – отсутствие внятного нормативного регулирования, ограниченные возможности для технического анализа блокчейнов и анонимность участников транзакций. Криптовалюты типа Monero, Dash и Zcash предлагают пользователям расширенные функции конфиденциальности, включая сокрытие суммы перевода и адресов отправителей и получателей. Кроме того, широкое распространение в сети Tor, использование VPN и прокси делают пользователей практически неотслеживаемыми.

Для эффективного противодействия легализации доходов, полученных преступным путем с использованием криптовалют, необходимо внедрение целого комплекса мер. В первую очередь следует создать специализированные аналитические подразделения при правоохранительных органах, обладающие компетенциями в области блокчейн-аналитики, цифровой криминалистики и финансовой разведки. Такие подразделения должны быть оснащены программными комплексами, способными анализировать транзакции в режиме реального времени, например, Chainalysis [4], Crystal Blockchain или CipherTrace.

С точки зрения эффективности противодействия данному явлению уголовно-правовыми мерами полагаем необходимым внести изменения в ст. 174¹ УК РФ, указав в числе возможных инструментов легализации цифровые активы и виртуальные валюты.

Также следует разработать положения о порядке хранения, ареста и реализации изъятых токенов в рамках уголовного процесса. К примеру, в США уже существует государственный фонд конфискованных цифровых активов, где токены хранятся до вынесения судебного решения, после чего поступают в государственный бюджет.

Международное сотрудничество также играет ключевую роль. На сегодняшний день наиболее эффективными структурами в этой сфере выступают Европол [5], Интерпол, а также специализированные агентства США – например, Центр по анализу виртуальных активов при ФБР. Указанные учреждения обмениваются информацией о подозрительных адресах, транзакциях, схемах отмывания и новых киберугрозах.

России следует активизировать участие в рабочих группах FATF [6], а также заключать двусторонние соглашения с государствами, где базируются крупные биржи и обменники.

Кроме того, необходимо реформировать систему подготовки кадров для борьбы с финансовыми преступлениями в цифровой среде. Учебные заведения системы МВД должны внедрять специализированные курсы, посвященные криптовалютам, блокчейн-технологиям и цифровой безопасности. Сотрудники правоохранительных органов должны уметь работать с криптовалютными кошельками, проводить аналитические действия в блокчейне и составлять техни-

чески обоснованные заключения. Эффективная борьба с криптовалютной преступностью невозможна без качественной подготовки кадров.

В заключение необходимо отметить, что современная криминогенная практика активно использует криптовалюты для легализации доходов. Только комплексный подход – законодательный, технический, кадровый и международный – позволит эффективно выявлять, пресекать и предупреждать преступления в цифровой среде. Россия располагает необходимыми ресурсами и институциональными возможностями, чтобы выстроить действенную модель противодействия преступлениям, связанным с оборотом цифровых активов. Основой такой модели должно стать сочетание эффективного контроля, современных технологий, правовой определенности и межгосударственного взаимодействия.

Список литературы

1. U. S. Department of Justice. Ross Ulbricht Sentenced to Life in Prison. Washington // DOJ, 2015. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/creator-silk-road-website-sentenced-life-prison>.
2. U. S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Tornado Cash. Washington: Treasury.gov, 2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0916>.
3. Israel Ministry of Defense. Designation of Cryptocurrency Wallets Used by Hamas. Tel Aviv, 2023. URL: https://www.gov.il/en/Departments/news/crypto_terror.
4. Chainalysis. 2024 Crypto Crime Report. New York: Chainalysis, 2024. URL: <https://www.chainalysis.com/reports/2024>.
5. Europol. Cryptocurrencies: tracing the evolution of criminal finances. The Hague: Europol, 2022. URL: <https://www.europol.europa.eu>.
6. FATF. Virtual Assets and Related Risks. Paris: FATF, 2023. URL: <https://www.fatf-gafi.org>.

*Азаренкова Е. А.¹,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Законодательство Российской Федерации, связанное с таможенным делом, подвергалось многочисленным изменениям. Существенные преобразования начались с создания в 2000 г. Евразийского экономического сообщества и принятия Таможенного кодекса Таможенного союза. Затем в январе 2015 г. произошло образование Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), а с 1 января 2018 г. начал действовать Таможенный кодекс ЕАЭС.

В Российской Федерации предприняты шаги по приведению национального законодательства об уголовной ответственности за контрабанду в соответствие с нормами и правилами, установленными в Таможенном союзе. В частности, в 2011 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) были включены ст. 226.1 в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и ст. 229.1 в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», в 2013 г. – ст. 200.1 в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», в 2014 г. – ст. 200.2 в эту же главу [5].

Больше других подвергалась изменениям ст. 226.1 УК РФ (ФЗ № 150-ФЗ от 02.07.2013, № 245-ФЗ от 23.07.2013, № 157-ФЗ от 27.06.2018, № 156-ФЗ от 03.07.2018, № 281-ФЗ от 01.07.2021, № 82-ФЗ 18.03.2023, № 113-ФЗ от 14.04.2023, № 43-ФЗ от 11.03.2024, № 361-ФЗ от 29.10.2024). В настоящее время законодатель продолжает совершенствовать нормы о контрабанде. Так, в 2023 г. был несколько изменен квалифицирующий признак контрабанды, предусмотренной ст. 226.1 УК РФ, ранее обозначенный как «должностным лицом с использованием своего служебного положения», а в действующей редакции – «лицом с использованием своего служебного положения». Этим же Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 82-ФЗ ч. 2 ст. 226.1 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком – «...в отношении оружия массового поражения или средств его доставки либо сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения или средств его доставки». К тому же 14 апреля 2023 г. принят Федеральный закон № 113-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ», который дополнил перечень предметов контрабанды, предусмотренной ст. 226.1 УК РФ – такими как «растения и грибы». Федеральный закон

¹ © Азаренкова Е. А., 2025.

№ 361-ФЗ «О внесении изменений в статьи 226.1 и 248 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 29 октября 2024 г. к предметам контрабанды отнес патогенные биологические агенты.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ ст. 200.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за контрабанду алкогольной и табачной продукции утратила силу с 1 апреля 2024 г. Но это не означает, что контрабанда данных предметов декриминализирована. В результате проведенного анализа Министерство финансов Российской Федерации выявило, что основной объем нелегальной алкогольной и табачной продукции поступает из стран – участниц ЕАЭС. Таможенные органы задокументировали факты импорта алкоголя и табака из стран ЕАЭС, замаскированные под транзит через территорию России в третьи страны. В связи с этим Правительство Российской Федерации внесло коррективы в Постановление № 923 от 13 сентября 2012 г., дополнив список стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226.1 УК РФ, такими категориями, как алкогольная и табачная продукция [6]. Данные меры были предприняты для устранения юридической неопределенности, связанной с отсутствием уголовной ответственности за контрабандный ввоз табачных изделий и алкогольной продукции в Россию из других стран – членов ЕАЭС.

Вследствие происходящих многочисленных преобразований, иногда возникают сомнения в конституционности правовых положений отдельных норм. Так, уже в 2025 г. в связи с поданной жалобой гражданина О. В. Панова Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление от 19.02.2025 № 8-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 226.1 УК РФ...».

Таким образом, можно отметить повышенное внимание общественности, правоприменителей, высших судебных инстанций и иных органов к проблемам квалификации контрабандных преступлений. Это обусловлено высокой степенью общественной опасности деяний, нарушающих установленный порядок перемещения товаров и ценностей через таможенную границу.

Проведя сравнительный анализ законодательства стран Евразийского экономического союза в части установления уголовной ответственности за контрабанду, можно выделить следующее.

В странах ЕАЭС предприняты меры, направленные на гармонизацию правовых норм и усиление борьбы с контрабандой на всей территории союза. Так, в уголовных законах каждой из этих стран в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности есть нормы об ответственности за контрабанду. Причем в УК Армении ответственность за экономическую контрабанду разграничена, исходя из характера перемещаемых предметов. Статья 291 УК Армении определяет ответственность за незаконное перемещение наличных денежных средств или платежных инструментов. В свою очередь, ст. 292 УК Армении регламентирует ответственность за контрабанду культурных ценностей и стратегически важных сырьевых товаров [1]. На наш взгляд, расположение норм о контрабанде культурных ценностей и стратегически важных товаров в главе об экономических преступлениях обосновано, поскольку данное посягательство, неразрывно связано с экономической сферой, поскольку неза-

конный оборот таких предметов в первую очередь наносит ущерб экономической безопасности государства.

Можно согласиться с А. В. Федоровым, что объект контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов не соответствует гл. 24 УК РФ. Он полагает, что подобные деяния логичнее рассматривать в контексте экономической преступности. Аналогичная позиция высказывается им и в отношении нелегального перемещения культурных ценностей через границу [7, с. 141].

Ряд исследователей выражают сомнения о правильности отнесения контрабанды культурных ценностей к преступлениям против общественной безопасности. В. Г. Беспалько утверждает, что данное деяние посягает на общественные отношения, обеспечивающие сохранность культурного наследия в рамках международного культурного обмена и сотрудничества. Он отстаивает необходимость переноса нормы об ответственности за контрабанду культурных ценностей в гл. 25 УК РФ, поскольку охраняемые ею отношения наиболее тесно связаны с защитой культурных ценностей [8, с. 88].

Следовательно, признание перемещения культурных ценностей через границу контрабандой может быть необоснованным, если отсутствует нарушение общественной безопасности как непосредственного объекта преступного посягательства.

Но обращает на себя внимание не единообразный подход законодателей к конструированию составов экономической контрабанды. Так, контрабанда наличных денежных средств или денежных (платежных) инструментов запрещена по УК РФ, УК Беларуси, УК Армении. Причем если в УК РФ и УК Армении ответственность за данное деяние предусмотрена в отдельной статье, то в УК Беларуси данный вид контрабанды закреплён в качестве самостоятельного состава преступления в ст. 228 УК РБ. В первой части данной статьи содержится запрет на совершение контрабанды товаров, запрещенных или ограниченных к перемещению [2]. Кроме того, контрабанда подобного рода предметов запрещается в Казахстане (товары и иные предметы) и Кыргызстане (товары или иные предметы, в том числе запрещенные или ограниченные к перемещению, а также вещи и ценности, в отношении которых установлены специальные правила перемещения).

Проведя анализ объективной стороны контрабанды, выделим следующее. В то время как УК РФ, УК Беларуси и УК Кыргызстана ограничиваются указанием на таможенную границу Евразийского экономического союза, в УК Армении, помимо этого, содержится упоминание о Государственной границе Республики Армения. Законодательство Казахстана, в свою очередь, более детально определяет место совершения противоправного деяния: таможенная граница Евразийского экономического союза (для товаров и иных предметов, в отношении которых установлены специальные правила перемещения) и Государственная граница Республики Казахстан (для товаров или других предметов, запрещенных или ограниченных к перемещению через Государственную границу Республики Казахстан) [3].

Что примечательно, во всех анализируемых уголовных законах, за исключением только УК РФ, раскрываются способы незаконного перемещения предме-

тов контрабанды. Наиболее удачно это представлено в УК РБ – в примечании к ст. 228 дается определение незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС. Кроме того, белорусский законодатель закрепил в УК статью с административной преюдицией за транспортировку продукции через границу ЕАЭС вне установленных пунктов пропуска или в часы, когда таможенные органы в этих пунктах не осуществляют свою деятельность, при условии, что данное нарушение совершено в течение одного года после применения административного взыскания за аналогичное деяние. Целью введения данной нормы является пресечение систематических нарушений таможенного законодательства, связанных с незаконным перемещением товаров. Применение административной преюдиции позволяет таможенным органам более эффективно бороться с правонарушениями в сфере таможенного дела, поскольку повторное совершение аналогичного деяния в течение года после административного наказания свидетельствует о наличии умысла на совершение противоправных действий. Согласно законодательству Российской Федерации, за аналогичные деяния в отношении товаров предусмотрена лишь административная ответственность.

Законодательство стран, входящих в ЕАЭС, демонстрирует заметные расхождения в определении ответственности за незаконный ввоз и вывоз предметов, оборот которых ограничен. В частности, УК Армении, аналогично УК РФ, разделяет ответственность за контрабанду оружия и других подобных предметов и за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Ответственность за данные деяния дифференцирована в разных разделах кодексов: первое относится к преступлениям, нарушающим общественную безопасность, а второе – к преступлениям, направленным против здоровья населения. Стоит отметить, что в УК Армении вообще есть самостоятельная глава о преступлениях против законного оборота огнестрельного оружия или других опасных материалов и предметов и глава о преступлениях против законного оборота наркотических средств, психотропных (психовоздействующих) веществ, их препаратов, прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ.

УК Казахстана и УК Кыргызстана включают статьи о контрабанде предметов, изъятых из обращения или ограниченных в обращении, или в отношении которых установлены специальные правила перемещения. Данные деяния посягают на общественную безопасность и общественный порядок, и соответственно, располагаются в одноименной главе (разделе). Причем в одной норме объединены деяния в отношении оружия, боеприпасов, сильнодействующих и ядовитых веществ, наркотических средств. Кроме того, в УК Кыргызстана в этой же части статьи установлена ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и культурных ценностей [4].

Перечни данных предметов в странах ЕАЭС разнятся. Российское уголовное законодательство устанавливает повышенную ответственность за незаконный ввоз или вывоз оружия массового поражения, средств его доставки, а также материалов, оборудования, технологий, научной информации и результатов интеллектуальной деятельности, потенциально применимых при разработке указанного оружия или средств его доставки. Помимо этого, перечень

контрабандных товаров, представляющих угрозу общественной безопасности, был дополнен патогенными биологическими агентами.

Что касается места совершения преступления, то в УК РФ, УК Армении, УК Беларуси и УК Казахстана – это таможенная граница ЕАЭС а также государственная граница соответствующей страны. В отличие от этого, в уголовном кодексе Кыргызстана местом совершения преступления признается таможенная граница Кыргызской Республики.

Сопоставив квалифицирующие признаки, можно отметить следующее. Во всех уголовных законах стран ЕАЭС есть квалифицирующий признак – «совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения или полномочий. Но стоит отметить, что Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 82-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» несколько видоизменил соответствующий квалифицирующий признак «совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения». В новой редакции он звучит так: «лицом с использованием своего служебного положения». Внесенные изменения в УК РФ приводят к увеличению числа лиц, которые могут быть признаны субъектами рассматриваемого преступления. Помимо должностных лиц, теперь к ответственности могут привлекаться и другие граждане, злоупотребляющие своим служебным положением для осуществления контрабанды. В эту категорию могут входить лица, имеющие право доступа в зоны таможенного и пограничного контроля, осуществляющие контроль над перемещением грузов, а также лица, освобожденные от определенных форм таможенного контроля и использующие это в целях контрабанды.

Признак «использования служебного положения» представляется дискуссионным. Неясно, подразумевается ли под этим злоупотребление авторитетом, влиянием и связями по службе в преступных целях либо же речь идет об осуществлении действий, входящих в служебные обязанности и полномочия лица. Данный аспект требует уточнения для однозначного толкования и применения нормы.

Самый широкий спектр субъектов, несущих повышенную ответственность за контрабанду, предусмотрен в УК Армении: «...с использованием властных или служебных полномочий, или обусловленного ими воздействия...» Практическое применение данного квалифицирующего признака требует установления причинно-следственной связи между использованием властных или служебных полномочий (или обусловленного ими воздействия) и совершением преступления.

В ст. 321 Таможенного кодекса ЕАЭС представлен список лиц, освобождаемых от некоторых видов таможенного контроля. В частности, от таможенного досмотра освобождается личный багаж глав государств-членов и глав правительств государств-членов, а также сопровождающих их членов семей. Кроме того, это положение распространяется на президентов государств-членов, чей срок полномочий истек, и членов их семей, следующих вместе с ними. В данном контексте акцент делается на субъекте, определяемом как «лицо, использующее свое служебное положение», а не на более узком понятии «должностное лицо, использующее свое служебное положение». Это различие расширяет

круг лиц, к которым применяются указанные льготы и исключения в рамках таможенного контроля.

Можно положительно оценить данные изменения УК РФ, поскольку не только должностные лица таможенных органов, которые осуществляют таможенный контроль при пропуске товаров через границу, но и другие субъекты, чье служебное положение каким-либо образом способствует облегчению совершения данного преступления, должны нести повышенную ответственность за контрабанду.

При этом стоит обратить внимание на то обстоятельство, что соответствующий квалифицирующий признак не был изменен в ст.ст. 200.2 и 229.1 УК РФ, что свидетельствует о недостатках регламентации ответственности за различные виды контрабанды, о непоследовательности вносимых изменений.

В целях повышения эффективности борьбы с контрабандой необходимо совершенствование законодательства, укрепление международного сотрудничества в сфере таможенного контроля, а также повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих выявление, пресечение и расследование данных преступлений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. URL: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf/.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. от 17.02.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984&ysclid=m8y6m4gkfm2369402/.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. от 06.03.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252/.
4. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. от 14.03.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065/.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 542 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федоров А. В. Еще раз к вопросу об объекте «переродившейся» контрабанды, предметах контрабанды и ее месте в Особенной части УК РФ // Ученые записки СПб филиала РТА. 2013. № 2 (46). С. 141.
8. Беспалько В. Г. Новые проблемы квалификации контрабанды культурных ценностей по признакам объекта и предмета преступления // Публичное и частное право. 2013. № 1. С. 88.

Горшенева И. А.¹,
*заведующий кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Глобальные изменения в области экономики и стремительная технологизация отраслей народного хозяйства способствует образованию новых условий для трансформации традиционных видов экономической преступности, что, в свою очередь, непосредственно влияет на сферу экономических отношений на внутреннем и внешнем контурах. Компьютеризация большинства сфер взаимодействия выводит их на международный уровень. Таким образом, технический прогресс, повсеместная информатизация и IP-технологии активно используются акторами для совершения разного рода экономических правонарушений (мошенничество с клиентскими базами, киберпреступность, кража IP-данных и интеллектуальной собственности и т. д.). Масштабы подобной технологизации экономических преступлений всецело усложняют процесс раскрытия и расследования преступных деяний, привлечения обвиняемых к ответственности, возмещения ущерба, причиненного преступниками. Такая ситуация обусловлена прежде всего отставанием в оснащении правоохранительных ведомств соответствующим инновационным инструментарием по сравнению с оснащенностью действующих преступных групп. Таким образом, проблема экономических преступлений в международных рамках актуальна и требует серьезных исследований с целью выявления причин этих преступлений и методов борьбы с ними.

Сегодня к видам экономических преступлений принято относить:

- 1) мошенничество – намеренное использование обмана с целью лишения другого лица имущества, денег или прав на владение чем-либо;
- 2) незаконное присвоение имущества (кража, обман собственников);
- 3) хищение активов компании руководителями компании, другими лицами, занимающими руководящие должности, или сотрудником в целях получения личной выгоды;
- 4) мошенничество с финансовыми документами – изменение или внесение ложных сведений в бухгалтерские отчеты;
- 5) коррупция и взяточничество (включая рэкет и вымогательство) – использование служебного положения в корыстных целях; обещание экономической или другой выгоды посредством шантажа или запугивания;
- 6) отмыwanie денег – действия, направленные на легализацию доходов, полученных преступным путем, с сокрытием их истинного происхождения;

¹ © Горшенева И. А., 2025.

7) нарушение прав интеллектуальной собственности (включая патенты, товарные знаки, промышленный шпионаж, контрафактные товары и услуги) – незаконное копирование, распространение контрафактных товаров с нарушением патента или авторских прав и изготовление поддельных банкнот, монет с намерением продажи их как подлинных. Данный вид экономических преступлений также включает неправомерное получение и использование коммерческой тайны или информации о компании [3].

Важным инструментом борьбы с экономическими преступлениями в международном масштабе является укрепление полицейского сотрудничества и всемерное использование инновационных подходов к пресечению как отмывания преступных доходов, так и основных видов преступлений, связанных с ними. Сегодня уголовное преследование, различные профилактические и превентивные действия, а также усиление уголовной ответственности активно используются для борьбы с отмыванием денег и финансовыми преступлениями. Существует необходимость разработки и внедрения новых норм, четко конкретизирующих состав каждого экономического правонарушения, устанавливая прямую связь подобного деяния с нарушением прав граждан, обеспечивая их право на действенную защиту на основе широкого взаимодействия законодателей, правоохранителей и правоприменителей.

Экономические преступления относятся к широкой категории видов деятельности, связанных с денежным оборотом, финансами и активами. Их целью является незаконное получение прибыли или выгоды как для юридических, так и для физических лиц, а также причинение вреда другим субъектам. Такая ситуация представляет угрозу для экономики государства и его институтов и наносит значительный ущерб обществу и индивидам. Преступная деятельность заключается в получении преступной выгоды от доходов, полученных преступным путем; нанесении ущерба государственной финансовой системе и законным интересам бизнеса; представляет угрозу национальной безопасности, процветанию и репутации.

В настоящее время преступные организации, совершающие экономические преступления, обладают возможностями быстро адаптироваться к любым средствам обеспечения безопасности финансовых учреждений. Поэтому последним важно использовать передовые технологии противодействия подобным преступлениям, чтобы вовремя выявить преступников и обеспечить защиту собственных ведомств и клиентов от мошеннических действий. Финансовые эксперты и правительства сходятся во мнении, что одной из главных причин, по которой ежегодно осуществляется воровство и отмывание огромных сумм, является отсутствие обмена информацией между заинтересованными сторонами. Эффективная система финансового контроля способна стать мощным инструментом предотвращения, выявления и раскрытия экономических преступлений. Она включает в себя консолидацию полномочий и ответственности за управление ресурсами, способствующую выявлению неправомерных действий в отношении финансов и несанкционированных расходов путем проведения своевременного аудита и внедрения действенной цепочки финансовых действий.

В данной статье анализируются результаты исследования, проведенного с 1999 по 2020 г. зарубежными авторами, рассматривающими международные экономические преступления, их виды и концепции, их транснациональный характер, статистические данные, демонстрирующие уровень экономической преступности в 2011–2020 гг., количество преступлений по видам и уровень преступности в отдельных государствах. Методом сравнения и обобщения были установлены причины роста экономических правонарушений в мире и взаимосвязь количества совершенных экономических преступных деяний с уровнем экономического развития стран. В статье анализируются показатели, представленные в следующих источниках:

1) Statista – Types of economic crime reported worldwide за 2016 г.;

2) PricewaterhouseCoopers – Показатели мошенничества и экономических преступлений за последние более чем 10 лет, количество преступлений: общая частота в 2018, 2020 гг.;

3) The Southern Times – Экономические преступления в регионах в 2018 г.;

4) Экономика торговли – ВВП на душу населения в 2018 г.

Правовое регулирование противодействия экономической преступности на международном уровне осуществляется международно-правовыми актами: Конвенцией Организации Объединенных Наций против Транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. и Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с незаконным оборотом Наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Конвенции определяют конкретные области борьбы с экономическими преступлениями – разработку, осуществление и усиление мер по борьбе с такими преступлениями, международное сотрудничество и многое другое.

В мире существуют международные организации, основной функцией которых является расследование деяний организованной преступности и борьба с ней: Азиатский и Дальневосточный институты ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями; Межрегиональный научно-исследовательский центр ООН по вопросам преступности и правосудия; Центр по борьбе с международной преступностью; Международный уголовный суд; Группа разработки финансовых мер борьбы с коррупцией (ФАТФ) и др.

PricewaterhouseCoopers каждые два года проводит статистический анализ экономических преступлений в 104 организациях по всему миру. За последние 15 лет в мире наблюдался устойчивый рост экономических преступлений, за исключением 2016 г. – в этом году количество экономических преступлений немного снизилось. В 2018 г. по показателям опрошенных организаций они вновь выросли с 36 % до 49 %. А 2020 г. опять продемонстрировал незначительное снижение показателей до 47 %.

Международная компания PricewaterhouseCoopers (PwC) на основе значительного периода исследований глобальных экономических преступлений и мошенничества разделила их на следующие типы: нарушение антимонопольного законодательства, мошенничество в сфере бухгалтерского учета и отчетности, взяточничество и коррупция, незаконное присвоение активов, киберпреступность, мошенничество в сфере потребления, отмывание денег,

мошенничество в торговле, мошенничество с закупками, инсайдерская деятельность и несанкционированная торговля, кража интеллектуальной собственности, налоговое мошенничество [2; 6].

Экономические преступления опасны тем, что они подрывают экономическую стабильность как предприятий, так и страны. Среди 5000 респондентов, опрошенных в 2020 г. в 99 странах мира, 47 % были жертвами экономических преступлений в течение 24 месяцев, последствия этих преступлений составили ущерб в размере 42 млрд долларов США [2; 6]. Наиболее распространенными за последние четыре года являются незаконное присвоение имущества, киберпреступность, взяточничество и коррупция. Следует отметить, что экономические преступления приобрели более специфические формы, поэтому этих, наиболее распространенных в мире преступлений стало намного больше.

С 2016 г. наблюдается рост случаев мошенничества с клиентами, бухгалтерией и финансовой отчетностью, персоналом, взяточничества и коррупции, нарушения антимонопольного законодательства, краж интеллектуальной собственности с использованием IP-адресов и инсайдерской торговли. С 2016 г. наблюдается снижение числа таких экономических преступлений, как мошенничество при закупках, незаконное присвоение имущества. Такой статистический анализ экономических преступлений даст возможность провести исследование и определить динамику экономической преступности, регионы, в которых совершаются экономические преступления, установить причинно-следственную связь между совершением этих преступлений и их последствиями. К странам с наибольшим количеством экономических преступлений относятся, например, Южная Африка, где 77 % опрошенных организаций стали их жертвами экономических преступлений, Кения – 76 %, Франция – 71 %, Россия – 66 %, Уганда – 66 %, Замбия – 65 %, Бельгия – 65 % и др.

Экономическая преступность в Африке напрямую связана со структурой политической экономики. Неэффективная система данного направления приводит к преступности и делинквентности. Такая ситуация сложилась из-за безработицы среди молодежи в Африке [1].

Негативные экономические факторы обычно трансформируются в социальные. Темпы экономического роста страны оказывают влияние на социальный статус человека, поскольку экономический кризис снижает экономический уровень жизни всего общества в целом и увеличивает число людей, живущих за чертой бедности. Для решения этой проблемы предлагается перестраивать политическую экономику, создавая общественное благосостояние, способное улучшить социально-экономические условия жизни населения [1].

Еще одной причиной высокого уровня экономической преступности в Южной Африке является недоверие к правоохранительным органам. Так, 70 % организаций считают, что правоохранительные структуры неэффективны и не способны в полной мере выявлять преступления и бороться с ними [4]. Статистика показывает, что в 2009 г. уровень экономической преступности в Африке вырос на международном уровне до 46 %, а на национальном – до 45 % [5].

Среди проанализированных стран исключением являются Франция, где ВВП на душу населения в 2018 г. составил 43 720 долларов США и Бельгия – 47116 долларов США. Бельгия, как экономически высокоразвитая страна, отличается довольно высоким уровнем экономической преступности. Исследования

показывают, что в государстве четко выделяются определенные виды преступлений, среди которых взяточничество и коррупция, нарушение антимонопольного законодательства и отмывание денег. Эти преступления возникают в результате несоблюдения предприятиями правил ведения бизнеса, установленных другими странами. Например, Соединенные Штаты и Великобритания действуют в рамках установленных норм с еще более строгими стандартами и более высокими штрафными санкциями. Такие виды преступлений представляют серьезную угрозу для крупных организаций международного уровня.

Также среди причин большого количества экономических преступлений в высокоразвитых странах существует проблема государственного управления – нарушение внутреннего контроля, отсутствие надлежащей культуры или эффективности выполнения функций руководителей государственных органов. Такая ситуация приводит к потере репутации на государственном и международном уровне и, как следствие, возникновению неблагоприятных реакций на фондовом рынке, экономическим потерям, нестабильности в бизнесе [4; 5]. Причинами такой статистики экономических преступлений выступает низкий уровень защищенности организаций, уступающий современным возможностям совершения этих преступлений. Кроме того, контрмеры недостаточны и неэффективны, а борьба с экономической преступностью малоэффективна. Существует проблема неудовлетворительной деятельности правоохранительных ведомств, проявляющаяся в небольшом количестве выявляемых и расследованных преступлений, и высокий уровень взяточничества.

Основными факторами роста экономической преступности является дисбаланс интересов институциональных, общественных и личных. Монополия в различных сферах жизни, в том числе экономической, наличие групповых интересов общества и концентрации основных фондов в руках небольшого числа людей обуславливают массовое чувство несправедливости. Именно эти причины порождают преступность и противодействие действующему уголовному законодательству.

Незаконное присвоение собственности является мировым лидером среди всех видов экономических преступлений, напрямую негативно влияющим на рыночные отношения в международном масштабе. Экономическое развитие государства зависит от заключения выгодных инвестиционных соглашений на транснациональном уровне. Однако инвесторы, прежде чем заключить инвестиционное соглашение, оценивают риски и угрозы стать жертвой мошенничества. Таким образом, государства с высоким уровнем экономической преступности лишают как граждан, так и юридических лиц возможности быть участниками международных экономических соглашений.

Растущая экономическая преступность обусловлена следующими основными причинами: информатизацией социальных сфер, социально-экономическим неравенством, техническим прогрессом, отсутствием организационного равновесия в правоохранительной сфере, рыночными отношениями на международном уровне, увеличением количества пользователей Интернета и его постоянной распространенностью.

Способы преодоления международной экономической преступности на национальном уровне включают в себя:

- 1) повышение доходов – такой подход обусловлен тем фактом, что уровень экономической преступности выше в более бедных странах;
- 2) повышением защищенности компаний от кибератак и мошенничества;
- 3) перезагрузкой правоохранительной системы путем реформирования, включая создание эффективной правовой базы, привлечением квалифицированного персонала и повышением заработной платы;
- 4) повышением профессионального уровня сотрудников правоохранительных структур, борющихся с экономическими преступлениями;
- 5) модернизацией всех методов борьбы правоохранительных органов с экономическими преступлениями.

Поэтому важным инструментом противодействия экономической преступности является тесное взаимодействие правительства с правоохранительными органами и частным сектором, способное посредством скоординированных действий, включая надлежащий обмен информацией и использование высокотехнологичных средств, выявлять экономические преступления, незаконную деятельность и субъекты такой деятельности.

Тщательный анализ причин экономической преступности на международном уровне позволяет разработать эффективные способы пресечения экономической преступности: общая координация работы в данном направлении всех стран означает, в частности, совершенствование норм международного права. Также целесообразно разработать общую стратегию борьбы с экономическими преступлениями в указанных рамках и реформировать определенные сферы, способствующие совершению экономических правонарушений на национальном уровне.

Список литературы

1. Omoleye B. O. Analysing Economic Crimes in Nigeria: The Political Economy Approach // Journal of Law and Criminal Justice. 2017. № 5 (2). Pp. 65–72 // URL: <https://doi.org/10.15640/jlcj.v5n2a6>.
2. PricewaterhouseCoopers. Fraud hits record high levels. 2020. URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/forensics/fraud-financial-crime.html>.
3. PricewaterhouseCoopers. Economic crime: people, culture and controls The 4th biennial Global Economic Crime Survey. 2007. URL: https://www.whistleblowers.org/wpcontent/uploads/2018/11/pwc_survey.pdf.
4. PricewaterhouseCoopers. Global Economic Crime Survey Belgium report. 2014. URL: https://proxy-ftp-upload-statics.kubernetes.prod.mediafin.persgroep.cloud/static.tijd.be/tijdconnect/pwc/Economic_crime_survey_17-02-14.pdf.
5. PricewaterhouseCoopers. South African organisations report the highest rate of economic crime in the world. 2014. URL: <https://www.pwc.co.za/en/press-room/global-economic-crime-survey.html>.
6. PricewaterhouseCoopers. Fighting fraud: A never-ending battle PwC's Global Economic Crime and Fraud Survey 2020. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/forensics/gecs-2020/pdf/global-economic-crime-and-fraud-survey-2020.pdf>.

Наумов В. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета

МВД России имени В. Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ И (ИЛИ) ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Важность и значимость правовых исследований сферы незаконного оборота драгоценных металлов и камней подчеркивается в резолюциях Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций, в частности, № 2013/38 от 25.07.2013, № 2019/23 от 23.07.2019: «...что незаконный оборот драгоценных металлов... связан с формами транснациональной организованной преступности и *может* осуществляться наряду или в сочетании с другими преступлениями и незаконной деятельностью, в том числе с отмыванием денег и коррупцией...» [1]. В качестве рекомендаций государствам, в юрисдикциях которых находится добыча и экспортно-импортные операции с драгоценными металлами, предлагается принятие ими исчерпывающих мер «...регулирующего (и обеспечения) надежности цепочек поставок драгоценных металлов», включая криминализацию их незаконных оборота и добычи. Подобной позиции придерживается и Генеральная Ассамблея ООН по вопросу незаконного оборота драгоценных камней, в первую очередь, алмазов².

Для стран – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС): Российской Федерации, Казахстана, Республики Беларусь, Кыргызстана и Армении, которые находятся на стадии формирования единого рынка товаров (услуг, работ) и повышения уровня кооперации его участников, противодействие незаконному обороту драгоценных металлов и камней, в том числе уголовно-правовыми средствами, представляет актуальную задачу государственной правовой политики. Отметим, что новый Уголовный кодекс Республики Армения, вступивший в силу 1 июля 2022 г., не содержит уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за незаконный оборот указанных предметов. Законодатель Казахстана, в 1998 г. декриминализировавший действующую ранее ст. 211 УК, в 2021 г. дополнил Уголовный кодекс новой статьей 295-1, предусматривающей ответственность не только за незаконные оборот и добычу драгоценных металлов и камней, но и сырьевых товаров, содержащих драгоценные металлы. В Российской Федерации ответственность за незакон-

¹ © Наумов В. В., 2025.

² Кимберлийский процесс – схема сертификации природных алмазов, утвержденная ООН согласно резолюции 55/56 в 2003 г. в целях воспрепятствования не только их незаконному обороту, но и сокращения напряженности и предотвращения вооруженных конфликтов в мире.

ный оборот драгоценных камней и металлов закреплена в ст. 191 Уголовного кодекса, в Беларуси – в ст. 223, в Кыргызской Республике – в ст. 236.

В качестве непосредственного объекта рассматриваемых преступлений следует указать общественные отношения, регулирующие в каждой из республик порядок (правила) обращения драгоценных металлов, камней и других, ограниченных в обороте предметов. Указанные национальные правила зачастую имеют существенные различия.

Рассматривая предметы указанных преступлений, следует отметить, что драгоценные камни и драгоценные металлы относятся к таковому во всех странах, за исключением Армении (деликт является административно наказуемым). Полагаем, что отсутствие в арсенале законодателя Армении именно уголовно-правовых способов регулирования общественных отношений в указанной области, может быть обусловлено не только либерализацией законодательства, но и незначительным объемом республиканского рынка данных товаров.

Перечень металлов, являющихся драгоценными, в странах ЕАЭС является идентичным – золото, серебро, платина и металлы ее группы (например, палладий, иридий и т. д.). Отметим, что в Казахстане предметом преступления в ст. 295-1 УК являются и сырьевые товары, содержащие драгоценные металлы¹. При этом сами драгоценные металлы могут быть в любом виде и состоянии (без каких-либо исключений и оговорок).

Необходимо отметить, что ст. 191 УК России и ст. 236 УК Кыргызстана, в отличие от УК Казахстана, прямо указывают на необходимость исключения из предмета указанных преступлений ювелирных, бытовых изделий и их лома, независимо от наличия пробирных клейм. При этом понятие «бытовое изделие» из драгоценного металла и (или) камней, включенное в конструкцию ст. 191 УК РФ, противоречит содержанию положений Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». В связи с этим целесообразно привести содержание норм уголовного законодательства в соответствии с отраслевыми, заменить в ст. 191 УК РФ «бытовые» словом «другие» изделия из драгоценных металлов и (или) камней.

Уголовное законодательство Беларуси прямо не содержит подобных предписаний, но действующими республиканскими правилами о сделках с драгоценными металлами и камнями определены предметы, оборот которых не является уголовно наказуемым. Речь идет о легитимном совершении сделок с ювелирными и бытовыми изделиями, апробированными клеймами Республики или Союза ССР; монетами из драгоценных металлов при условии их нахождения в обращении на территории Беларуси; мерными слитками; зубопротезными дисками; сусальным золотом и серебром; ломом указанных изделий.

К драгоценным камням законодательство стран ЕАЭС относит камни природного происхождения – сапфиры, рубины, александриты, изумруды, алмазы

¹ Необработанные драгоценные металлы (в том числе сплав доре в виде слитка, катодные металлы), цинковые осадки, лом и отходы драгоценных металлов, руды и концентраты драгоценных металлов, руды, концентраты и зола цветных металлов, полупродукты производства цветных металлов, содержащие драгоценные металлы.

и природный жемчуг в обработанном или естественном виде. Кроме перечисленных, в России, Казахстане и Кыргызстане к драгоценным камням относятся уникальные янтарные образования. Законодательство Республики Беларусь не включает в состав драгоценных камней указанные разновидности янтаря и пресноводный жемчуг. Отдельно отметим, что в чч. 1 и 2 ст. 191 УК РФ в качестве предмета преступления указываются «самовольно добытый янтарь, нефрит или иные полудрагоценные камни».

При исследовании УК Казахстана следует отметить явное несоответствие наименования ст. 295-1 УК Казахстана (незаконный оборот драгоценных камней, драгоценных металлов и соответствующего сырья) содержанию диспозиции ее первой части, предусматривающей ответственность и за незаконную добычу указанных предметов.

В целом же в странах ЕАЭС понятие драгоценных металлов как предметов соответствующих преступлений является единообразным. Чего нельзя сказать о драгоценных камнях (особенно ограненных и сертифицированных), природном жемчуге, полудрагоценных камнях, уникальных янтарных образованиях и отдельных сырьевых товарах, содержащих драгоценные металлы. Полагаем, что с учетом современной геополитической ситуации ограненные сертифицированные драгоценные камни целесообразно было бы вовсе исключить из числа предметов рассматриваемых преступлений во всех странах ЕАЭС, предварительно разрешив вопрос о применении и совместимости систем сертификации драгоценных камней.

Объективная сторона исследуемых составов преступлений характеризуется деянием в форме действия(й): ст. 295-1 УК Казахстана – незаконные добыча, приобретение, сбыт, хранение, перевозка и пересылка предметов преступления; ст. 223 УК Беларуси – совершение сделок в нарушение установленных в республике правил¹; ст. 236 УК Кыргызстана – совершение сделок в нарушение установленных в республике правил, а также незаконные хранение, перевозка и пересылка предметов преступления. Статья 191 УК России содержит фактически несколько самостоятельных составов преступлений: в чч. 1–3 объективную сторону образуют сделки, связанные с заведомо самовольно добытыми янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, а также их незаконные хранение, перевозка или пересылка; а в чч. 4 и 5 – аналогичные альтернативные действия с драгоценными металлами и камнями, жемчугом, либо совершение сделок в нарушение установленных в Российской Федерации правил².

¹ Исключение из объективной стороны ст. 223 УК Беларуси составляют сделки дарения и пожертвование имущества; наследование имущества по закону или завещанию; сделки, совершенные с целью коллекционирования или тизаврации экземпляров монет из драгоценных металлов.

² Незаконная перевозка – перемещение предметов преступления независимо от способа транспортировки. Незаконное хранение – нахождение предмета преступления во владении виновного. Незаконная пересылка – отправка предмета преступления любым видом связи без участия отправителя в этом процессе. Указанные действия окончены с момента начала совершения указанных действий.

Понятие сделки в странах ЕАЭС является бланкетным, определяется отраслевыми нормами гражданского права. Сделка – действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Как правило, в правоприменительной практике это действия, связанные с переходом права собственности (иных вещных прав) на указанные выше предметы. С точки зрения гражданского законодательства сделка включает в себя пересылку указанных предметов, поэтому дополнительное указание на указанное действие в диспозициях статей является избыточным.

В отдельных странах экономического союза, например, в Казахстане, правоприменительная практика исходит из расширительного толкования понятий «приобретение» и «сбыт». К таковым фактически относится широкий перечень именно гражданско-правовых сделок – мены, дарения, купли-продажи, присвоения, возвращения указанных предметов и т. п. При этом, добыча представляет собой определенный процесс и (или) операцию, направленную на извлечение предмета преступления из недр, его дальнейшую переработку для использования и фактического введения в гражданский оборот.

В рамках данного исследования интерес также представляет предусмотренная чч. 2, 3 ст. 255 УК России ответственность за самовольную добычу полудрагоценных камней (в частности, янтаря и нефрита).

Напомним, что отечественная правоприменительная практика указывает на весьма спорный «...критерий разграничения предмета преступлений против собственности и предмета экологических преступлений...» – меновую стоимость имущества, созданную «...общественно необходимым трудом и образующая цену товара» [2]. В соответствии с действующим российским гражданским и налоговым законодательством корректным было бы использовать термин «добавленная стоимость», который отличается универсальностью и может охватывать не только трудозатраты, но и материальные затраты в стоимости товара (например, затраты на электроэнергию или топливо используемые для добычи полезных ископаемых и т. п.) [3, с. 85].

Целесообразно обратить внимание на товарные номенклатуры, утвержденные и действующие в рамках ЕАЭС (группы сырьевых и несырьевых товаров) [4, с. 62]. Принадлежность товаров к одной из групп зависит от степени участия человека в формировании его основных (полезных) характеристик [3, с. 85]. Так, для превращения янтаря или нефрита в сырьевой товар иногда достаточно приложить минимум усилий и затрат (например, поднять, промыть предмет и т. д.). Однако если человек не имеет необходимого разрешения (лицензии), производит добычу вне предоставленного горного отвода или сбор в запрещенных местах, то его действия могут подлежать правовой оценке по ст.ст. 7.3 и 7.5 гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности» КоАП РФ или чч. 2 и 3 ст. 255 гл. 26 «Экологические преступления» УК РФ соответственно. Указанные отечественные уголовно-правовые нормы, криминализируют деяния, которые в конечном итоге направлены на введение полудрагоценных камней в оборот после их добычи. Рассмотренные действия фактически создают именно добавленную стоимость природному ресурсу, позволяя получить потребительские свойства сырьевого товара, с последующим

введением его в обращение. Полагаем, что указанные преступные действия посягают на общественные отношения в сфере экономической деятельности, а не экологии. Подтверждением данных выводов является и расположение аналогичного административного проступка в гл. 7 КоАП РФ, а не в гл. 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

В связи с этим целесообразно было бы исключить преступные действия, предусмотренные чч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ из гл. 26 (экологические преступления), и включить их в гл. 22 УК России (преступления в сфере экономической деятельности), дополнив незаконной «добычей» перечень альтернативных действий в диспозициях чч. 1 и 2 ст. 191 УК РФ.

Следует обратить пристальное внимание и на конструкцию ст. 236 принятого в 2021 г. Уголовного кодекса Кыргызстана, которая в настоящее время не содержит квалифицирующих признаков (только основной состав преступления). Ранее действовавший УК Кыргызской Республики 1997 г. включал ст. 208 (декриминализована в 2019 г.), предусматривающую ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и камней и такие квалифицирующие признаки, как: совершение преступления организованной группой или лицом, ранее судимым за аналогичное деяние; а также за деяние, совершенное в крупном размере (ч. 2). В настоящее время правоприменители Кыргызстана регулярно выявляют кустарные предприятия – артели физических лиц, занимающиеся не только незаконным оборотом драгоценных металлов и камней, но и незаконной предпринимательской деятельностью – производством ювелирных и других изделий из них. Совершенно неясно, какими именно факторами руководствовался законодатель Кыргызстана при конструировании ст. 236 уголовного закона.

С субъективной стороны преступления, предусмотренные ст. 191 УК РФ, ст. 295-1 УК Казахстана, ст. 223 УК Беларуси, характеризуются умышленной формой вины. Совершение уголовно наказуемых сделок с драгоценными металлами или драгоценными природными камнями по УК Кыргызстана может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Субъектом рассматриваемых в данной статье преступных деяний, за исключением ч. 1 ст. 191 УК РФ (специальный субъект – лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 7.5 КоАП РФ), является физическое лицо – вменяемое, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Таким образом, проведенный анализ законодательства стран ЕАЭС, регламентирующего уголовную ответственность за незаконный оборот драгоценных камней и металлов, свидетельствует об отсутствии унификации, в первую очередь, признаков предмета исследуемых преступлений. Указанные признаки предмета являются ключевыми и криминообразующими в составах преступлений, предусмотренных ст. 191 УК РФ, ст. 295-1 УК Казахстана, ст. 223 УК Беларуси и ст. 236 УК Кыргызстана. Полагаем, что создание единого широкоформатного и прозрачного рыночного пространства для перемещения товаров весьма затруднительно без формирования единообразных правил, определяющих порядок их обращения, основания и условия ответственности лиц, нарушивших его.

Список литературы

1. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Раздел правовой информации // URL: <https://www.un.org/ru/>.
2. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2020 по делу 7№7-851/2020, 1-17/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=18181#zFn3EeTqmJRpfIga1>.
3. Наумов В. В. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ч. 2, 3 ст. 255 УК России // Юридические науки: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей VI международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 84–86.
4. Щепотьев А. В. Понятие «рыночная стоимость при ограничении свободного обращения» при оценке наград // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11 (194). С. 60–65.

Карпова Н. А.¹,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема экономической преступности имеет весьма многогранный характер. Данные преступления причиняют значительный ущерб обществу и государству, а также отдельным лицам, сокращают финансовые поступления в бюджет государства, подрывают основы его обороноспособности и благополучия граждан. Как верно отметила Е. А. Меньшикова, что экономические преступления, связанные с хищением государственных бюджетных средств, легализацией преступных доходов, уклонением от уплаты налогов, приводят к ощутимым потерям не только для экономики страны в целом, но и для всех ее сфер и отраслей, а также регионов страны, отдельных организаций, граждан [1, с. 71–72].

Согласимся также с мнением Ю. В. Гусакова, что преступления экономической направленности создают угрозу для нормального ведения бизнеса, образуя неравноправные условия для добросовестных предпринимателей и развивая коррупционную среду, в которой набирают обороты теневые схемы [2, с. 11–12].

Следует отметить, что большинство преступных деяний, совершенных в экономической сфере, представлены в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». В доктрине уголовного права среди ведущих специалистов продолжается терминологическая дискуссия относительно категории «экономическое преступление». Исследователи предлагают самые разнообразные научные трактовки данного понятия. Нам импонирует определение А. В. Привалова: «преступления в экономической сфере – это умышленные преступления, посягающие на порядок и правила осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, а также выражающиеся в нарушении государственной монополии на отдельные виды деятельности, неосновательном обогащении хозяйствующих субъектов, ограничении конкуренции, нарушении порядка лицензирования, фальсификации, сокрытии информации, подлежащей передаче органам власти или опубликованию [3, с. 201].

Большинство анализируемых преступлений являются многообъектными, что влияет на характер их общественной опасности и учитывается при квалификации (например, в составе воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности дополнительный объект – общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование службы в органах государственной власти и местного самоуправления). Также необходимо учитывать, что многие преступления являются предметными. Так, обязательным признаком отдельных составов экономических преступлений является предмет преступного посягатель-

¹ © Карпова Н. А., 2025.

ства, например, поддельные деньги и ценные бумаги (ст. 186 УК РФ), драгоценные металлы, драгоценные камни, нефрит, янтарь и полудрагоценные камни (ст. 191 УК РФ), незаконно заготовленная древесина (ст. 191.1 УК РФ).

Приведем пример из судебной практики, иллюстрирующий необходимость самостоятельного учета предмета преступления при квалификации содеянного по ст. 191.1 УК РФ. Суд не нашел оснований для удовлетворения довода стороны защиты об ошибочной квалификации действий С. по ч. 3 ст. 191.1 УК РФ. Судом установлено, что объективная сторона незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) не включает в себя действия, образующие иной состав преступления в виде приобретения, хранения, перевозки, переработки и сбыта незаконно полученной древесины. Такие действия образуют самостоятельное преступление и подлежат квалификации по ч. 3 ст. 191.1 УК РФ. На основании исследованных судом доказательств установлено, что С., не имея на то законных оснований с привлечением лиц, неосведомленных о его противоправных действиях, осуществил незаконную рубку находящихся на участках части лесных насаждений, при этом отделив стволы деревьев от корней и распилив их на фрагменты. Также установлено, что С. организовал хранение в виде складирования на выделах незаконно заготовленной древесины хвойных и лиственных пород, а после этого с привлечением тяжелой лесовозной техники – автомобилей «Урал», «КамАЗ», SISU – осуществил их транспортировку в целях сбыта, что находит свое подтверждение в показаниях водителей лесовозной техники.

С учетом анализа установленных обстоятельств, суд решил, что действия подсудимого с незаконно заготовленной древесиной не являются производными от противоправных действий, связанных с незаконной рубкой, охватываемых ст. 260 УК РФ, а образуют возникновение нового умысла, вследствие чего требуют самостоятельной квалификации [4].

При квалификации данной группы преступлений следует учитывать формы совершения общественно опасного деяния. Чаще всего превалирует действие как наиболее распространенная форма общественно опасного поведения человека (совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами и иным имуществом, заведомо приобретенным преступным путем – ст. 174 УК РФ). Между тем, возможна и пассивная форма поведения лица в виде бездействия (невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей – ст. 190 УК РФ; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг – ст. 177 УК РФ). Также в практике судов встречаются случаи совершения одного и того же преступления как путем действия, так и путем бездействия. В случае совершения налогового преступления преступное действие лица может выражаться в намеренном включении в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, а преступное бездействие состоит в сознательном непредставлении налоговой декларации.

Так, например, по уголовному делу было установлено, что К. совершил преступление – злостное уклонение гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, – и его действия были квалифицированы по ст. 177 УК РФ. По смыслу уголовного закона, это деяние является длящимся, началом его совершения является вступивший в законную силу судебный акт, подтвердивший

требования кредитора, и моментом окончания которого является факт его выявления. Бездействие в данном случае выразилось в том, что К. не явился к судебному приставу в течение пяти дней, а также скрыл от судебного пристава-исполнителя информацию о наличии имеющихся у него счетов в банке [5].

Для правильного установления признаков объективной стороны важно учитывать конструкцию состава преступления. Доминирующее большинство преступлений в сфере экономической деятельности относятся к формальным составам (ч. 1 ст. 169, ст.ст. 170, 170.1, 171¹⁻⁵, 172¹⁻⁴ 173¹⁻³, 174, 174¹, 175, 177, 179, 181, ст. 183, 184, 185.5, 186, 187, 189, 190, 191, 191¹, 192, 193, 193.1, 194, 198, 199, 199¹⁻⁴, 200.1, 200.3, 200.5, 200.7 УК РФ). Ряд уголовно-правовых норм предусматривают преступления, имеющие конструкцию материального состава (ст.ст. 176, 178, ч. 4 ст.ст. 183, 185, 185.1, 185.2, 195, 196, 197, 200.4, 200.6 УК РФ). Также имеется система юридических норм, предусматривающая формально-материальную конструкцию отдельных составов преступлений (ст.ст. 178, 180, 185.3, 185.4, 185.6 УК РФ).

Анализируя материалы судебной практики, суды при установлении признаков объективной стороны общественно опасного деяния и момента его окончания зачастую ссылаются на конструкцию состава преступления. Так, в обвинительном приговоре суд указал, что при юридической оценке противоправных действий виновной З., связанных с незаконным перемещением денежных средств через таможенную границу Таможенного союза с государствами – членами Таможенного союза следует обратить внимание на то, что контрабанда денежных средств (ст. 200.1 УК РФ) относится к преступлениям с формальным составом. В связи с этим момент окончания деяния связан с совершением общественно опасного действия. Так, подсудимая З., самостоятельно пройдя в зеленый коридор зоны таможенного контроля, заявила об отсутствии у нее товаров, подлежащих обязательному письменному декларированию, нарушив при этом законодательство Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС [6].

При отграничении рассматриваемых преступлений от административных правонарушений необходимо руководствоваться нормами смежных отраслей права, что образует институт смешанной противоправности. Для преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, важным признаком является установление «крупного размера» или «особо крупного размера», что входит в характеристику общественно опасного деяния. Примечание к ст. 170.2 УК РФ устанавливает, что в статьях настоящей главы, за исключением ст. 169, чч. 3–6 ст.ст. 171.1, 171.2, 171.3, 171.5, 172.3, 174, 174.1, 178, 180, 185, 185.5, 185.6, 191.1, 193, 193.1, 194, 198–199.1, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5 и 200.7, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей 3 500 000 руб., а особо крупным – 13 500 000 руб.

В уголовно-правовых нормах отдельных статей предусмотрены свои цифровые показатели размера, ущерба, дохода либо задолженности (примечания к ст.ст. 171.1, 171.2, 171.3, 171.5, 172.3, 174, 174.1, 178, 180, 185, 191.1 и др.).

Например, в ст. 171.1 УК РФ «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения инфор-

мации, предусмотренной законодательством Российской Федерации» крупным размером в частях третьей и четвертой настоящей статьи признается стоимость немаркированных продовольственных товаров, превышающая 400 000 руб., а особо крупным – 1 500 000 руб. Крупным размером в частях пятой и шестой настоящей статьи признается стоимость немаркированной алкогольной продукции и (или) немаркированных табачных изделий, превышающая 100 000 руб., а особо крупным – 1 000 000 руб. Приведем пример, иллюстрирующий применение данной уголовно-правовой нормы. Так, в отношении действий подсудимого В. суд применил ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Учитывая бланкетный характер юридической нормы, суд ссылается на нормативный акт от 22.12.2008 № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию», согласно которому табачная продукция на территории Российской Федерации подлежит обязательной маркировке специальными (акцизными) марками, исключаяющими возможность их подделки и повторного использования. Осуществляя незаконное приобретение с целью сбыта табачных изделий, подлежащие маркировке специальными (акцизными) марками, в крупном размере, на общую сумму 169 854 руб., В. на принадлежащей ему автомашине, перевозил их для реализации. Квалифицирующий признак «в крупном размере» нашел свое подтверждение, поскольку стоимость изъятой табачной продукции составила более 100 000 руб. [7].

Отметим, что ошибки в определении признаков объективной стороны преступления могут послужить основанием к отмене или изменению приговора. Так, по одному из уголовных дел судом доказано, что подсудимые в отсутствие законных оснований осуществляли предпринимательскую деятельность, связанную с добычей драгоценных металлов без лицензии. Противозаконные действия, связанные с добычей из недр Российской Федерации драгоценных металлов с последующей их реализацией в ПАО «Сбербанк» и АО «Новосибирский аффинажный завод», повлекшие крупный ущерб на сумму 28 606 053, 77 руб., суд оценил как незаконный оборот драгоценных металлов, совершенный в крупном размере и группой лиц по предварительному сговору по ч. 2 ст. 191 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), и как незаконное предпринимательство с причинением крупного ущерба государству по ч. 1 ст. 171 УК РФ (в ред. Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ). В связи с изменениями, внесенными в УК РФ от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ, квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ («сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере») был исключен. Таки образом, действия подсудимых с учетом требований обратной силы уголовного закона (ст. 10 УК РФ) подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 171 УК РФ [8].

При квалификации преступлений необходимо учитывать, что некоторые признаки объективной стороны, прямо указанные в диспозиции статьи, могут выступать в качестве конstitutивных. Например, способ совершения преступления посредством угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества присущ для преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ; обман, шантаж, подкуп – для ст. 183 УК РФ или, например, средство совершения преступления (подложный документ – ч. 2 ст. 193 УК РФ).

Важным условием правильной квалификации экономических преступлений является точное и полное установление признаков субъективной стороны, образующих умышленную форму вины, представленную чаще всего в виде прямого умысла. Между тем некоторые представители науки уголовного права считают, что незаконное получение кредита может совершаться с косвенным умыслом [9]. Также нельзя исключить наличие двойной формы вины (чч. 2, 3 ст. 200.6 УК РФ).

Важно отметить, что отдельные уголовно-правовые нормы, предусматривающие составы экономических общественно опасных деяний, в качестве конструктивных признаков содержат указание на цель и мотив. Так, корыстная и иная личная заинтересованность выступают мотивом деяний, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 170, 181, ч. 3 ст. 183 УК РФ. В свою очередь, цель сбыта немаркированной алкогольной продукции, а также немаркированных табачных изделий характерна для преступления, указанного в ст. 171.1 УК РФ. Так, судом в приговоре установлено, что подсудимый имел умысел на сбыт немаркированных табачных изделий, что подтверждается количеством изделий, удобной для розничной продажи тарой, просмотренными списками контактов мобильного телефона, заметками его блокнота, прямо свидетельствующими о реализации различным лицам табачных изделий [10].

Вина является важным критерием разграничения мошенничества и незаконного получения кредита. Время возникновения преступного намерения имеет важное уголовно-правовое значение. Юридически значимые разъяснения по этому вопросу дает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48, а также обобщенные материалы судебной практики, позволяющие сделать следующие выводы:

1) о направленности умысла на хищение могут свидетельствовать, в частности:

- заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство по договору;
- использование лицом при заключении кредитного договора фальсифицированных документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок;
- укрывательство информации о наличии задолженностей и залогов имущества;
- распоряжение полученными денежными средствами в личных целях вопреки условиям договора;

2) если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования, а квалифицируются по ч. 1 ст. 176 УК РФ (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48);

– если лицо использует полученные обманным путем денежные средства на цели, указанные в кредитном договоре, содеянное образует состав незаконного получения кредита, несмотря на факт предоставления ложных сведений о хозяйственном положении и финансовом состоянии, поскольку умышленно виновного охватывалось получение кредита не для использования в личных целях;

– если денежные средства, полученные по кредитному договору, виновный пытается хотя бы частично вернуть банку, что подтверждается произведенными платежами по кредиту, то содеянное свидетельствует об умысле на незаконное получение кредита [11].

В целях правильной квалификации по признакам субъекта преступления необходимо учитывать, что им является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако ряд составов преступлений предусматривают специального субъекта: должностное лицо (ст.ст. 169, 170, 194 УК РФ); лицо, использующее свое служебное положение (п. «б» ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 175 УК РФ); руководитель организации (ст.ст. 176, 177, 195–197 УК РФ); собственник коммерческой организации (ст.ст. 195–197 УК РФ) и др.

Необходимо обратить внимание, что в отдельных составах преступлений в сфере экономической деятельности закреплены признаки, образующие квалифицированный или особо квалифицированный составы, что также необходимо учитывать при квалификации преступлений данного вида. К таким признакам закон относит:

1) совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ст.ст. 171, 171.1, 171.2, 171.3, 172.1, 172.3 и др.);

2) с использованием служебного положения (ст.ст. 169, 170, 171.5, 173.1, 174, 174.1, 175, 178, 189, 191.1, 194, 195, 196, 200.5 УК РФ);

3) с применением насилия (ст.ст. 170.1, 172.4, 178, 179, 194 УК РФ);

4) с уничтожением или повреждением имущества (ст.ст. 172.4, 178 УК РФ);

5) в крупном или особо крупном размере (171.1, 171.2, 171.3, 173.3, 174, 174.1, 175, 178, 185.3, 186 и др.);

6) с причинением крупного или особо крупного ущерба (ст.ст. 169, 170.2, 178, 183, 185.2, 185.3, 195, 200.4 УК РФ);

7) тяжкие последствия (ст.ст. 183, 200.6 УК РФ).

Так, по одному из уголовных дел суд посчитал доказанным, что была сформирована организованная группа, устойчивость которой выражалась: в постоянстве и стабильном составе группы, члены которой объединены на продолжительное время для совершения нескольких преступлений; в четком распределении ролей между ними; в предварительной договоренности между ее участниками. Из договора аренды следовало, что члены организованной группы заранее подыскивали помещение для производства, хранения, продажи, перевозки алкогольной и спиртосодержащей продукции без лицензии и без маркировки, осуществляя свою противоправную деятельность до момента изъятия продукции сотрудниками полиции. Их действия были квалифицированы по пп. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ [12].

Резюмируя сказанное, отметим, что правовое исследование вопросов, связанных с квалификацией преступлений в сфере экономической деятельности

в зависимости от элементов и признаков состава преступления будет способствовать лучшей ориентации в материи уголовно-правовой доктрины и выработке позиций по принципиальным вопросам юридической оценки исследуемых деяний. Проанализированные выше проблемы, возникающие при квалификации, относятся, прежде всего, к бланкетному типу конструирования диспозиций, наличию оценочных понятий и терминов, установлению признаков смешанной противоправности. Нам представляется, что борьба правоохранительных органов с преступлениями в сфере экономической деятельности должна выражаться в постоянном совершенствовании российского уголовного законодательства и практики его применения.

Список литературы

1. Меньшикова Е. А. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности России и ее регионов // Вестник ТОГУ. 2020. № 1 (56). С. 71–72.
2. Гусаков Ю. В. Экономические преступления. Практическое руководство для специалистов и правозащитников. СПб. : Институт неформальной юстиции, 2025.
3. Привалов А. В. О значении направленности и характера преступлений для их квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 201.
4. Приговор Кондопожского городского суда Республики Карелия по делу от 25 июня 2024 г. № 1-147/2023 1-2/2024. URL: <https://sudact.ru/>.
5. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 13 мая 2024 г. по делу № 1-33/2024. URL: <https://sudact.ru/>.
6. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда № 22-3306/2023 от 10 мая 2023 г. URL: <https://sudact.ru/>.
7. Обвинительный приговор Барышского городского суда Ульяновской области от 24 декабря 2024 г. по делу № 1-121/2024. URL: <https://sudact.ru/>.
8. Приговор Якутского городского суда № 1-912/2024 от 27 декабря 2024 г. по делу № 1-912/2024 // URL: <https://sudact.ru/>.
9. Немтинов Д. В. Субъективная сторона составов преступлений в сфере предпринимательской деятельности, совершенных путем обмана, без признаков хищения // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 157.
10. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): монография : в 2 т. М. : Юрлитинформ, 2022.
11. Обвинительный приговор Барышского городского суда Ульяновской области от 24 декабря 2024 г. по делу № 1-121/2024. URL: <https://sudact.ru/>.
12. Обвинительный приговор Апастовского районного суда Республики Татарстан от 13 июня 2019 г. по делу № 1-2/2019. URL: <https://sudact.ru/>.
13. Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края от 26 декабря 2024 г. по делу № 1-410/2024. URL: <https://sudact.ru/>.

Рускевич Л. А.¹,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ДРЕВЕСИНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН ЕАЭС И СНГ

В странах ЕАЭС и СНГ ввиду географических и климатических особенностей, объективно незначительной площади лесов, проблема уголовно-правового противодействия незаконному обороту древесины поставлена не так остро, как в России. В законодательствах стран – участников ЕАЭС и СНГ не предусмотрена уголовная ответственность за незаконный оборот древесины. Как правило, установлена ответственность лишь за незаконную рубку лесных насаждений.

Конечно же, это нельзя не учитывать, принимая во внимание стремление к построению единого экономического пространства в рамках ЕАЭС и СНГ. Все же страны-участники должны стремиться к обеспечению интересов всех членов, в том числе путем необходимой гармонизации законодательства.

Площадь Российской Федерации, покрытая лесом, составляет около 795 млн га, что составляет около 46,4 % от всей площади страны [1]. По данным Федерального агентства лесного хозяйства за 2024 г. общий объем перевозимых лесоматериалов составил 408 млн м³. В 2023 г. лесовозы транспортировали 355,7 млн м³ древесины и продукции из нее [2]. Лес без преувеличения является истинным богатством России, ее стратегическим ресурсом. Издревле и до настоящего времени древесина и продукция из нее являются важной частью как внутренней, так и внешнеэкономической деятельности страны. Неудивительно, что лесные ресурсы и древесина всегда представляли повышенный интерес у злоумышленников. Это подтверждает необходимость эффективной охраны лесных ресурсов, в т. ч. средствами уголовного права.

Важно подчеркнуть двойственное значение и соответственно сложную правовую природу леса. С одной стороны, в широком смысле его необходимо рассматривать в качестве объекта экономических отношений. С другой, лес – это важный элемент экологической системы. Исходя из направленности посягательства на объекты растительного мира в том или ином аспекте, уголовный закон охраняет такие объекты также по-разному. Ответственность за незаконные действия с лесной продукцией как предметом экономических отношений предусмотрена ст. 191.1 УК РФ. Ответственность за незаконные действия в отношении растительного мира как объекта экосистемы, сохранение которого позволяет обеспечить экологическую безопасность, предусмотрена в ст.ст. 260, 260.1,

¹ © Рускевич Л. А., 2025.

261 УК РФ. Стоит отметить, что в 2018 г. лесоматериалы были включены в Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226.1 УК РФ [3].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 191.1 УК РФ, является незаконно заготовленная древесина. В соответствии со ст. 12.2 Лесного кодекса Российской Федерации древесиной является лесной ресурс, получаемый из срубленных, спиленных, срезанных стволов деревьев, который используется в том числе для получения лесоматериалов и иной продукции переработки древесины. Наряду с этим предусмотрено, что древесина может быть получена при использовании лесов и осуществлении мероприятий по их сохранению [4]. Таким образом, законодатель, раскрывая понятие древесины, делает акцент именно на лесной ресурс, который можно получить путем рубки, распила, среза стволов деревьев. Стоит отметить, что при заготовке древесины должны использоваться в первую очередь погибшие, поврежденные и перестойные лесные насаждения. Наряду с этим заготовка древесины в соответствии со ст. 29 ЛК РФ представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, их трелевкой, частичной переработкой, хранением и вывозом из леса. Из древесины в последующем изготавливают продукцию, в том числе обработанные и необработанные лесоматериалы.

Незаконный оборот древесины необходимо отграничивать от заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов. Так, к недревесным лесным ресурсам относятся валежник, пни, береста, кора деревьев и кустарников, хворост, веточный корм, еловая, пихтовая, сосновая лапы, ели или деревья других хвойных пород для новогодних праздников, мох, лесная подстилка, камыш, тростник и подобные лесные ресурсы.

Незаконность как обязательная характеристика заготовленной древесины для привлечения лиц к ответственности по ст. 191.1 УК РФ предполагает, что древесина заготовлена с нарушением правил заготовки. Правила заготовки древесины установлены Приказом Минприроды России от 1 декабря 2020 г. № 993 «Об утверждении Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, указанных в ст. 23 Лесного кодекса Российской Федерации» [5]. Так, незаконно заготовленной является древесина, запасенная в запрещенных местах либо в объеме, превышающем допустимый по изъятию, с нарушением возрастов рубок и т. д.

Уголовная ответственность наступает за действия с незаконно заготовленной древесиной в крупном размере. Крупным признается размер, при котором стоимость незаконно заготовленной древесины превышает 80 000 руб. Исчисляется такая стоимость по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам. В случае заготовки древесины с нарушением правил, но на сумму менее 80 000 руб. ответственность наступает по ст. 8.25 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется тем, что общественно опасное деяние может быть выражено в следующих альтернативных действиях: приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта либо сбыт незаконно заготовленной древесины. Действия лиц могут со-

держат еще и признаки незаконной рубки лесных насаждений, что дополнительно квалифицируется по ст. 260 УК РФ.

Субъект основного состава преступления общий. Однако в ч. 3 ст. 191.1 предусмотрен специальный субъект – лицо, использующее свое служебное положение. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой, а для таких действий, как приобретение, хранение, перевозка, переработка, характерна специальная цель – цель сбыта.

По данным статистики в год по ст. 191.1 УК РФ к ответственности привлекается около 10 человек. Можем предположить, что уровень латентности данных преступлений достаточно высок. Полагаем, что защита лесов требует проведения единой в рамках ЕАЭС и СНГ политики, направленной на установление общих стандартов ответственности за незаконный оборот древесины.

Список литературы

1. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/top-10-samykh-lesistykh-regionov-rossii-n10590/>.

2. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-obem-perevozymykh-lesomaterialov-v-2024-godu-vygos-na-13/>.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» (ред. от 01.08.2023) // СПС «Консультант Плюс».

4. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «Консультант Плюс».

5. Приказ Минприроды России от 1 декабря 2020 г. № 993 «Об утверждении Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации» (ред. от 17.10.2022) // СПС «Консультант Плюс».

Хакимова Э. Р.¹,
 доцент кафедры уголовного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно данным ГИАЦ МВД России в 2024 г. зарегистрировано 1 911 258 преступлений составило (что соответствует снижению преступлений на 1,8 % по сравнению с 2023 г.) [1]. При этом количество преступлений экономической направленности увеличилось на 0,2 % – их было выявлено 105 437 000. Отметим, что ГИАЦ МВД России с 1995 г. включает в преступления экономической направленности данные о количестве преступлений коррупционной, экстремистской и террористической направленности, а также об экологических преступлениях [2]. Преступлений в сфере оборота контрафактной продукции в 2024 г. было зарегистрировано 6537 [3].

Анализ преступности обычно начинается с характеристики такого ее показателя, отражающего общее состояние преступности в стране или на отдельной территории, как состояние (объем) преступности, под которым понимается наиболее общая характеристика, относящаяся к количеству совершенных преступлений и лиц, их совершивших на определенной территории [4]. Определяя состояние преступности, необходимо учитывать уголовную статистику. Конечно, определенное количество преступлений останется вне учета и регистрации в силу латентности деяний и по иным обстоятельствам.

Предлагаем проанализировать состояние преступности, оценив количество зарегистрированных контрафактных преступлений с 2015 по 2024 г. (табл. 1).

Таблица 1

Зарегистрировано фактов преступлений экономической направленности в сфере оборота контрафактной продукции в России [5]

Статья УК РФ	Зарегистрировано преступлений в отчетном периоде									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ст. 146 УК РФ	1178 1	11294	11046	6672	5522	4423	3317	226	145	11 1
ст. 171 ¹ УК РФ	3399	7722	11051	1138 7	11728	11917	22139	2194	2556	25 57
ст. 171 ³ УК РФ	–0	00	1106	5570	7765	9945	8889	700	731	61 8
ст. 180 УК РФ	6636	8861	9970	1127 0	11472	11410	11563	945	681	45 2
ст. 238 УК РФ	5565 3	55290	55719	4472 6	22950	11618	11880	1473	1856	17 57
ст. 238 ¹ УК РФ	112	229	1101	1102	1112	1122	993	48	89	72
ст. 327 ¹ УК РФ	4402 9	44613	44139	3336 8	11931	11651	11633	1300	1361	97 0

¹ © Хакимова Э. Р., 2025.

Для наглядности демонстрации состояния преступности в сфере оборота контрафактной продукции в 2015–2024 гг. отразим данные на рисунке 1.

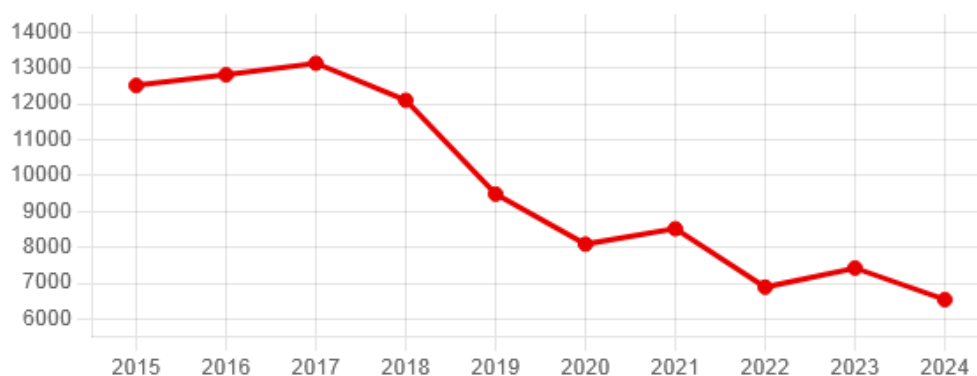

Рис. 1. Состояние преступности в сфере оборота контрафактной продукции в 2015–2024 гг.

Анализ статистических данных свидетельствует о снижении абсолютных показателей регистрируемых преступлений в сфере оборота контрафактной продукции. Так, в 2024 г. было зарегистрировано 6537 преступлений, в 2023 г. – 7419 преступлений, в 2022 г. – 6886 преступлений, в 2021 г. – 8514 преступлений, в 2020 г. – 8086 преступлений, в 2019 г. – 9480 преступлений, в 2018 г. – 12095 преступлений, в 2017 г. – 13132 преступлений, в 2016 г. – 12809 преступлений, в 2015 г. – 12510 преступлений [6].

Также важно отметить значительное снижение общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 146 УК РФ (в 2015 г. зарегистрировано 1781 преступление, а в 2024 г. – 111 преступлений), ст. 238 УК РФ (в 2015 г. зарегистрировано 5653 преступления, а в 2024 г. – 1757 преступлений), ст. 327¹ УК РФ (в 2015 г. зарегистрировано 4029 преступлений, в 2024 г. – 970 преступлений).

При этом существенный рост количества зарегистрированных преступлений прослеживается за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171¹ УК РФ) – с 399 преступлений в 2015 г. до 2557 преступлений в 2024 г.

При этом единственное преступление, по которому темп прироста существенно увеличился (с 399 зарегистрированных преступлений в 2015 г. до 2557 преступлений в 2024 г.), это деяния, связанные с оборотом немаркированной алкогольной продукции и (или) немаркированных табачных изделий (ст. 171¹ УК РФ).

В 2024 г. также больше всего было зарегистрировано преступлений, предусматривающих ответственность за оборот товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171¹ УК РФ), за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), за изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование (ст. 327¹ УК РФ). Данные отражены на рисунке 2.

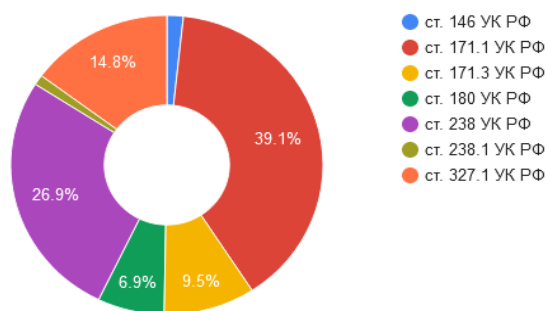

Рис. 2. Количество преступлений экономической направленности в сфере оборота контрафактной продукции, зарегистрированных в 2024 г.

Статистические данные за последние десять лет по ст. 171³ УК РФ также свидетельствуют о стабильности показателей регистрируемого оборота контрафактной табачной и алкогольной продукции. И это отражает недостаточность мер, принимаемых правоохранительными органами, в том числе это связано с тем, что состав ст. 171³ УК РФ вообще относится только к категории преступлений небольшой либо средней тяжести с максимальным сроком лишения свободы до пяти лет, а ст. 171¹ УК РФ предусматривает максимально наказание до шести лет лишения свободы, в результате чего оно является тяжким преступлением.

Поскольку преступность должна анализироваться во времени, отметим, что динамика – это и есть результат ее изменения во времени.

Таблица 2

Динамика преступлений экономической направленности в сфере оборота контрафактной продукции в России (темпы прироста)

Статья УК РФ	Зарегистрировано преступлений в отчетном периоде					Динамика 2024 г. к 2023 г., %	Динамика 2023 г. к 2022 г., %	Динамика 2022 г. к 2021 г., %	Динамика 2021 г. к 2020 г., %
	2020	2021	2022	2023	2024				
146	4423	3317	2226	1145	1111	-23,4	-35,8	-28,7	25,05
171 ¹	11917	22139	22194	22556	22557	+0,03	+16,4	+2,57	+11,5
171 ³	9945	8889	7700	7731	6618	-15,5	+4,4	-21,2	-11,5
180	11410	11563	9945	6681	4452	-33,7	-27,9	-39,5	+10,85
238	11618	11880	11473	11856	11757	-5,33	+26,0	-21,64	+16,1
238 ¹	1122	993	448	889	772	-23,6	+85,4	-48,3	-23,77
327 ¹	11651	11633	11300	11361	9970	-28,7	+4,69	-20,3	-1,09

Таким образом, самый большой темп прироста был в 2023 г. по отношению к 2022 г. зафиксирован по преступлению, связанному с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборотом фальсифицированных биологически активных добавок (+85,4 %).

Среди причин существенного увеличения количества регистрируемых деяний по ст. 171¹ УК РФ необходимо назвать: высокий спрос у населения алкогольной, табачной продукции, высокая доходность незаконной деятельности по реализации нелегальной алкогольной и спиртосодержащей продукции, совершение таких преступлений в соучастии, недостаток превентивных мер со стороны государственных органов.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. // Статистический сборник ГИАЦ МВД России. М., 2025.
2. Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» (за 2024 г.).
3. Криминология : учебник / под ред. В. Д. Малкова. М. : Юстицинформ, 2004.
4. Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» (за 2015–2024 гг.).

Юдина У. С.¹,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ СТРАН ЕАЭС И СНГ

В настоящее время в особой защите нуждаются общественные отношения в сфере экономики, в частности, в сфере экономической деятельности. Особое внимание среди указанных уделено общественным отношениям, интересам, обеспечивающим процедуру банкротства. В 2024 г. число банкротств возросло на 23,6 % к 2023 г., до 431 942. В 2024 г. отмечается свыше 55 650 случаев инициирования внесудебного банкротства физических лиц; процент рассмотренных заявлений, по которым было начато производство, вырос на 11,8 % [1]. Соответственно, чем больше процедур банкротства, тем больше вероятность неправомерных действий в данной сфере.

На сегодняшний день число неправомерных действий при банкротстве ежегодно растет. За последние пять лет число осужденных за преступления, предусмотренные ст. 195 УК РФ увеличилось: по ч. 1 – до 128 чел., по ч. 1.1 – до 129 чел., по ч. 2 – до 130 чел., по ч. 2.1 – до 131 чел., по ч. 3 – до 132 чел., по ч. 4 – до 133 чел., по ч. 5 – до 135 чел. [2]. Как справедливо указывает Н. Г. Кадников, противоправное деяние одновременно затрагивает два объекта правовой защиты: во-первых, общественные отношения в экономической сфере, формирующиеся в ходе процедуры банкротства, а во-вторых (в качестве дополнительного объекта), – охраняемые законом интересы как кредиторов, так и самих субъектов несостоятельности (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Предмет преступления включает: движимое и недвижимое имущество, а также связанные с ним права; обязательства имущественного характера; информацию, касающуюся имущественного состояния; документацию бухгалтерского учета и иную отчетность, отражающую хозяйственную деятельность юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [3, с. 323–325].

Кроме того, в правоприменительной практике нередко рассматриваемые деяния расцениваются как иные преступления, предусмотренными другими статьями УК РФ ввиду субъективной оценки действий лиц, многочисленными вопросами, возникающими при возбуждении уголовного дела и в рамках производства отдельных процессуальных и следственных действий [4; 5].

Анализ уголовного законодательства стран ЕАЭС и СНГ является важнейшим аспектом при рассмотрении вопросов уголовной ответственности за то или иное преступление. Объясняется это тем, что страны ЕАЭС и СНГ истори-

¹ © Юдина У. С., 2024.

чески обладают похожими чертами правовых систем, в частности, уголовно-правовой. Сравнительный анализ норм необходим с целью устранения пробелов в отечественном законодательстве и его совершенствования.

Прежде всего, стоит рассмотреть положения Модельного уголовного кодекса (далее – МУК). Статья 261 закрепляет ответственность за неправомерные действия при банкротстве, а именно: сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, его передача в иное владение, его отчуждение или уничтожение, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих хозяйственную деятельность, если эти действия совершены руководителями организации-должника либо индивидуальным предпринимателем при банкротстве или в предвидении банкротства и причинили крупный ущерб. Отметим, что данное деяние – преступление средней тяжести.

Обратимся к законодательству стран ЕАЭС и СНГ. Так, в ст. 195 УК РФ первая часть практически идентична ч. 1 ст. 261 МУК, за исключением указания в последнем на специальный субъект преступления и конкретизации временных рамок совершения противоправных действий – руководитель организации-должника либо индивидуальный предприниматель при банкротстве или в предвидении банкротства. В отечественном уголовном законодательстве специальный субъект выделяется в квалифицированном составе в рамках ч. 1.1 ст. 195 УК РФ, которая была введена Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 241 [6]. Так, специальный субъект включает в себя следующие категории лиц: лицо, использующее служебное положение; лицо, контролирующее должника либо руководитель последнего. В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ, крупный ущерб превышает 3 500 000 руб., а особо крупный – 13 500 000 руб.

Интерес представляет следующий пример. Гражданка Н. выполняла управленческие функции в частном образовательном учреждении «Егоза» и использовала их вопреки законным интересам последнего, причинив крупный ущерб. Так, ЧОУ и ООО «А» заключили договор купли-продажи доли в праве собственности на недвижимость. ЧОУ прекратило исполнять обязательства по договору, и у ООО возникло право требования задолженности. Тогда Н. решила воспользоваться полномочиями посредством отчуждения восьми квартир, принадлежащих ЧОУ, имея умысел на причинение вреда другим кредиторам и извлечение собственной материальной выгоды посредством незаконного обращения в свою пользу денежных средств, полученных от реализации имущества. Н. подписала договоры об оказании услуг с ООО для реализации восьми квартир, осознавая, что вырученные средства она присвоит себе, причинив ЧОУ крупный ущерб. Однако ООО отказалось осуществлять поиск покупателей ввиду наличия признаков банкротства у ЧОУ. Н. совместно с Р. подготовили фиктивные договоры купли-продажи квартир по заниженной цене и подали заявления о государственной регистрации имущества. Н. была осуждена по ч.1 ст. 195 УК РФ за отчуждение имущества должника при наличии признаков банкротства, причинившее крупный ущерб [7].

В целях сравнения обратимся к законодательству ряда стран СНГ и ЕАЭС. Часть 1 ст. 192 УК Армении схожа с вышеуказанными частями статей МУК и УК РФ, при этом законодатель расширил перечень специальных субъектов преступления, отнеся к ним: руководящих лиц организации-должника, ее учредителей, других лиц, способных влиять на принятие решений путем дачи обязательных указаний, равно как и индивидуальных предпринимателей в статусе должников.

Часть 3 ст. 192 УК Армении устанавливает, что крупным считается ущерб, размер которого превышает двухсоткратную величину минимальной заработной платы, актуальной на момент совершения преступления. В настоящее время данная сумма составляет около трех миллионов рублей [8].

Наиболее существенные различия в нормах наблюдаются в УК Республики Беларусь. 1 октября 2003 г. в ст.ст. 238–241 УК РБ были внесены изменения. В частности: ст. 238 («Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)») была декриминализована в рамках совершенствования законодательства о банкротстве; ст.ст. 239–241 претерпели изменения.

При этом состав правонарушения, предусмотренный ст. 241 УК РБ («Препятствование проведению расчетов с кредитором (кредиторами)»), по своему содержанию аналогичен рассмотренным выше деяниям, но отличается расширенным кругом специальных субъектов: индивидуальный предприниматель или должностное лицо, собственник имущества, учредитель юридического лица, либо антикризисный управляющий, либо иное лицо, имеющее право давать обязательные для этого юридического лица указания или возможность иным образом определять его действия [9].

В качестве последствия законодатель определил причинение ущерба кредитору в крупном размере (ч. 1 ст. 241 УК РБ) или в особо крупном размере (ч. 2 ст. 241 УК РБ). Согласно примечанию к гл. 25 УК РБ, крупный размер – размер на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупный размер – на сумму, в две тысячи и более раз превышающую размер такой базовой величины.

Преступлением небольшой тяжести является деяние, указанное в ч. 2 ст. 261 МУК: «Неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов руководителем организации-должника или индивидуальным предпринимателем, знающим о своей фактической несостоятельности (банкротстве), заведомо в ущерб другим кредиторам, а равно принятие такого удовлетворения кредитором, знающим об отданном ему предпочтении несостоятельным должником в ущерб другим кредиторам, если эти действия причинили крупный ущерб».

Часть 2 ст. 195 УК РФ устанавливает ответственность за данное деяние, при этом ч. 2.2 предусматривает квалифицирующий признак в виде совершения преступления:

- 1) арбитражным управляющим;
- 2) председателем ликвидационной комиссии;
- 3) лицом, контролирующим должника;
- 4) руководителем контролирующего лица.

В отличие от этого, ч. 2 ст. 192 УК Армении определяет специальный субъект как:

- 1) руководителя юридического лица-должника;
- 2) его учредителя;
- 3) иных лиц, имеющих право давать обязательные указания;
- 4) индивидуального предпринимателя-должника, при условии осведомленности о фактической неплатежеспособности.

В УК РБ подобное деяние отсутствует.

Следует обратить особое внимание, что ст. 195 УК РФ содержит несколько составов преступлений, предусмотренных чч. 1, 1.1, 2, 2.1, 3, 4, 5, что способствует более тщательной дифференциации ответственности. Лицо может быть освобождено от ответственности (прим. к ст. 195 УК РФ) при одновременном наличии следующих условий:

- отсутствие ранее совершенных аналогичных преступлений;
- оказание активного содействия в раскрытии и расследовании деяния.

Таким образом, в целом нормы об ответственности за неправомерные действия при банкротстве закреплены в законодательстве в рассматриваемых нами странах ЕАЭС и СНГ. Основаны они на норме МУК, однако имеют ряд вышеуказанных различий, в особенности в части круга специального субъекта и последствий в виде причинения крупного или особо крупного ущерба.

Список литературы

1. Банкротства в России: 4 кв. 2024 и 2024 гг. // Статистический релиз Федресурса. URL: https://fedresurs.ru/news/24a1287d-3595-44c3-9c83-5c3b9ab4b1df?utm_referrer=https:%2F%2Fwww.advgazeta.ru%2F.
2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5/>.
3. Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018.
4. Налимов Ю. Д. Особенности производства проверки показаний на месте с использованием средств GPS-навигации // Криминалистика: наука, практика, опыт : Всероссийская научно-практическая конференция к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации профессора А. Ф. Волынского : сборник научных трудов, Москва, 23 мая 2024 года. М. : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 195–198.
5. Гаврилова Н. А. Методика расследования преднамеренных банкротств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
6. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан № 1-14/2024 1-27/2023 1-395/2021 1-65/2022 от 14 июля 2024 г. по делу

№ 1-239/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации.
URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eX1QRqwdEv6p/?>.

8. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г.
URL: <https://countryeconomy.com/national-minimum-wage/armenia/>.

9. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.
URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275/>.

Гарифуллина Р. Ф.¹,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Уфимского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Бойцова Ж. А.²,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОНТРАФАКТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Масштабный оборот контрафактной продукции наносит комплексный ущерб любому государству: он не только приводит к значительным бюджетным потерям из-за непоступления таможенных и налоговых платежей, но и демотивирует бизнес; предприниматели теряют стимулы инвестировать в развитие различных отраслей производства, повышать производительность труда и соблюдать стандарты качества. Дополнительно, это явление подрывает доверие граждан к органам власти и производителям, формирует негативный имидж страны на международной арене и, в конечном счете, угрожает жизни и здоровью людей [1; 2].

Российская Федерация и Республика Казахстан, как крупнейшие экономики ЕАЭС с обширной границей и тесными торговыми связями, особенно уязвимы для этого вида преступности. Борьба с ним требует эффективной реализации уголовного законодательства.

Анализ судебных решений по уголовным делам, где предметом преступления выступала незаконная продукция (контрафактная, фальсифицированная или недоброкачественная), позволяет выделить наиболее часто применяемые статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающие ответственность за:

- нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ);
- производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров либо продукции без обязательной информации (ст. 171¹ УК РФ);
- незаконные действия с этиловым спиртом, алкоголем, табачными и никотинсодержащими изделиями, а также сырьем для их производства (ст. 171³ УК РФ);

¹ © Гарифуллина Р. Ф., 2025.

² © Бойцова Ж. А., 2025.

- незаконное использование товарных знаков и иных средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ);
- производство, хранение, перевозку или сбыт товаров (услуг), не соответствующих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ);
- обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарств, медицинских изделий и БАДов (ст. 238¹ УК РФ);
- изготовление или сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия (ст. 327¹ УК РФ).

Несмотря на внесенные с 2014 по 2024 г. изменения в ст.ст. 171¹, 171³, 180, 238, 238¹, 327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, включая введение уголовной ответственности за незаконный оборот табачной продукции и ужесточение санкций за оборот контрафактной продукции, кардинального перелома в борьбе с этим явлением достичь не удалось.

Об этом свидетельствуют и данные ГИАЦ МВД России, согласно которым количество зарегистрированных контрафактных преступлений не уменьшается, наоборот, ежегодно имеет устойчивый характер. Так, если в 2020 г. зарегистрировано 8086 преступлений в сфере оборота контрафактной продукции, в 2021 г. – 8514, в 2022 г. – 6886, в 2023 г. – 7419, в 2024 г. – 6537 таких преступлений [3].

В Уголовном кодексе Республики Казахстан 2014 г. (далее – УК РК) ответственность за оборот контрафактной продукции предусмотрена несколькими статьями, в зависимости от вида продукции и характера нарушений. К ним относятся:

- нарушение авторских и (или) смежных прав (ст. 198 УК РК);
- нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем (ст. 199 УК РК);
- незаконное использование товарного знака, знака обслуживания, фирменного наименования, географического указания и наименования места происхождения товара (ст. 222 УК РК);
- нарушение порядка и правил маркировки подакцизных товаров средствами идентификации и (или) учетно-контрольными марками, подделка и использование средств идентификации и (или) учетно-контрольных марок (ст. 233 УК РФ);
- выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 306 УК РК);
- обращение с фальсифицированными лекарственными средствами или медицинскими изделиями (ст. 323 УК РК).

Таким образом, можно сделать вывод, что в законодательстве обеих стран контрафактные преступления посягают на схожие группы охраняемых законом интересов:

- интеллектуальная собственность (права на товарные знаки, авторские и смежные права, патенты – ст.ст. 146 УК РФ, 147 УК РФ, 180 УК РФ; ст.ст. 198 УК РК, 199 УК РК, 222 УК РК);
- экономические отношения (законность предпринимательства, бюджетные интересы – ст.ст. 171¹, 171³ УК РФ; ст.ст. 214 УК РК, 233 УК РК);

– здоровье населения и безопасность потребителей (оборот фальсифицированных лекарств, продуктов питания, товаров для детей – ст.ст. 238, 238¹ УК РФ; ст.ст. 306, 323 УК РК).

– финансовая система и документооборот (подделка марок акциза, знаков соответствия, официальных документов – ст. 327¹ УК РФ; ст. 306 УК РК).

Отметим, что наиболее существенные различия в уголовном законодательстве указанных государств состоят в наличии специализированных норм в уголовном законодательстве Российской Федерации. Так, в УК РФ имеются отдельные статьи, предусматривающие ответственность за оборот немаркированной продукции (ст. 171¹ УК РФ) и незаконный оборот алкоголя (табака) (ст. 171³ УК РФ), в то время как УК РК в таких случаях применяет общие нормы (ст.ст. 198 УК РК, ст. 214 УК РК, ст. 222 УК РК).

Помимо этого, УК РФ содержит нормы, предусматривающие ответственность за подделку акцизных (контрольных) марок, знаков соответствия (ст. 327¹ УК РФ), УК РК – за неправомерный оборот официального документа (ст. 206 УК РК).

Поскольку в отличие от российского уголовного законодательства в Казахстане нет специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконный оборот сигарет, квалификация наступает по общей норме. Так, например, за незаконный сбыт 9,3 млн. пачек контрафактных сигарет на территории Республики Казахстан, когда сумма неуплаченного акциза составила 2,6 млрд. тенге, лиц осудили по пп. 1, 3 ч. 2 ст. 214 УК РК за *незаконное предпринимательство при наличии квалифицирующих признаков* [4].

При этом в Российской Федерации 31.07.2023 была введена специальная норма – ч. 1.1 ст. 171³ УК РФ, предусматривающая ответственность за неправомерный оборот табачной продукции в крупном размере.

Также с 2014 г. ч. 5 ст. 171¹ УК РФ регламентирует ответственность за незаконный оборот табачной продукции без акцизных марок Российской Федерации установленного образца или с поддельными марками.

Разграничиваются составы преступлений, предусмотренные ст. 171¹ УК РФ и ст. 171³ УК РФ по наличию на пачке акцизной марки Российской Федерации установленного образца. Это является обязательным атрибутом легального оборота табачной продукции в стране. Ее отсутствие или подделка – указывает на наличие признаков состава ст. 171¹ УК РФ.

Так, например, Х. и К., действуя в составе организованной группы, в которую также входили неустановленные следствием лица, с целью извлечения дохода в особо крупном размере, организовали незаконный сбыт табачной продукции, заведомо не соответствующей обязательным требованиям законодательства Российской Федерации. С. обеспечивал хранение немаркированной табачной продукции на складе, а А. осуществлял фасовку сигарет и их последующую продажу.

В ходе проведения оперативно-разыскного мероприятия сотрудниками УЭБиПК ГУ МВД России по Нижегородской области было изъято 2 340 000 штук сигарет различных марок.

Товароведческая экспертиза установила, что все изъятые сигареты не имеют акцизных марок Российской Федерации, обязательных для легального оборота

на территории страны, признаки контрафактности (несоответствие упаковки, шрифтов, защитных элементов оригиналам).

Финансово-экономическая экспертиза рассчитала рыночную стоимость изъятой табачной продукции, которая составила 8 450 000 руб., что является особо крупным размером.

Действия подсудимых были квалифицированы по ч. 3 ст. 171³ УК РФ как незаконный оборот табачной продукции, совершенный организованной группой, в особо крупном размере и по ч. 3 ст. 171¹ УК РФ как приобретение, хранение, перевозка и сбыт товаров и продукции без маркировки, совершенные организованной группой, в особо крупном размере.

Содеянное образует совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ), так как действия подсудимых направлены на достижение разных целей и посягают на разные объекты: ст. 171³ УК РФ – на порядок законного оборота подакцизных товаров, а ст. 171¹ УК РФ – на порядок маркировки товаров [5].

Подводя итог, отметим, что законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан содержит развитую систему уголовно-правовых норм для борьбы с контрафактными преступлениями, демонстрируя понимание их повышенной общественной опасности. Ключевые сходства уголовно-правовых норм законодательства анализируемых государств состоят в защите объектов интеллектуальной собственности, экономических отношений и здоровья населения.

При этом обе правовые системы сталкиваются с общими вызовами цифровой эпохи и трансграничной преступности. Дальнейшее сближение законодательства в рамках ЕАЭС, развитие механизмов оперативного взаимодействия правоохранительных органов и адаптация норм к реалиям онлайн-торговли – являются наиболее важными направлениями для повышения эффективности борьбы с контрафактом в Российской Федерации и в Республике Казахстан. При этом важная роль в таком противодействии оборота контрафактной продукции отводится уголовному законодательству, что требует его постоянного совершенствования, актуализации в ответ на новые схемы незаконного оборота контрафакта в мире.

Список литературы

1. В стране выявлены нарушения в сфере контрафактной продукции на 77 млн тенге. URL: https://kaz.inform.kz/news/elimizde-kontrafaktlik-onim-salasynda-77-mln-tengege-zan-buzushylyk-anyktaldy_a3829245/?ysclid=mc0lmgvwko347683-150/.

2. Совещание с членами Правительства. URL: <http://www.kremlin.ru/-events/president/-news-/72366>.

3. Заседание Президиума Государственного Совета. URL: <http://www.kremlin.ru/-events/president/news/70860/>.

4. Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» (за 2020–2024 годы).

5. Раскрыта транснациональная схема поставок контрафактных сигарет: лица осуждены к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/993008>.

6. Приговор Нижегородского областного суда от 4 сентября 2024 г. по делу № 7-578/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oI5KroH27kWH/>.

Корниенкова М. Р.¹,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Хмелева З. А.²,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Коррупция как отрицательное явление любого государства – одно из наиболее негативных, а также социально-правовых фактов, которые, по своей сути, оказывают деструктивное влияние на состояние всех имеющихся в государстве элементов, которые отнесены к национальной безопасности. Сегодня активные меры по противодействию коррупции реализуются как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Одним из основных рычагов противодействия коррупции является совершенствование уголовного законодательства в рамках антикоррупционной политики государства в целях устрашения коррупционеров.

Так, Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» введена ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве».

Согласно действующей редакции отечественного уголовного законодательства под посредничеством стоит считать непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взятокополучателя, либо если они иным образом способствовали вышеуказанным лицам и хотели достичь соглашения о даче или получении взятки [1]. В уголовном законодательстве Республики Беларусь под посредничеством во взяточничестве согласно ч. 1 ст. 432 УК РБ признаются действия в виде исключительно только непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя или взятокополучателя [2].

Отметим, что в основном составе преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации конститутивным признаком состава является размер пере-

¹ © Корниенкова М. Р., 2025.

² © Хмелева З. А., 2025.

данной взятки, который должен быть значительным, то есть превышающая 25 000 руб., а в Уголовном кодексе Республики Беларусь о размере взятки в диспозиции уголовно-правовой нормы нет отдельного уточнения, следовательно, ответственность наступает с размера даже одного белорусского рубля.

Итак, на основании вышеизложенного остается неясным, как же квалифицировать содеянное в рамках отечественного законодательства, когда размер взятки не превышает сумму в 25 000 руб. П. С. Яни предполагает, что законодатель намеренно исключил из уголовной ответственности посредничество в так называемом мелком взяточничестве [7, с 25]. Действительно, возникает парадоксальная ситуация: пособник во взяточничестве на сумму, превышающую 25 000 руб., оказывается в более выгодном положении, чем пособник, передающий незначительную взятку, поскольку его действия квалифицируются со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Однако полагаем, на основании действующей редакции УК РФ, а именно положений гл. 7, при посредничестве во взяточничестве на сумму, не превышающую 10 000 руб., необходима квалификация действий лица по ст. 291.2 УК РФ соответственно со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, при посредничестве во взяточничестве на сумму свыше 10 000 руб., но не превышающую 25 000 руб. по ст.ст. 290, 291 соответственно со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Также, говоря о размере взятки при рассмотрении состава преступления в виде посредничества во взяточничестве, законодатель как в России, так и в Беларуси дифференцировал ее в виде крупного и особо крупного размера в квалифицированном и особо квалифицированном составе.

Остановимся на данном аспекте разграничения. Для того чтобы сопоставить размер взятки, под которым в современном законодательстве Беларуси понимается не твердая денежная сумма, а базовая величина, необходимо проанализировать данную дефиницию.

Под базовой величиной в законодательстве Республики Беларусь следует понимать экономический показатель для определения величины обязательств, пороговых значений, расчета государственной пошлины, штрафов, нотариальных тарифов, налогов (сборов), иных оплат в фиксированной сумме [6]. На сегодняшний день согласно постановлению Совета министров Республики Беларусь установлена базовая величина в размере 42 белорусских рублей [4].

Для понимания дифференциации и строгости ответственности установим соотношение валют. Итак, по состоянию на 2025 г. один белорусский рубль – это 26,6 российского рубля. Получается, что ответственность по квалифицированному составу посредничества во взяточничестве в соответствии с п. 2 Примечания к главе 35 «Преступления против интересов службы» УК РБ наступает с 10 500 белорусских рублей (279 300 российского рубля). Итак, учитывая примечание к ст. 290 УК РФ, под крупным размером посредничества во взяточничестве признается сумма денег, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающая 150 000 руб. Обратим внимание, что криминализированы совершенно разные по сумме деяния.

Хотелось бы также отметить, что в квалифицированном составе как белорусского, так и российского уголовного законодательства, помимо размера взятки,

также предусмотрена ответственность за использование посредником во взяточничестве своего служебного положения. Приведем пример из судебной практики.

Гражданин Г. был осужден Московским районным судом г. Бреста Республики Беларусь по ч. 2 ст. 432, ч. 2 ст. 431 УК РБ. Работая водителем филиала КУП «Брестский городской ремонтно-строительный трест» – РСУ № 2 Брестгорремстройтреста, – Г. получил от ведущего механика филиала, выступающего в качестве лица, дающего взятку, материальные ценности в виде дизельного топлива, которые умышленно по поручению последнего передал в качестве взятки начальнику диагностической станции ТУП «Брестский кооптранс» за выполнение в интересах филиала действий, входящих в его компетенцию, по выдаче диагностической карты транспортного средства с отметкой «соответствует», а также за беспрепятственное проведение государственного технического осмотра автомобиля с нарушением требований технического кодекса установившейся практики. Он же в определенный период неоднократно умышленно по поручению ведущего механика филиала и иных лиц передавал начальнику ТУП «Брестский кооптранс» в качестве взятки материальные ценности в виде дизельного топлива за выполнение в интересах филиала и иных лиц действий, входящих в компетенцию последнего [5].

Далее заметим, что ключевыми особенностями отличия ст. 291.1 УК РФ и ст. 432 УК РБ является следующее:

1) в ст. 432 УК РБ предусмотрена ответственность за совершение посредничества повторно, а также ответственность ранее судимого лица за преступления, связанные со взяточничеством (чч. 2, 3 ст. 432 УК РБ);

2) в ст. 291.1 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение посредничества во взяточничестве таких форм соучастия, как группа лиц по предварительному сговору и организованная группа, так называемое соучастие в соучастии; и также примечательно, что в данном составе преступления посредника могут привлечь к уголовной ответственности также и за обещание или предложение своих услуг во взяточничестве (чч. 3, 5 ст. 291.1 УК РФ).

В вышеуказанных статьях содержится примечание, в соответствии с которым посредник может быть освобожден от уголовной ответственности. Это происходит только в том случае, если после совершения преступления преступник активно способствовал раскрытию и (или) пресечению преступления. Также он должно добровольно сообщить в правоохранительные органы (которые имеют право на расследование данных преступлений) о том, что было совершено посредничество во взяточничестве [3].

Таким образом, на основании вышеизложенного умозаключим, что противодействие взяточничеству сохраняет свою актуальность, поскольку данное преступление вне зависимости от формы его проявления представляет серьезную угрозу для эффективного функционирования государственного аппарата, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также для защиты интересов граждан и организаций.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/10108000/>.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с изм. и доп. от 17.02.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984&ysclid=mb9fha52e5110149537/.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 16 ноября 2024 г. № 848 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2024. 19 ноября, 5/54190. URL: <https://zhodino.gov.by/app/uploads/2024/12/31-12-2024-01.pdf/>.
5. Приговор Московского районного суда г. Бреста // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/press_relizi1/korrupcia/8caed419b71b4da6.html/.
6. Базовая величина 2025. URL: <https://nalogoved.by/spravochnaya-informatsiya/bazovaya-velichina-2025>.
7. Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2 (940). С. 24–29.

*Старых С. М.¹,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблемы, связанные с легализацией (отмыванием) доходов в виде денежных средств, имущества, добытых преступными способами и средствами, являются одними из наиболее острых для подавляющего большинства стран. Легализация преступных доходов зачастую неразрывно связана с иными преступлениями, представляющими повышенную общественную опасность: торговлей наркотиками, оружием, людьми и многими другими не менее опасными преступлениями. Если не прямо, то через разнообразные схемы доходы могут направляться, в том числе, на финансирование террористической деятельности, незаконных вооруженных формирований, экстремистских сообществ.

Актуальность борьбы с такого рода преступлениями, характерна как для так называемых передовых стран, так и для развивающихся государств. При всей условности такой терминологии тем не менее, в зависимости от экономической составляющей конкретного государства, применяются соответствующие методы и способы в борьбе с этими преступлениями. К сожалению, менее экономически развитые страны нередко выступают в качестве тех мест, где более просто легализовать и придать законный характер и вид преступно добытым средствам и имуществу. Поэтому международная кооперация в противодействии таким преступным проявлениям крайне важна и необходима.

Более чем актуальными вопросы, связанные с противодействием преступлениям, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств, имущества, добытых преступным путем, являются и для Российской Федерации и для Республики Беларусь. В рамках дальнейшего развития и укрепления союзного государства, особенно важно единство в принципиальных подходах, связанных с динамичным развитием экономики, с обеспечением безопасности этого межгосударственного союза. Исходя из этого, крайне важен общий курс проводимой уголовно-правовой политики членов союзного государства, в том числе, по противодействию преступлениям, направленным против нормального экономического развития. Вне всякого сомнения, на нормальное функционирование и развитие экономики отрицательное воздействие оказывают любые способы и формы легализации (отмывания) преступно добытых материальных средств в широком понимании этого определения.

¹ © Старых С. М., 2025.

В целом, в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь наблюдается определенная общность в оценках и подходах к этой проблематике. Это нашло свое отражение в выборе объекта таких преступных посягательств при квалификации содеянного. Подобные деяния отнесены к преступлениям, направленным против общественных интересов в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ и гл. 25 УК РБ).

В Российской Федерации уголовная ответственность за деяния, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, предусмотрена ст.ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса [1]. Диспозиции рассматриваемых составов практически идентичны, к этим деяниям относят совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом. Различие заключается в субъекте. В одном случае в ст. 174 УК РФ субъектом является лицо, легализующие (отмывающие) рассматриваемые предметы этого преступления, добытые другим лицом или лицами, при совершении иного преступления или преступлений. В соответствии со ст. 174.1 УК РФ, субъектом является одно и то же лицо (или лица), совершившее предыдущие преступление или преступления и отмывающие (легализующее) полученные преступным путем доходы.

Уголовный закон Республики Беларусь ответственность за деяния такого рода установил в ст. 235 УК РБ [2]. В этой статье легализацией (отмыванием) средств, полученных преступным путем, признается совершение финансовых операций со средствами, полученными заведомо преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению указанными средствами в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств.

При сравнении диспозиций рассматриваемых составов, принципиальные различия в оценке законодателями обоих государств, объективных и субъективных признаков такого рода преступлений выделить практически невозможно. В общем можно говорить о достаточно схожей позиции в ключевых вопросах. Это обоснование подтверждается и в ходе анализа последовательности вносимых изменений – как в рассматриваемые статьи, так и в составы указанных преступлений. В большей степени это относится к изменениям в оценке предмета этих преступлений, характеристики признаков объективной стороны. Это заметно в схожих процессах развития и усовершенствования законодательной базы обоих государств, регулирующей отношения как в сфере экономической деятельности, так и в сфере противодействия преступным проявлениям в этой области.

Предыдущая редакция ст. 235 УК РБ [2] в своей диспозиции содержала указание на необходимость установления в качестве основной цели совершения этого преступления предание легального характера преступно добытому имуществу, а также стремление использовать это имущество для предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Естественно, такого рода ограничения серьезно сужали возможность привлечения к ответственности более широкого круга лиц, совершающих деяния, связанные с легализацией преступных доходов.

В предыдущей редакции ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ [1], в диспозиции и примечании, так же закреплялись существенные ограничения для реализации этих норм. Так, например, в диспозиции этих статей указывалось, что преступным деяние по отмыванию денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем, будет только тогда, когда будет установлен крупный размер. Крупным размером, признавалась сумма финансовой операции или сделки с этим имуществом, превышающая сумму, эквивалентную двум тысячам минимальных зарплат. Ко всему прочему, в качестве предмета таких преступлений не рассматривалось имущество, полученное в результате совершения преступлений, которые предусмотрены такими статьями УК РФ как ст. 193 «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте», ст. 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица», ст. 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» и т. д.

Во многом такая позиция обоих государств опиралась, на соответствующие законодательные акты. В Республике Беларусь – на закон от 19 июля 2000 г. № 426-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности». В Российской Федерации – на Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [6].

Как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации на необходимость усовершенствования законодательной базы для борьбы с такими преступными посягательствами указывали статистические данные, отмечающие постоянный рост таких преступлений, в том числе и рост преступлений, связанных с незаконным выводом денежных средств за пределы Российской Федерации и Республики Беларусь.

С принятием Закона Республики Беларусь от 30.06.2014 № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» [4], вступившего в силу 4 января 2015 г., и в ст. 235 УК РБ были внесены необходимые изменения. В частности, в примечании к этой статье дается более широкое толкование предмета этого преступления, включая исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Также в примечании указывается на то, что финансовой операцией может быть любая сделка со средствами не зависимо от методов и способов ее проведения.

В Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 23.06.2013 № 134-ФЗ в ст.ст. 174 и 174.1 Уголовного Кодекса были внесены корректировки, предусматривающие уголовную ответственность, в том числе и за преступления в финансовой области, предусмотренные ст.ст. 193, 194, 198, 199, 199.1, 199.2. Необходимые разъяснения в части более широкого толкования понятие предмета для этих преступлений даны в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5] № 32 от 7 июля 2012 г. (ред. 26.02.2019). Существенным дополнением рассматриваемого предмета преступлений, связанных с легализацией и отмыванием преступно добытого имущества, является

включение в это понятие безналичных денежных средств, так называемых электронных денежных средств. Это особенно актуально в условиях все более широко применения такого рода эквивалента взаимных расчетов и платежей.

Вместе с тем, несмотря на общие критерии в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь, касающиеся оценки форм, методов и способов противодействия таким преступным проявлениям, существуют определенные особенности, что, на наш взгляд, не способствует как самой борьбе с этими преступлениями, так и устранению причин, их порождающих.

К сожалению, помимо положительных общих тенденций в отношении противодействия подобным преступным посягательствам, существуют общие негативные факторы. К таким факторам можно отнести высокую латентность такого рода преступлений. Преступления такого вида практически всегда неразрывно связаны с ранее совершенными преступлениями [10]. Наряду с уже отмеченными преступлениями финансового характера присутствует значительное число преступлений коррупционной направленности. Все это говорит о высоком уровне общественной опасности, такого рода совокупности разноплановых посягательств, которые в итоге создают угрозу нормальному экономическому развитию и безопасности как отдельного государства, так и всего союзного образования.

В этой связи следует отметить, необходимость изменения санкций ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, явно не соответствующих степени общественной опасности деяния. Применение в качестве наказания исключительно штрафа в размере до 120 000 руб. или иного дохода за период одного года абсолютно не соответствует причиненному ущербу. Необходимо, по аналогии со ст. 235 УК РБ, отнести преступление по ч. 1 ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ к категории преступлений средней тяжести, установив соразмерный вид и размер наказания.

В рамках проведения совместных межгосударственных мероприятий, направленных на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, необходимо выработать ряд нормативно правовых документов, устанавливающих общие критерии и подходы, позволяющие системно подходить к решению таких вопросов.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. от 17.02.2025) // Правовой интернет-портал Республики Беларусь.
3. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем,

и финансированию терроризма» (вступ. в силу 4 января 2015, с изм. от 17.07.2023) // Правовой интернет-портал Республики Беларусь.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (ред. от 26.02.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Конвенция Совета Европы (ETS № 141) от 8 ноября 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // Технология 3000. Минск : ЮрСпектр ; Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. URL: http://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml/.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. URL: http://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml/.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций 1988 г. (Венская конвенция) «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». URL: http://www.un.org/ru/decl_conv/conv_drugs.shtml/.

10. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2024 год // СПС «КонсультантПлюс».

Шайдаев М. Ш.¹,
*ведущий научный сотрудник
Центра сопровождения
научно-исследовательских
и опытно-конструкторских работ
в области информационных технологий
научно-исследовательского института
специальной техники
ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
кандидат юридических наук*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦЕЛЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Уровень экономического и общественного развития любого государства в настоящее время неразрывно связывается с процессами информатизации и цифровизации, направленными на формирование единого информационного пространства, повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни общества: промышленность, экономику, образование, культуру, медицину, обслуживание и т. д. и зависят в первую очередь от ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий, особенно современных их видов.

Внедрение современных информационных технологий, с одной стороны, приносит существенные преимущества в обеспечение жизнедеятельности человека. Прогресс экономического, индустриально-промышленного развития очевиден. С другой стороны, создается благоприятная среда для совершения противоправных деяний с их применением, предоставляющая криминалитету дополнительные возможности в приискании новых способов совершения преступлений. Уровень противоправных деяний с использованием информационно-коммуникационных технологий уже превысил в последние годы все допустимые пределы, а разновидность их растет с каждым днем.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит порядка 25 составов преступлений, предусматривающих квалифицирующий признак – совершение деяния с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). К ним наряду с отдельными видами преступлений против жизни и здоровья, семьи и несовершеннолетних, в сфере незаконного оборота наркотических, лекарственных и аналогичных им средств, против общественной безопасности и общественного порядка, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества относятся различные виды преступлений в сфере экономики. Цифровизация общества, новые информационные технологии, создание цифровой экономики повлияли на криминальную деятельность в целом и экономическую преступность в частности.

¹ © Шайдаев М. Ш., 2024.

Специалистами отмечается, что с развитием информационных технологий ускоряется тенденция перемещения указанных преступлений в информационную среду. К ним относятся различные виды мошенничества, вымогательство, причинение имущественного ущерба, преступления в сфере экономической деятельности (незаконные организация и проведение азартных игр, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, манипулирование рынком, неправомерный оборот средств платежей и др.).

Учитывая растущие масштабы преступлений, совершаемых в сфере цифровой экономики, а также мнения экспертов о целесообразности их определения в качестве самостоятельной категории [1, с. 77], в официальной статистике МВД России среди общей преступности экономической направленности с 2017 г. стали выделяться деяния, совершаемые с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий [2, с. 72].

Исходя из статистической информации, представляемой ГИАЦ МВД России, с 2017 г. наблюдается ежегодный рост указанного вида экономической преступности (табл. 1), а в 2020 г. наблюдался его максимальный рост, который составил 71,3 % (табл. 1).

Таблица 1

Количество преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации

Годы	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	8611	9700	9956	17052	18256	20235	22727	24838
Прирост (%)	-	12,6	2,6	71,3	7,1	11,2	12	9,3

Специалисты по-разному оценивают причины развития такой ситуации. Одни относят к ним появление криптовалют, утечку персональных данных, развитие инструментов социальной инженерии [3, с. 42–46]. Другие исследователи указанные факторы дополняют существенным прогрессом в информационных технологиях, повлекшим за собой умышленное злоупотребление этими достижениями. Злоумышленники вооружились Интернетом, компьютерами, средствами телекоммуникации, возможностями современного программного обеспечения для совершения многих преступлений в сфере экономической деятельности.

Преступники стали достаточно изобретательны в использовании возможностей информационных технологий и ее современных видов (искусственного интеллекта, нейросетей), создавая новые инструменты на их основе, позволяющие с большей эффективностью реализовывать свои преступные замыслы.

В связи с этим следует отметить, что развитие информационных технологий в первую очередь инициировало появление новых способов совершения мошеннических действий. Одним из самых распространенных их видов является мошенничество с использованием банковских карт. Для их совершения злоумышленниками разрабатываются и используются различные программные и технологические продукты.

Так, специальным сканирующим устройством, установленным в банкомат, происходит считывание с карты персональных данных их владельцев и номеров счетов, используемых в дальнейшем для изготовления поддельной банковской карты (скимминг).

Наряду с ним в банкомат может устанавливаться устройство, позволяющее задерживать банковские карты. В этом случае, хищение денег с них происходит двумя способами:

1) в то время, пока владелец карты, вынужденный оставить ее в банкомате, разбирается с образовавшейся проблемой в банке (траппинг);

2) после кражи самой карты, если удалось предварительно завладеть информацией о ее ПИН-коде (ливанская петля).

В этом случае пароль от банковской карты можно банально подсмотреть, находясь за спиной стоящей у банкомата жертвы, или же вывести у него, например, с помощью телефонного звонка, используя современные методы и способы социальной инженерии (вишинг).

Помимо представленных способов мошеннических действий, направленных против физических лиц, основные усилия киберпреступников сосредотачиваются на разработке вредоносного программного обеспечения, направленного уже на банки и финансовые организации. В настоящее время известны такие их виды, как программы скрытого управления, дешифрования информации, считывания и подбора пароля, удаленного доступа, программы-копировщики, вирусы, троянские программы, компьютерные черви и другие вредоносные программы. В основном преступления с использованием вредоносного программного обеспечения совершаются в системе дистанционного банковского обслуживания с использованием технологий «банк-клиент», интернет-банкинг, мобильный банкинг и др. Внедряя вредоносные приложения на коммутатор банкоматов, злоумышленники получают возможность осуществлять хищение денежных средств уже непосредственно с банкомата [4, с. 177].

При этом, совершенствуя системы защиты от киберугроз и кибератак в банковских организациях, а также наращивая опыт правоохранительными органами в расследовании подобных преступлений, следует иметь в виду, что одновременно происходит стимулирование злоумышленников на разработку новых инструментов для незаконного завладения денежными средствами.

Так, сеть Интернет, обеспечившая широкие коммуникации находящимся в различных городах и странах абонентам, получение необходимой информации, оплату услуг и покупок в онлайн-магазинах и т. д., одновременно открыла огромные возможности для внедрения новых инструментов совершения мошенничеств в киберпространстве, к которым можно отнести:

1) поддельные сайты действующих банков (зеркальные сайты или сайты-двойники), посредством которых у жертв при производстве через них онлайн-оплаты происходит хищение денежных средств (фишинг). Иногда ссылка на такой поддельный сайт для онлайн-оплаты может содержаться в полученном сообщении (смишинг)»;

2) фиктивные интернет-магазины, предлагающие товары для продажи или различные услуги в дистанционной форме (написание контрольных, других письменных работ, помощь в составлении проектов, гадание, снятие порчи и др.) и работающие по стопроцентной предоплате. Переведя деньги, жертва, конечно же, не получает ожидаемых товаров или услуг, а сайт магазина вскоре ликвидируется или видоизменяется. При этом злоумышленниками могут применяться различные приемы, чтобы придать привлекательность услуге или товару – предлагаются, к примеру, услуги, позволяющие обойти различного рода ограничения и запреты, выбирая товары, на которые растает спрос;

3) различные сайты, предлагающие к продаже под видом эксклюзивной и редкой информационную продукцию, содержащуюся в открытом доступе;

4) вредоносные сайты, закамуфлированные под различные всплывшие рекламные окна, при нажатии на которые блокируется компьютер пользователя, после чего жертва вынуждена перевести деньги злоумышленникам для его разблокировки;

5) лже-благотворительные сайты, размещающие информацию с официальных сайтов благотворительных фондов с просьбой об оказании финансовой помощи. На самом деле все переводимые денежные средства оказываются в руках злоумышленников [5, с. 91-92];

6) разного рода электронные кошельки, на которые жертвами перечисляются денежные средства.

С внедрением в систему гражданско-договорных отношений возможности подписания юридических документов с помощью электронной подписи указанная технология также оказалась под пристальным вниманием злоумышленников. Подделав электронную подпись, преступники совершают хищения имущества и денежных средств граждан и юридических лиц.

Следует отметить появление высокотехнологичных методов совершения преступных деяний с использованием искусственного интеллекта, нейросетевых технологий. На сегодняшний день отмечено использование злоумышленниками искусственного интеллекта по следующим направлениям:

1) в социальной инженерии путем создания фейковых аккаунтов в социальных сетях для выманивания личной информации пользователей, используемой в дальнейшем с целью совершения мошенничества, фишинга, кражи личных данных и других преступлений;

2) в телефонном мошенничестве, где искусственный интеллект позволяет многократно увеличивать количество звонков-ловушек до 50 тыс. в сутки;

3) для создания вирусов и других вредоносных программ, используемых для совершения кибератак на компьютеры и сети физических и юридических лиц с целью кражи личных данных, вымогательства, шантажа, а также для получения

доступа к банковским счетам или другой конфиденциальной информации (6, с. 233);

4) для взлома систем безопасности с целью получения доступа к защищенной информации;

5) для отслеживания банковских переводов с целью хищения безналичных денежных средств;

6) для создания контрафактной продукции при помощи криминальной 3D-печати.

Наряду с этим возможности нейросетевых технологий используются для осуществления преступной деятельности в следующих целях:

1) с использованием измененного или клонированного голоса, или сгенерированных видеодипфейков ведутся мошеннические переговоры в интернете;

2) с использованием методов глубокого обучения нейронных сетей для взлома и перепрограммирования платежных протоколов совершаются хищения денежных средств с банковских счетов;

3) получение доступа к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну;

4) нарушение авторских и смежных прав и др. (6, с. 235).

Кроме того, экспертами выражается обеспокоенность по поводу потенциальных угроз и рисков для экономики со стороны искусственного интеллекта в части использования его возможностей для совершения кибератак на ее критическую инфраструктуру. Создание более сложных и эффективных киберугроз, таких как умные вирусы или атаки на системы управления, требует соответствующего решения вопросов обеспечения кибербезопасности.

Резюмируя, необходимо отметить, что информационные технологии представляют собой не только способы поиска новой информации и развития человека в различных областях науки и техники, но и являются средством совершения более новых и изобретательных видов преступления, в том числе в сфере экономики. Отсюда следует, что методы борьбы с такими видами преступлений должны, как минимум, соответствовать их уровню развития, а в идеале даже быть гораздо более совершенными и профессиональными. На обеспечение эффективности указанных методов должны направляться новейшие достижения в сфере информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта, опережающие темпы развития которых позволят внедрить в правоохранительную деятельность автоматизированные инструменты мониторинга и анализа, способные обнаруживать и выявлять криминальные аномалии и эффективно противодействовать экономической преступности.

Список литературы

1. Иванов Д. А., Сачек А. М. Предотвращение преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, с использованием информационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 76–80.

2. Горбунова Е. Ю. Развитие информационных технологий и нормативного регулирования цифровой среды как факторы, способствующие совершению преступлений в сфере экономической деятельности // Противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий:

сборник статей по материалам научно-практической конференции (III школы семинара молодых ученых-юристов), г. Москва, 11 ноября 2020 г. / под ред. В. В. Казакова. М. : МФЮА. 2021. С. 68–73.

3. Бородин Д. А. О некоторых факторах, способствовавших совершению кибермошенничеств, и их влиянии на способы совершения данных преступлений // Противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий... С. 41–50.

4. Сабельникова Г. С. Киберпреступность в банковской сфере. Тенденции и особенности расследования // Противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий... С. 173–179.

5. Кащеева К. С. Кибермошенничество: характеристика и способы // Противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий... С. 88–93.

6. Даниленко Ю. А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 232–240.

Калининская Я. С.¹,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВОЗВРАЩЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН СНГ

Охрана культурных ценностей представляет собой комплекс правовых, организационных, финансовых, материально-технических и информационных мер. Реализация мер осуществляется посредством различных программ и мероприятий. Правовые меры, входящие в этот комплекс, включают в себя, помимо прочих, и уголовно-правовые нормы. В данной статье будут проанализированы нормы российского уголовного права, а также Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, содержащие описание состава невозвращения на территорию государства культурных ценностей.

Нормы, содержащие запрет на совершение незаконных действий в отношении культурных ценностей, содержатся в разных разделах и главах УК РФ. В зависимости от содержания объективных признаков составов преступлений эти преступления отнесены законодателем к преступлениям в сфере экономики, а также преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. Таким образом, исходя из занимаемого места в структуре российского уголовного закона, их родовой объект определяется как общественные отношения в сфере экономики и в сфере общественной безопасности.

Конкретизируя или сужая круг общественных отношений, терпящих ущерб при совершении преступлений, посягающих на культурные ценности, необходимо отметить, что к таким отношениям следует отнести общественные отношения, складывающиеся в сферах собственности, экономической деятельности и общественной нравственности. Эти отношения составляют видовой объект преступлений рассматриваемого вида. При конструировании аналогичного уголовно-правового запрета такой подход применен и законодателями некоторых стран СНГ, например, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Таджикистан.

Преступления в сфере экономической деятельности, являясь одним из видов преступлений в сфере экономики, к которому непосредственно и относится невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей, имеют достаточную распространенность. Так, согласно статистическим сведениям, в 2022 г. число лиц, осужденных за совершение преступлений в указанной выше сфере (по основной статье) составило 9841 чел., в 2023 г. – 11071 чел., в 2024 г. – 10754 чел. Однако статистические сведения, отражающие число лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ за

¹ © Калининская Я. С., 2025.

период с 2015 до 2024 г., свидетельствуют о том, что за десятилетний период ни одно лицо не было осуждено за невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей [1]. В 2019 г. Пресненский районный суд г. Москвы вынес оправдательный приговор в отношении К., которая обвинялась по ч. 3 ст. 190 УК РФ (невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей, совершенное организованной группой), поскольку в действиях обвиняемой отсутствовал состав преступления. В суде было установлено, что 30 сентября 2010 г. К. подала декларацию на временный вывоз из Российской Федерации шестнадцати православных икон XVI–XVIII вв. с целью их отправки на выставку в США. В ноябре 2015 г. срок временного вывоза истек, однако иконы не были возвращены. К. при этом никак не могла повлиять на решение американской стороны о невозврате икон в заранее обговоренный срок. Кроме того, она предпринимала попытки для решения этой ситуации, что в конечном итоге привело к возвращению икон на территорию Российской Федерации летом 2016 г. [2].

Рассмотренный выше пример правоприменительной практики в достаточной мере иллюстрирует, что помимо общественных отношений в сфере экономической деятельности, при невозвращении культурных ценностей на территорию Российской Федерации ущерб претерпевают и общественные отношения, складывающиеся по поводу сохранения культурных ценностей Российской Федерации. Эти общественные отношения составляют дополнительный непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ.

Обязательным признаком объекта рассматриваемого преступления является предмет преступления. Согласно ст. 5 ФЗ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 (в ред. от 04.08.2023 г.) это движимые предметы материального мира, независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение.

Объективная сторона преступления выражается в совершении общественно опасного деяния в форме бездействия. Оно заключается в невыполнении возложенных на лицо обязанностей по возвращению в установленный срок на территорию Российской Федерации культурных ценностей. При этом, согласно ст. 5 ФЗ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» под временным вывозом культурных ценностей понимается их перемещение из Российской Федерации в иностранные государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, с обязательством их обратного ввоза в установленный срок.

Состав по конструкции объективной стороны – формальный. Преступление окончено с момента фактического невозвращения на территорию Российской Федерации ценностей по истечении установленного срока. Срок устанавливается в заключении (разрешительном документе). Согласно ФЗ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» предельный срок временного вывоза культурных ценностей составляет пять лет.

Субъективная сторона невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей характеризуется виной в форме прямого умысла. Причины невозвращения культурных ценностей должны быть неуважительными. При доказанности умысла виновного на завладение ценностями с корыстной целью, возникшего до момента их вывоза, действия следует рассматривать как хищение.

Субъект преступления – специальный. Ответственности подлежит физическое лицо, достигшее шестнадцати лет, на которое в соответствии с законодательством возложена обязанность возвратить на территорию Российской Федерации указанные ценности. Ответ на вопрос о том, относится ли к «специализирующим» субъекта обстоятельствам возложение на него специальной обязанности, нарушение которой и вменяется ему в качестве признака состава, особенно важен для тех случаев, когда признаки специального субъекта прямо в законе не названы. Исходя из приведенного понятия специального субъекта как носителя специальной обязанности, нарушение (неисполнение) которой предусмотрено в качестве признака объективной стороны преступления, следует признать специальным субъект рассматриваемого преступления. То есть преступления, объективная сторона которого заключается полностью либо частично в нарушении адресованных субъектам специальных правил, установленных законодательством позитивного регулирования [3].

Это может быть физическое или юридическое лицо (собственник культурных ценностей и уполномоченное им лицо, а также руководители юридического лица, осуществляющего вывоз культурных ценностей).

В законодательстве стран СНГ уголовно-правовой запрет на невозвращение культурных ценностей на территорию государства имеет как ряд схожих черт, так и некоторые отличительные признаки. Незначительные отличия, касающиеся в основном использования различных терминов, встречаются в соответствующих нормах УК Армении, Беларуси и Таджикистана. Например, в армянском уголовном законе (ст. 215.2 УК) предусмотрена ответственность за невозвращение в установленный срок культурных ценностей, зарегистрированных или подлежащих регистрации в охранном списке культурных ценностей, вывезенных из Армении, если их возвращение является обязательным по закону Республики [4]. Данная норма содержится в гл. 22 разд. 8 УК Армении «Преступления, направленные против собственности, экономики и экономические преступления против собственности».

В белорусском уголовном кодексе наказуемым является умышленное невозвращение в установленный срок на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством Республики Беларусь (ст. 230 УК РБ) [5]. Данное преступление отнесено законодателем к преступлениям против собственности и порядка осуществления экономической деятельности (разд. 8 УК РБ) и преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности (гл. 25 УК РБ). Особенностью является прямое указание на умышленную форму вины.

По УК Таджикистана установлена ответственность за невозвращение в установленный срок на территорию Республики Таджикистан предметов художественного, исторического или археологического достояния народов Республики Таджикистан и зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законами Республики Таджикистан [9]. Названия раздела и главы при этом полностью совпадают с названиями соответствующих раздела и главы российского уголовного закона.

Наиболее существенные отличия в законодательном определении признаков рассматриваемого состава преступления и его места в структуре уголовного закона характерны для уголовного закона Республики Казахстан. Так, в гл. 7 «Уголовные правонарушения против собственности» содержится ст. 203, предусматривающая в ч. 1 ответственность за умышленное уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. В ч. 1–1 предусмотрена ответственность за незаконный вывоз культурных ценностей и объектов национального культурного достояния за пределы Республики Казахстан или их невозврат в Республику Казахстан [10]. Таким образом, относительно данной нормы видовой объект преступления следует обозначить как общественные отношения в сфере собственности, а не в сфере экономической деятельности, как это определено для рассматриваемого преступления по российскому, армянскому, белорусскому и таджикскому уголовному праву.

Помимо вышеуказанных сходных и отличительных признаков составов преступлений, считаем целесообразным привести анализ санкций анализируемых норм и определить категории преступлений.

В российском уголовном законе за невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей предусмотрены следующие виды наказания: принудительные работы на срок до пяти лет; лишение свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового. Данное преступление относится к категории тяжких преступлений. В армянском уголовном законе предусмотрено наказание в виде лишения свободы максимум на пять лет. Данное преступление относится к категории средней тяжести (ч. 2 ст. 19 УК РА). В белорусском уголовном законе предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, ограничение свободы на срок от трех до пяти лет или лишение свободы на срок до семи лет со штрафом или без штрафа. Преступление относится к категории тяжких (ч. 4 ст. 12 УК РБ). Наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет предусмотрено в таджикском уголовном законе, преступление относится к категории средней тяжести (ч. 3 ст. 18 УК РТ). Уголовным законом Республики Казахстан предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет. Рассматриваемое преступление относится к категории тяжких (ч. 4 ст. 11 УК РК).

Категоризация преступлений является фундаментом, на котором строится жесткая структура других важнейших институтов уголовного права и система уголовно-правовых последствий, применяемых в соответствии с законом к лицам, совершившим преступление той или иной тяжести [11]. Законодателем таких стран СНГ, как Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, общественная опасность невозвращения на территорию государства культурных ценностей оценена достаточно высоко. Эти преступления отнесены к категории средней тяжести и категории тяжких преступлений.

По нашему мнению необходимо более четко отразить все признаки этого деяния в соответствующей статье Модельного УК стран СНГ, чтобы более точно квалифицировать преступления, связанные с невозвращением на территорию государства культурных ценностей.

Список литературы

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>.
2. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20190204/294599469.
3. Яни П. С. Преступное нарушение обязанности как признак специального субъекта // Законность. 2023. № 8. СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Республики Армения // Национальное Собрание Армении. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus>.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#sub_id=29000000.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=20300000.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.
9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#sub_id=29000000.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=20300000.
3. Кадников Н. Г., Дайшутов М. М. К вопросу о категоризации преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 57.

Суворова И. В.¹,
*преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЦЕЛЬЮ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВОМ

Изготовление, хранение, перевозка и сбыт поддельных денег – преступление с многовековой историей. На разных этапах развития общества это преступление приобретало разные формы, но всегда относилось к категории особо опасных, а потому вопрос борьбы с ним является актуальным и наиболее важным.

По данным статистики ГИАЦ МВД России, за январь–декабрь 2024 г. было выявлено 8240 поддельных банкнот [8]. Несмотря на то, что за последние годы количество совершенных по данной статье преступлений снизилось, соотношение выявленных и раскрытых преступлений за рассматриваемый период характеризуется как низкий показатель. Причина заключается в самой сущности способа совершения преступления. Изучение практики расследования уголовных дел показывает, что в данной сфере увеличивается число преступлений, совершаемых с использованием более современной компьютерной техники и оборудования. Сложности выявления поддельных денег имеются у торговых организаций, банков и других финансовых структур. Кроме этого, существуют проблемы в организации раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений, которые так же влияют на качество и своевременность расследования.

Одной из мер преодоления является использование специальных знаний в ходе расследования данной категории уголовных дел.

Рассматривая проблему преодоления противодействия расследованию, А. Ф. Волынский и В. П. Лавров обращают внимание на то, что «направление деятельности следователя и принимаемые им меры по преодолению противодействия должны отвечать требованиям плановости, комплексности, индивидуальности и носить упреждающий характер с учетом специфики конкретных приемов противодействия» [2].

Проблеме противодействия расследованию были посвящены работы известных ученых-криминалистов Р. С. Белкина, В. Н. Карагодина, С. Ю. Журавлева, А. Н. Петрова, Н. П. Яблокова и др. Многие из них включали в понятие противодействия такие его формы, как сокрытие преступления, утаивание, уничтожение и маскировку или фальсификацию следов.

В целях оказания противодействия расследованию преступники воздействуют на материальные следы преступления, что, как правило, соотносится со способом сокрытия преступления. К этой группе способов противодействия относятся утаивание, уничтожение и маскировка. При этом отмечается, что они осуществляются посредством сокрытия предмета преступного посягательства,

¹ © Суворова И. В., 2025.

вещественных доказательств, денег и ценностей, нажитых преступным путем и использования специальных укрытий и тайников, а также придание одним предметам вида других и т. п. В связи с этим на практике возрастает потребность в тщательной подготовке к проведению таких неотложных следственных действий, как осмотр, обыск, выемка, назначение экспертиз.

Объектами следственного осмотра при расследовании данного вида преступлений являются: место изготовления, хранения поддельных купюр (оборудования и принадлежностей для их изготовления); место обнаружения поддельных денег; место сбыта поддельных денег; жилище, в котором подозреваемый проживал или временно находился. К числу искомых и осматриваемых объектов относится оборудование, принадлежности и материалы, с помощью которых изготавливались поддельные денежные знаки; предметы, транспортные средства, использовавшиеся в качестве тайников для транспортировки поддельных денежных знаков. Особого подхода к осмотру требуют обнаруженные поддельные деньги или ценные бумаги. Следует обратить внимание на тщательность упаковки изъятых в упакованном виде поддельных денег и ценных бумаг, чтобы исключить к ним несанкционированный доступ и сохранить для последующего экспертного исследования.

Как показывает практика, лучший результат осмотра места преступления и обыска дает участие специалиста-криминалиста и других специалистов [1, с. 15–22], хорошо знающих способы подделки денежных знаков и ценных бумаг. Приоритет отдается такому виду осмотра, как осмотр предметов и документов. Понятие «следственный осмотр предметов и документов» в следственной практике активно используется и представляет собой непосредственное исследование и фиксацию особенностей осматриваемых предметов, документов и отобразившихся на них признаков воздействия и следов, имеющих значение для расследуемого уголовного дела. При следственном осмотре необходимо также соблюдать меры предосторожности, исключающие повреждение поддельных документов и уничтожение на ней следов пальцев рук, поскольку таковые являются вещественными доказательствами по делу. Большое значение отводится осмотру компьютера, сканера и принтера, и другого компьютерного оборудования, с помощью которых изготавливаются почти 90 % поддельных денег.

На первоначальном этапе раскрытия и расследования изготовления, приобретения, хранения, транспортировки с целью использования или сбыта, а также сбыта поддельных денег и ценных бумаг, а также неправомерного оборота средств платежей, одним из эффективных следственных действий является выемка документов, о необходимости проведения которой на начальном этапе расследования, писал в своей работе К. Д. Муратов [5].

Традиционно в криминалистической литературе подготовку к таким следственным действиям, как осмотр, обыск, подразделяют на две стадии: до выезда на место и по прибытии на место. В каждой из этих стадий можно условно выделить следующие группы мероприятий, относящихся к подготовке.

Мероприятия, направленные на информационное обеспечение следователя. В эту группу входит первичная информация о происшествии, информация, полученная из материалов предварительной проверки и уголовного дела. При ре-

шении вопроса о возбуждении уголовного дела при выявлении факта фальшивомонетничества следователь определяет дальнейшую программу расследования в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

При выявлении поддельных денежных знаков в торговом предприятии или в банковском учреждении в процессе сортировки денежной наличности, определяющими будут первоначальные следственные действия, направленные на поиск материальных следов. Это осмотр выявленных поддельных купюр и предметов, обнаруженных в ходе осмотра или личного обыска задержанного, осмотр жилых и служебных помещений, где обнаружены фальшивые купюры, осмотр мест сбыта фальшивок на предприятиях торговли и в сфере услуг, выемка документов. Большое значение отводится осмотру компьютера, сканера, принтера и другого компьютерного оборудования, с помощью которых изготавливаются почти 90 % поддельных денег [7, с. 80–82].

Мероприятия по процессуальному обеспечению проведения осмотра в жилище и обыска связаны с обеспечением прав и законных интересов лиц, у которых будут проводиться такие следственные действия. В связи с дефицитом времени и опасности утраты следов неотложные следственные действия проводят по постановлению следователя с последующим уведомлением суда об их производстве.

К производству выемки документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных учреждениях, охраняемую в режиме банковской тайны, предъявляются дополнительные процессуальные требования. В данном случае следственное действие производится исключительно на основании судебного решения, принятого в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. При получении судебного разрешения последующая процедура выемки осуществляется по общим правилам. В ходе изъятия документов, содержащих сведения, охраняемые законом, присутствие работника организации и понятых обязательно.

Приоритет отдается такому виду осмотра, как осмотр предметов и документов. При следственном осмотре необходимо также соблюдать меры предосторожности, исключающие повреждение поддельных документов и уничтожение на ней следов пальцев рук, поскольку они являются вещественными доказательствами по делу. Содержательная сторона подготовительной стадии обыска определяется тем, к какой группе вербальных или невербальных относится данное следственное действие. Ряд ученых, таких как С. А. Шейфер [9, с. 41], В. А. Образцов [6, с. 2] и др., относят обыск к группе невербальных (нонвербальных) следственных действий, подготовка которых осуществляется с целью поиска материальных следов.

Как справедливо отмечает В. И. Комиссаров [4, с. 169], к подготовке такого невербального следственного действия, как обыск, могут относиться меры, обеспечивающие эффективность организации поисковых действий, тактически грамотное использование технико-криминалистических приемов по выявлению, изучению и фиксации материальных следов и применение психологических приемов воздействия на обыскиваемых.

Мероприятия материально-технического обеспечения осмотра и обыска – для повышения результативности осмотра фальшивых купюр и обыска следователю и специалисту рекомендовано использовать следующие приборы: детекторы подлинности купюр, различные осветители, средства измерения и дополнительной фиксации (видео и фотосъемка) [7, с. 80].

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что тщательная, последовательная, грамотная подготовка следователя к проведению следственных действий способствует преодолению противодействия участников при расследовании уголовных дел, связанных с фальшивомонетничеством.

Список литературы

1. Белкин А. Р. Осмотр и освидетельствование, как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. № 2. М. : Юрист. 2015. С. 15–22.
2. Волынский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. Материалы научно-практической конференции (29–30 октября 1996 г., г. Руза). М. : ЮИ МВД России, 1997. С. 93–99.
3. Иванова Е. А. Характеристика личности, совершающей экономические преступления // Вестник ТИУиЭ. 2 015. № 2 (22). С. 57–60.
4. Комиссаров В. И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М. : Юрлитинформ, 2009.
5. К. Д. Муратов Особенности правового регулирования ВЫЕМКИ И формирования вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве (сравнительно-правовой аспект) // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 1. С. 35–39.
6. Образцов В. А. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. М. : Юрист, 1999.
7. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц : монография / под ред. И. Г. Смирнова. М. : Юрлинформ. 2016.
8. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/>.
9. Суворова И. В. Некоторые аспекты подготовки к производству следственных действий // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р. С. Белкина) : сборник материалов 53-х криминалистических чтений : в 3 ч. М. : Академия управления МВД России, 2012. Ч. 2. С. 174–180.
10. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004.

*Зверев А. А.¹,
адвокат Московской
коллегии адвокатов «3105»*

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современный этап развития общественных отношений характеризуется интенсивной цифровизацией всех сфер жизни общества, что оказывает значительное воздействие на экономическую сферу. Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) интегрировались в глобальную экономику и стали ключевым фактором для внедрения инноваций, оптимизации бизнес-процессов и разработки принципиально новых продуктов.

Однако данная цифровая среда также создает благоприятные условия для возникновения новых форм преступной деятельности, особенно в сфере экономической деятельности. Применение ИКТ придает таким преступлениям качественно новые характеристики, что существенно увеличивает их общественную опасность. Ущерб, причиняемый преступлениями, подрывает экономическую безопасность государства, дестабилизирует рыночные механизмы и негативно сказывается на благосостоянии граждан и субъектов предпринимательской деятельности.

С учетом изложенного исследование особенностей квалификации преступлений, совершаемых с использованием ИКТ в экономической сфере, приобретает стратегическое значение для развития правоприменительной практики, фактором устойчивого развития и защиты экономических интересов общества.

Анализ актуальных статистических данных свидетельствует о высокой динамике роста преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности, предусмотренных ст.ст. 158, 159, 159.3 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Так, по итогам 2024 г. зарегистрировано более 485 000 подобных преступных деяний, что демонстрирует устойчивый рост по сравнению с 2023 г., когда их число составляло 470 000.

Масштабность данной криминальной деятельности подтверждается значительным объемом причиненного ущерба. Совокупный ущерб, нанесенный в результате так называемых дистанционных хищений за 2024 г. превысил 197,5 млрд руб., тогда как в 2023 г. эта сумма составляла 133 млрд руб. Данный показатель подчеркивает не только финансовые потери, но и системное дестабилизирующее воздействие на экономическую безопасность государства и граждан.

Данные Центрального банка Российской Федерации также коррелируют с указанной тенденцией, демонстрируя существенный рост объема незаконных операций. В 2024 г. количество таких операций без добровольного согласия

¹ © Зверев А. А., 2025.

клиентов возросло на 74,4 % по сравнению с предыдущим годом, достигнув 119 млн транзакций на общую сумму 27,5 млрд руб. Это свидетельствует о возрастающей уязвимости финансовой системы к противоправным посягательствам [1].

Одним из ключевых факторов, детерминирующих устойчивый рост дистанционных хищений, является активное вовлечение в криминальные схемы лиц, выступающих в качестве так называемых дропов (держателей электронных средств платежа). Эти лица целенаправленно открывают на свое имя платежные карты, электронные кошельки и банковские счета с последующей их передачей или предоставлением доступа к ним третьим лицам за денежное вознаграждение. Данные средства платежа используются для неправомерного приема, перевода, выдачи и (или) получения наличных денежных средств, похищенных у потерпевших.

Подобная деятельность способствует формированию на территории Российской Федерации теневого рынка электронных средств платежа. Функционирование такого рынка не только обеспечивает возможность оперативного вывода похищенных у граждан денежных средств из легального оборота, но и создает условия для их последующей легализации (отмывания), существенно затрудняя процесс отслеживания и пресечения криминальных финансовых потоков правоохранительными органами [1].

Существенные сложности в правоприменительной практике вызывают вопросы квалификации по ст. 187 УК РФ и смежным составам, что снижает профилактический эффект от данной нормы.

В доктрине уголовного права и правоприменительной практике наблюдается неоднозначность в квалификации деяний, связанных с учреждением фиктивных юридических лиц (так называемых фирм-однодневок) с последующей целью осуществления неправомерного оборота электронных средств платежа. Ряд судебных решений, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, квалифицируют такие действия по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 187 и ст.ст. 173.1 или 173.2 УК РФ [2, с. 14].

Вместе с тем в правоприменительной практике встречаются решения, в которых создание юридического лица без намерения осуществлять фактическое руководство или предпринимательскую деятельность рассматривается как элемент единого преступного умысла, направленного на неправомерный оборот средств платежа, и квалифицируется исключительно по ст. 187 УК РФ [3], как продолжаемое преступление.

Представляется, что подобный подход является ошибочным. Квалификация деяния как продолжаемого преступления предполагает наличие тождественности всех составляющих его преступных деяний, объединенных единым умыслом и способом совершения [4]. Однако в случае с созданием фиктивного юридического лица (особенно когда оно осуществляется номинальным руководителем) изначально причиняется вред общественным отношениям, обеспечивающим установленный порядок образования и деятельности юридических лиц [5]. Тогда как последующие действия, связанные с неправомерным оборотом электронных средств платежа, обладают иной правовой природой и характером, по-

сягая на общественные отношения, формирующие стабильность кредитно-денежной системы Российской Федерации.

Следовательно, в данном случае признак тождественности отсутствует, и, как представляется, корректной и соответствующей правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации является квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ и ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ. Помимо прочего, подобная квалификация обусловлена и криминологически, поскольку адекватно отражает совокупную степень общественной опасности совершенных деяний и создает правовые предпосылки для назначения соразмерного, более строгого уголовного наказания.

В свете изложенного необходимо внесение соответствующих разъяснений по данному вопросу в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на унификацию правоприменительной практики и исключение ошибочных толкований.

В настоящее время актуализируется проблема конкуренции норм, предусмотренных ст.ст. 187 и 172 УК РФ, чему способствует проект вышеназванного федерального закона, который вносится Правительством Российской Федерации, по внесению изменений в ст. 187 УК РФ, где в диспозиции указывается о возможности привлечения по данной статье при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

В научных исследованиях и правоприменительной практике отмечается широкое распространение квалификации деяний по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 172 и 187 УК РФ [6, с. 38]. В качестве наиболее типичных примеров данного подхода можно привести случаи занятия незаконной банковской деятельностью через подставных лиц, сопряженные с незаконным образованием юридического лица, а также использование поддельных платежных поручений и денежных чеков для осуществления неправомерных операций по приему, выдаче, переводу денежных средств кредитно-финансовыми учреждениями в безналичной форме со счетов подконтрольных субъектов [7].

Вместе с тем, следует отметить наличие и противоположных способов квалификации, когда ст. 187 УК РФ исключалась из объема обвинения, что было характерно для периода действия редакции статьи до внесения изменений в 2015 г. Действующая редакция ст. 187 УК РФ, введенная в 2015 г., значительно расширила сферу своего действия, охватывая, в том числе, изготовление поддельных платежных документов в целях их использования. В связи с этим, согласно обоснованной позиции ряда исследователей, указанное деяние образует идеальную совокупность преступлений со ст. 172 УК РФ [8, с. 60]. Представляется, что данный подход, безусловно, способствует повышению превентивного потенциала уголовно-правовых мер, направленных на противодействие неправомерному обороту средств платежа, что обусловлено возможностью назначения более строгого наказания по совокупности преступлений по сравнению с квалификацией деяния как единичного.

С учетом позиции, высказанной Председателем Следственного комитета Российской Федерации, по поводу дропперов, о том, что «если мы доказали, что это мошенничество с участием соисполнителей, которые так или иначе реа-

лизуют преступный замысел, наступает ответственность при значительном ущербе и для несовершеннолетних» [9]. В связи с этим актуальность приобретает вопрос уголовно-правовой квалификации деяний, подпадающих под диспозицию ст. 187 УК РФ, при совершении хищений чужого имущества, в частности мошенничества и иных форм хищения, что нашло свое отражение и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в частности, в п. 18 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 [10].

Криминализация деяний, обозначенных в ст. 187 УК РФ, совершенных с целью последующего использования электронных средств платежа для хищений (предусмотренных ст.ст. 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ), даже если сами хищения не были доведены до конца по независящим от субъекта причинам (т. е. на стадии покушения), представляется полностью оправданной. Это обеспечивает объективную уголовно-правовую оценку, учитывая, что все признаки объективной стороны состава преступления по ст. 187 УК РФ в таких случаях уже реализованы.

Вместе с тем п. 18 вышеупомянутого постановления Пленума демонстрирует существенный пробел в регламентации случаев, когда хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием было окончено, а также в случае квалификации того или иного вида хищения по ч. 3 ст. 30 УК РФ. Данное обстоятельство обуславливает правовую неопределенность в правоприменительной практике, что нередко приводит к ошибочному толкованию о невозможности квалификации по ст. 187 УК РФ в случае оконченого хищения [11].

В науке обращается внимание на то, что использование заведомо подложных предметов преступления образует объективную сторону как в ст. 187 УК РФ, так и в ст. 327 УК РФ. В связи с этим традиционно отмечается соотношение данных норм как специальной (ст. 187 УК РФ, регулирующая неправомерный оборот средств платежа) и общей (ст. 327 УК РФ, касающаяся подделки официальных документов) [2, с. 16]. Указанный подход, используемый в науке, коррелирует и с материалами судебной практики [11], где принцип соотношения специальной и общей нормы обуславливает применение положений п. 7 обозначенного выше постановления Пленума № 48 для целей квалификации хищений. В данном пункте прямо указывается на необходимость квалификации оконченого хищения чужого имущества или покушения на него (ч. 3 ст. 30 УК РФ) по совокупности со ст. 327 УК РФ.

В связи с этим представляется настоятельно необходимым имплементировать положения, предусмотренные в абз. 1 и 3 п. 7 постановления Пленума № 48, в п. 18 применительно к ст. 187 УК РФ. Подобное дополнение позволит существенно повысить правовую определенность данной нормы и создать эффективные условия для предупреждения неправомерного оборота электронных средств платежа в случаях формирования умысла на совершение хищения чужого имущества в различных его формах.

В результате проведенного исследования установлено, что анализ проблем квалификации деяний, предусмотренных ст. 187 УК РФ, а также их отграничения от смежных составов преступлений, выявляет существенные трудности. Основной причиной данной ситуации является отсутствие специальных право-

вых позиций (разъяснений) Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации по указанной статье, что приводит к необходимости судам прибегать к толкованию по аналогии, перенося правовые позиции, сформулированные Пленумом для иных, хотя и схожих, составов преступлений. Подобная неоднородность судебной практики неизбежно порождает правовую неопределенность и подрывает эффективность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере неправомерного оборота средств платежей.

Список литературы

1. Паспорт законопроекта № 909076-8 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8#bh_note/.

2. Решняк О. А., Лихолетов А. А., Евлушина Д. Н. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград : ВА МВД России, 2024.

3. Приговор Ленинского районного суда города Пензы от 12 февраля 2025 г. по делу № 1-63/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Российская газета. 2023. 22 декабря (№ 291).

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2019. С. 466, 469, 516.

2. 6 Гладких В. И. Незаконная банковская деятельность (ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации): теория и практика применения // Банковское право. 2021. № 5. С. 38–44.

1. Приговор № 1-327/2019 от 20 сентября 2019 г. по делу № 1-327/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/OTD8DSnGOtxy/.

2. Согоян В. Л., Самойлова Ю. Б. Незаконный оборот средств платежей: специфика применения нормы // Уголовный процесс. 2024. № 4 (232). С. 54–61.

3. Совещание с членами Правительства. Официальный сайт Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76409/>.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. 2017. 11 декабря (№ 280).

4. Приговор Свердловского районного суда города Костромы от 8 октября 2021 г. № 1-307/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Бу Тхи Тхуи¹,
аспирант
Юридического института
Ханойского государственного университета

ТЕНДЕНЦИЯ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА: СУЖЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ

Смертная казнь является самым суровым видом наказаний в системе наказаний, демонстрирующим полномочие верховной власти государства наказывать за особо тяжкие преступления. Вместе с тем в современных условиях многие страны пересматривают подход к применению этого наказания, особенно за ненасильственные, в том числе экономические преступления. Социалистическая Республика Вьетнам (далее – СРВ) следует этой тенденции, постепенно изменяя уголовную политику в сторону гуманизации, в соответствии с взятыми международными обязательствами в области прав человека. В уголовной системе Вьетнама смертная казнь считается самым суровым видом наказаний, однако по мере развития общества, повышения правосознания и необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина уголовная политика все больше склоняется к снижению фактов применения смертной казни.

В СРВ общая тенденция гуманизации уголовного права была наглядно продемонстрирована в Уголовном кодексе 2015 г. (далее – УК Вьетнама), отменившем смертную казнь за многие преступления, при этом предусмотревшем положения об освобождении от смертной казни, обстоятельства, смягчающие наказание или вовсе освобождающие от него. Работа в данном направлении продолжается. Так Министерством общественной безопасности Вьетнама представлено предложение об отмене смертной казни за ряд преступлений, в том числе за *производство и торговлю фальсифицированными продуктами питания, товарами первой необходимости, лекарственными средствами и профилактическими средствами*» (ст. 194), несмотря на то, что экономические преступления, посягающие на порядок управления в экономике, по-прежнему опасны для общества, однако в большинстве случаев не наносят прямого вреда жизни человека.

Продолжающаяся практика применения смертной казни за некоторые преступления в этой области вызывает многочисленные споры о ее необходимости, эффективности и соответствии международным обязательствам, участием которых является СРВ.

Правовая основа смертной казни в уголовном праве Вьетнама. Согласно классической теории, наказание имеет три основные функции: порицание, предупреждение и исправление. При этом смертная казнь представляет собой меру, не влекущую применения каких-либо иных функций в последующем. Однако современные теории (к примеру, теория восстановительного правосудия) показыва-

¹ © Бу Тхи Тхуи, 2025.

ли, что смертная казнь не обеспечивает такого высокого предупредительного эффекта, как другие наказания, к тому же несет в себе риск судебной ошибки.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), участником которых является СРВ, подтверждают право на жизнь как наивысшее право. Статья 6 МПГПП призывает государства-участники двигаться в направлении снижения применения смертной казни и не применять ее к нетяжким преступлениям. В этом контексте сохранение смертной казни за такие преступления, как хищение или взяточничество, которые напрямую не угрожают жизни, становится нецелесообразным. Согласно ст. 40 УК Вьетнама смертная казнь применяется только в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, относящиеся к одной из следующих групп преступлений: посягательство на государственную безопасность, посягательство на жизнь человека, наркопреступления, коррупция и ряд других особо тяжких преступлений, предусмотренных Кодексом.

Причины отмены смертной казни за некоторые экономические преступления. Во-первых, это соответствует тенденции гуманизации современного уголовного права. Одной из важных тенденций современной уголовной политики является продвижение гуманных ценностей, направленных на социальную реинтеграцию лиц, совершивших преступления. Смертная казнь, лишаящая людей права на жизнь, все чаще рассматривается как противоречащая этому принципу. В этом контексте сохранение смертной казни за преступления, которые напрямую не посягают на жизнь человека, не соответствует современной уголовной политике. Отмена смертной казни за некоторые преступления, такие как «*производство и торговля фальсифицированными продуктами питания, продуктами питания, лекарственными средствами и профилактическими средствами*» (ст. 194 УК Вьетнама), демонстрирует возможность применять другие суровые наказания, такие как пожизненное заключение, в сочетании с дополнительными наказаниями.

Во-вторых, смертная казнь за подобные преступления больше не является практическим сдерживающим фактором. Практика показывает, что применение смертной казни не всегда достигает желаемого эффекта. Преступления в таких сферах, как производство поддельных лекарств, контрабанда и мошенничество, имеют сложный механизм совершения. Во многих случаях преступники готовы пойти на риск ради получения большой выгоды. Переход от смертной казни к другим суровым наказаниям, таким как пожизненное заключение без права на условно-досрочное освобождение, все еще может обеспечить необходимый превентивный эффект, не нарушая при этом права на жизнь, но при этом увеличивая возможности государства по возврату похищенного и устранению преступных последствий.

В-третьих, цель снижения применения смертной казни – наличие риска неправомерного осуждения. Неоспоримым фактом является то, что на практике правоприменителями совершаются ошибки, особенно при расследовании и рассмотрении в суде сложных экономических дел, требующих высокой квалификации следователей, прокуроров и судей. Отмена смертной казни помогает правовой системе лучше обеспечивать реализацию презумпции невиновности и в то же время создает более гибкий механизм для последующего снижения ошибок.

В-четвертых, реализация взятых международных обязательств в области прав человека. Вьетнам является участником многих международных договоров в области прав человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах. В условиях глубокой международной интеграции сохранение смертной казни за экономические преступления в СРВ может встретить непонимание со стороны правозащитных организаций, что повлияет на национальный имидж и возможность дальнейшего участия в международных соглашениях.

К видам экономических преступлений, за которые предлагается отменить смертную казнь, относятся следующие. Во-первых, преступление, связанное с производством и торговлей фальсифицированными продуктами питания, лекарственными средствами и средствами профилактики заболеваний (ст. 194 УК Вьетнама), предусмотренное гл. XVII «Преступления против управления экономикой» УК Вьетнама. Преступное поведение часто носит организованный характер, имеет корыстные мотивы и может иметь серьезные последствия для общественного здравоохранения. Смертная казнь предусмотрена за деяние, регламентированное ч. 4 ст. 194 УК Вьетнама, если преступник: незаконно получает прибыль в размере одного млрд донгов или более, причинил смерть двум или более людям или причинил особо тяжкий вред здоровью 100 или более людям и т. д.

Однако когда вьетнамские законодатели обосновывали свое предложение об отмене смертной казни за данное преступление, они заявили о необходимости внесения в доход государства активов из незаконной предпринимательской деятельности, что в большей степени принесет пользу, чем лишение жизни человека. Применение пожизненного лишения свободы в сочетании с дополнительными видами наказания, такими как запрет заниматься определенным видом деятельности и конфискация имущества, как представляется, носит положительный эффект. С другой стороны, лишь в некоторых странах по-прежнему сохраняется смертная казнь за аналогичные деяния, например, в Китае.

Во-вторых, некоторые деяния, связанные с «присвоением имущества путем обмана» в сфере экономики (ст. 174 УК Вьетнама). Многие случаи мошенничества совершаются в финансовой сфере и связаны с ценными бумагами и корпоративными облигациями.

Влияние отмены смертной казни на профилактику и борьбу с экономическими преступлениями. Во-первых, повысится эффективность исполнения применения наказаний. В судебной практике исполнение смертной казни зачастую сталкивается со многими правовыми и гуманитарными проблемами. Строгие требования, предъявляемые к доказательствам, и риск неправомерных осуждений создают в судебных разбирательствах по экономическим делам излишнее напряжение. Отмена смертной казни и замена ее на пожизненное лишение свободы обеспечит быстроту, справедливость и прозрачность уголовного судопроизводства, а значит, и укрепит доверие граждан к судебной системе, особенно по сложным экономическим делам.

Во-вторых, расширится возможность возврата активов и устранения последствий преступных деяний. Сохранение смертной казни за экономические преступления часто приводит к тому, что обвиняемые не сотрудничают с пра-

воохранительными органами, поскольку считают, что их шансы на реабилитацию крайне низки. Между тем, если будет применен механизм смягчения наказания (например, неприведение в исполнение смертной казни при добровольном устранении последствий, возврате имущества, ином заглаживании вреда и т. д.), это будет стимулировать преступников к активному возврату незаконно присвоенного имущества, содействию расследованию и минимизации причиненного ущерба. С точки зрения экономической и уголовной ответственности это более разумный подход, помогающий государству повысить возможность возврата утраченных активов и ограничить судебные издержки.

В-третьих, снизится психологическое давление и нагрузка на судебную систему. Уголовные дела, предусматривающие смертную казнь, зачастую оказывают давление на следователей, прокуроров, судей, адвокатов и семьи обвиняемых. Учитывая характер экономических преступлений, которые зачастую сложны в доказывании, риск ошибки всегда присутствует, а последствия смертной казни необратимы. Отмена смертной казни за эти преступления способствует снижению психологической нагрузки на правоприменителей и повышает обоснованность судебных решений, способствуя повышению качества деятельности правоохранительных органов.

В-четвертых, это продемонстрирует приверженность СРВ международной интеграции. Политика отмены смертной казни за экономические преступления соответствует целям международной правовой интеграции, особенно в контексте участия СРВ в соглашениях в области прав человека. Постепенное сокращение и в конечном итоге отмена смертной казни явится позитивным сигналом, демонстрирующим прогресс в построении правового государства, уважающего основные права и свободы человека в соответствии с международными стандартами.

Рекомендации и направления уголовной политики на перспективу. Во-первых, следует продолжить рассмотрение и всестороннюю оценку влияния экономических преступлений, за которые по-прежнему применяется смертная казнь. Оценка должна производиться на основе таких критериев, как реальный уровень опасности, социальные последствия, способность к преодолению последствий. Приоритет следует отдать отмене смертной казни за преступления, связанные с мошенничеством в сфере бизнеса, причинением смерти по неосторожности, а также с возможностью устранения последствий посредством применения мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, нужно реформировать уголовную политику, чтобы сделать ее более эффективной. Если отменить применение смертной казни к рассматриваемой группе преступлений, то вместо нее следует назначать виды наказаний хоть менее строгие, но наиболее суровые из системы наказаний. Например, это может быть:

- 1) замена смертной казни пожизненным лишением свободы;
- 2) обязательное назначение дополнительных наказаний, например, в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или конфискации имущества.

В-третьих, важно наладить механизмы возврата незаконно полученных активов и возмещения причиненного ущерба. Уголовная политика должна быть

экономически эффективной – направлена на более быстрый возврат незаконно полученных средств, сокращение потерь бюджета и минимизацию иных негативных последствий от совершенного преступления. Это особенно важно в борьбе с современными преступлениями в сфере экономики.

В-четвертых, уголовная политика должна соответствовать международным стандартам, включая договоры, которые подписал Вьетнам (например, МПГПП). Постепенный отказ от смертной казни за ненасильственные преступления, в том числе экономические, будет означать, что Вьетнам ответственно подходит к построению правового социалистического государства.

Сокращение случаев применения смертной казни за экономические преступления – неизбежный шаг в гуманизации уголовного права Вьетнама. Это логично с точки зрения прав человека, мировых тенденций и судебной практики. Например, представляется целесообразной отмена применения рассматриваемого вида наказания за производство и продажу поддельных продуктов питания, лекарств и медицинских средств. В экономике главное – практическая эффективность, а ее можно достичь только при условии эффективного регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Bộ luật Hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017) số 100/2015/QH13.
2. Trần Văn Biên, Đinh Thế Hưng. Bình luận khoa học Bộ luật Hình sự năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017), Nhà xuất bản Thế giới, năm 2017.
3. Liên Hợp quốc. Tuyên ngôn Quốc tế Nhân quyền năm 1948.
4. Liên Hợp quốc. Công ước Quốc tế về các Quyền Dân sự và Chính trị (ICCPR) năm 1966.

*Хоанг Ван Луан¹,
преподаватель кафедры юриспруденции
Академии Народной полиции СРВ,
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА (СТАТЬЯ 324 УК СРВ)

В условиях глобализации и экономической интеграции финансовая система становится все более сложной вследствие стремительного развития технологий и методов электронных транзакций. Это создает благоприятные условия для преступных организаций, использующих пробелы в системе для осуществления деятельности по отмыванию денежных средств – процесса конвертации незаконно полученных средств в чистые активы, предназначенные для законной предпринимательской деятельности. Согласно определению ФАТФ (2019), отмывание денежных средств – это «процесс преобразования или сокрытия происхождения незаконно полученных активов с целью создания видимости их законности». Это свидетельствует о том, что отмывание денежных средств представляет собой не только нарушение закона, но и серьезную угрозу прозрачности и устойчивости мировой финансовой системы [4].

Во Вьетнаме международная экономическая интеграция открыла широкие возможности для развития, но одновременно породила и ряд серьезных проблем в сфере предотвращения отмывания денежных средств. Исследования показывают, что рост объема международных транзакций в сочетании с развитием информационных технологий повысил риски отмывания денежных средств, что оказывает негативное влияние на экономическую безопасность и устойчивость финансовой системы. Деятельность по отмыванию денежных средств не только подрывает стабильность финансового рынка, но и способствует развитию других форм преступной деятельности, таких как коррупция, незаконный оборот наркотиков и терроризм, создавая серьезные угрозы для национальной экономики.

Кроме того, выявление и предотвращение отмывания денежных средств играет ключевую роль в обеспечении репутации и безопасности финансовых транзакций. Как отмечал Смит (2018): «Без жестких мер по борьбе с отмыванием денежных средств целостность финансовой системы окажется под серьезной угрозой» [5, 25]. Таким образом, изучение правовых аспектов отмывания денежных средств не только способствует повышению осведомленности государственных органов и общества, но и служит основой для формирования эффективной правовой политики, направленной на поддержание экономической стабильности и обеспечение национальной безопасности.

Согласно п. 1 ст. 6 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. отмывание денежных средств (легализация денежных средств, полученных преступ-

¹ © Хоанг Ван Луан, 2025.

ным путем) охватывает следующие действия Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.:

1) конвертация или перевод имущества, заведомо полученного в результате преступной деятельности, с целью сокрытия или утаивания его незаконного происхождения либо оказания помощи лицу, причастному к совершению основного преступления, в уклонении от юридической ответственности;

2) открытие или утаивание подлинной природы, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, права собственности или иных прав в отношении имущества, если известно, что оно является доходом от преступления[3]

3) отмывание денежных средств было впервые закреплено в Уголовном кодексе Вьетнама 19 июня 2009 г., когда Национальное собрание приняло Закон о внесении изменений и дополнений в ряд статей Уголовного кодекса 1999 г. В частности, ст. 251, ранее определявшая состав преступления как «легализацию денежных средств и имущества, полученных преступным путем», была пересмотрена и дополнена, в результате чего получила новое наименование – «отмывание денежных средств», что отразило более современный и международно признанный подход к квалификации данного вида правонарушений.

Указанная поправка отражает общую мировую тенденцию в борьбе с отмыванием денежных средств, особенно в контексте 2009 г. – периода, когда начали активно внедряться положения Международной конвенции против транснациональной организованной преступности (КТОП) и рекомендации Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денежных средств (ФАТФ). Отмывание денежных средств официально было введено в уголовно-правовую систему Вьетнама с 1 января 2010 г. и в дальнейшем регулировалось Уголовным кодексом 2015 г. с изменениями и дополнениями, принятыми в 2017 г. (далее – Уголовный кодекс 2015 г.).

Согласно п. 1 ст. 3 Закона «О противодействии легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем» от 15 ноября 2022 г., отмывание денежных средств представляет собой действия, совершаемые организацией или физическим лицом в целях легализации денежных средств, полученных преступным путем. Под имуществом, полученным преступным путем, понимается имущество, прямо или косвенно приобретенное в результате преступных действий, а также доходы, прибыль и иные выгоды, полученные в результате использования такого имущества [2].

Кроме того, в соответствии со ст. 324 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г. (с изменениями и дополнениями 2017 г.) под отмыванием денежных средств понимаются следующие действия:

1) прямое или косвенное участие в финансовых, банковских или иных операциях с целью сокрытия незаконного происхождения денежных средств или имущества, полученных преступным путем, либо при наличии знаний или достаточных оснований полагать, что они были получены преступным путем другим лицом;

2) использование денежных средств или имущества, полученных преступным путем, либо осознание или наличие оснований полагать, что они получены

преступным путем другим лицом, для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности;

3) сокрытие информации о происхождении, действительном характере, местонахождении, перемещении, принадлежности денежных средств или имущества, полученных преступным путем, либо препятствование проверке соответствующих сведений, при наличии осознания или оснований полагать, что они получены преступным путем;

4) совершение любого из вышеуказанных деяний в отношении денежных средств или имущества, заведомо полученных путем передачи, уступки или конвертации имущества, приобретенного другим лицом в результате преступной деятельности [1].

Из изложенного следует, что ст. 324 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г. содержит достаточно детализированные положения, касающиеся деяний, связанных с отмыванием денежных средств, тем самым отражая соответствие международно-правовым стандартам. Однако, по мнению автора, действующее законодательство в сфере борьбы с отмыванием денежных средств по-прежнему имеет ряд существенных ограничений.

Во-первых, нет необходимости в столь подробной регламентации состава отмывание денежных средств в Уголовном кодексе. Более уместным представляется введение понятия отмывания денежных средств и связанных с ним деяний в специальный Закон о борьбе с отмыванием денежных средств, а также в сопровождающие его подзаконные акты. Это позволит упростить и обеспечить последовательность в процессе кодификации уголовного законодательства.

Во-вторых, п. 1 ст. 324 Уголовного кодекса регулирует сами действия, подпадающие под квалификацию «отмывание денежных средств», однако не устанавливает минимального размера денежных средств или стоимости имущества, которые могут служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Между тем, подобные количественные критерии являются важным условием для эффективного правоприменения и служат правовой основой при оценке общественной опасности деяния. Кроме того, ст. 324 не устанавливает перечня предикатных преступлений, то есть преступлений, в результате которых могут быть получены доходы, подлежащие легализации. Такое отсутствие ограничений на характер предшествующего преступления на практике может привести к привлечению к ответственности за отмывание денежных средств даже в случаях совершения менее тяжких правонарушений, что затрудняет правоприменение и снижает правовую определенность.

В-третьих, согласно ст. 105 Гражданского кодекса Вьетнама 2015 г. понятие «имущество» включает в себя вещи, деньги, ценные бумаги и имущественные права. Следовательно, деньги уже входят в общее понятие имущества. Однако в ст. 324 УК 2015 г. «деньги» и «имущество» перечислены отдельно, что создает несогласованность с гражданско-правовой терминологией и нарушает единство правовой системы.

В-четвертых, используемая в ст. 324 терминология не является единообразной. Например, встречаются формулировки вроде «деньги и имущество, полученные от преступлений других лиц», которые повторяются без ясного разгра-

ничения значений. Для обеспечения внутренней логики и юридической строгости Уголовного кодекса необходима унификация терминов.

Обобщая теоретические подходы и практический опыт борьбы с преступлениями, связанными с отмыванием денежных средств, автор предлагает следующие направления совершенствования правового регулирования в данной сфере:

1. Формирование правовой базы для регулирования операций с виртуальной валютой. В условиях стремительного развития технологий четвертой промышленной революции виртуальная валюта становится все более распространенной и используется на практике, в том числе и во Вьетнаме. Однако на сегодняшний день Гражданский кодекс Вьетнама не признает виртуальную валюту как форму имущества, а также запрещает ее использование в качестве средства платежа. Кроме того, отсутствует нормативно-правовое регулирование, касающееся покупки, продажи и обмена виртуальной валюты. Этим правовым пробелом пользуются злоумышленники, отмывая денежные средства, полученные преступным путем, путем вложения их в виртуальную валюту с последующей конвертацией в иностранную валюту и легализацией средств.

2. Внесение изменений в ст. 324 Уголовного кодекса и Закон о борьбе с отмыванием денежных средств. С целью обеспечения юридической определенности и внутренней согласованности законодательства необходимо пересмотреть и гармонизировать положения ст. 324 УК и Закона о противодействии отмыванию денежных средств, полученных преступным путем. Это позволит устранить дублирующие или противоречивые нормы и повысит эффективность правоприменения.

3. Дифференциация ответственности за отмывание денежных средств в зависимости от источника преступных доходов. Следует законодательно разграничивать случаи отмывания денежных средств, полученных в результате собственных преступных действий, и случаи отмывания средств, полученных от преступлений, совершенных другими лицами. Кроме того, необходимо учитывать объем активов, легализованных в процессе отмывания денежных средств, при определении степени общественной опасности деяния и назначении наказания. В действующей редакции Уголовного кодекса предусмотрены только общие меры ответственности, что, по мнению автора, не соответствует принципу справедливости: отмывание собственных преступных доходов объективно менее опасно, чем легализация средств, полученных от чужих преступлений.

5. Установление пороговой стоимости активов как критерия для уголовного преследования. Необходимо ввести минимальный порог стоимости имущества, подлежащего легализации, как основание для привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, важно четко определить круг предикатных преступлений, в результате которых могут быть получены доходы, подлежащие отмыванию, чтобы обеспечить правовую определенность и избежать излишне широкого толкования состава преступления.

Отмывание денежных средств представляет собой серьезную угрозу глобальной финансовой безопасности и правопорядку. Международное право, через такие конвенции и рекомендации, как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и рекомендации Группы разработки

финансовых мер борьбы с отмыванием денежных средств (ФАТФ), создало всеобъемлющую правовую основу для борьбы с этой практикой. Вьетнам в процессе своей международной интеграции принял многие международные стандарты, включая Закон о предупреждении и борьбе с отмыванием денежных средств 2022 г., с целью повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с отмыванием денежных средств.

Тем не менее, чтобы соответствовать мировым стандартам и развивающимся практическим требованиям, Вьетнам должен продолжать совершенствовать свою правовую систему, усиливать международное сотрудничество и повышать потенциал правоохранительных органов. Важным шагом является изучение опыта других стран в расширении сферы уголовного преследования и конфискации активов без вынесения обвинительного приговора. Наряду с этим необходимо усилить правовое просвещение и пропаганду среди населения с целью повышения осведомленности о пагубных последствиях отмывания денежных средств, что создаст прочную основу для эффективной борьбы с этим преступлением.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Вьетнама 2015 года (с изм. и доп. 2017 г.).
2. Закон о противодействии отмыванию денежных средств от 15 ноября 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.
4. ФАТФ. Международные стандарты по борьбе с отмыванием денежных средств. 2019.
5. Смит, Дж. Финансовая преступность и ее влияние на мировую экономику. 2018.

Чинь Суан Чыонг¹,
доцент Юридического факультета
Академии Народной Безопасности,
Министерства Общественной безопасности Вьетнама,
кандидат юридических наук

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ, В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА

В условиях глобализации и активного развития рыночной экономики хозяйствующие субъекты, особенно коммерческие юридические лица, играют центральную роль в производственной, предпринимательской и инвестиционной деятельности. Однако параллельно с этим наблюдается рост противоправных действий в экономической сфере, совершаемых этими юридическими лицами, что негативно влияет на порядок управления экономикой, права потребителей и справедливость на рынке.

Осознавая это, вьетнамское уголовное законодательство сделало важный шаг вперед, впервые предусмотрев уголовную ответственность коммерческих юридических лиц в Уголовном кодексе 2015 г., с изменениями и дополнениями 2017 г. (далее – УК Вьетнама). Это знаковое изменение, закладывающее основу для построения механизма уголовного преследования юридических лиц в соответствии с международной практикой, а также повышающее эффективность и результативность борьбы с экономическими преступлениями в период интеграции. Однако применение уголовной ответственности к коммерческим юридическим лицам на практике по-прежнему вызывает много вопросов, касающихся правосознания, границ субъектов, оснований привлечения к ответственности, объема преступления, а также соотношения уголовной ответственности юридических лиц и уголовной ответственности связанных с ними лиц.

Целью данной статьи является анализ теоретико-правовых основ режима уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в сфере экономики; практическая оценка. На их основе разрабатываются рекомендации по совершенствованию законодательства и повышению эффективности борьбы с экономическими преступлениями, совершаемыми юридическими лицами во Вьетнаме.

Во-первых, правовая основа уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в уголовном праве Вьетнама

Официальное признание в УК Вьетнама. До 2015 г. Вьетнамская система уголовного права признавала субъектами преступлений только физических лиц. Однако в условиях все более изоцированной организованной преступности, осуществляемой посредством деятельности юридических лиц, особенно в экономической и коммерческой сферах, уже нецелесообразно привлекать к уголовной ответственности только отдельных лиц. Впервые УК Вьетнама установил

¹ © Чинь Суан Чыонг, 2025.

правовую основу для уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в гл. XI (со ст. 75 по ст. 92), что ознаменовало важный шаг в развитии вьетнамского уголовного права на пути к модернизации и международной интеграции. Соответственно коммерческое юридическое лицо может быть привлечено к ответственности, если оно удовлетворяет трем условиям:

- 1) преступление совершено от имени юридического лица;
- 2) действие совершается в интересах юридического лица;
- 3) действие организуется, направляется и осуществляется законным представителем юридического лица или уполномоченным им лицом.

Во-вторых, принцип уголовной ответственности юридических лиц. В уголовном праве Вьетнама закреплён принцип, согласно которому «юридические лица несут уголовную ответственность только за преступления, предусмотренные законом» (ст. 75 УК Вьетнама). Кроме того, ст. 76 УК Вьетнама подтверждает, что она не исключает уголовной ответственности физических лиц за то же уголовное деяние, что и юридическое лицо. Это помогает гарантировать, что как индивидуальный оператор, так и юридическое лицо могут быть привлечены к уголовной ответственности при наличии состава преступления.

В-третьих, круг преступлений, за которые могут быть привлечены к ответственности коммерческие юридические лица. Согласно ч. 1 ст. 76 УК Вьетнама коммерческие юридические лица привлекаются к уголовной ответственности только за 33 конкретных преступления, относящихся к следующим группам отраслей:

- 1) экологические преступления;
- 2) экономические преступления;
- 3) преступления против порядка управления хозяйством;
- 4) некоторые преступления, связанные с безопасностью пищевых продуктов, товаров, финансов, банковского дела и т. д. При этом экономические преступления являются основной группой, по которым чаще всего преследуются коммерческие юридические лица. Среди них: уклонение от уплаты налогов (ст. 200); незаконная печать, выдача и торговля счетами-фактурами (ст. 203); производство и торговля контрафактной продукцией (ст.ст. 192–194); мошенничество в страховой деятельности (ст. 213); нарушение требований охраны окружающей среды в производственной и хозяйственной деятельности (ст.ст. 235, 236).

В-четвертых, санкции, применяемые к коммерческим юридическим лицам, совершившим преступления. Уголовный кодекс предусматривает три основных вида наказаний для коммерческих юридических лиц, совершивших преступления:

- 1) штраф (основное наказание);
- 2) временное или постоянное приостановление деятельности;
- 3) запрет на ведение бизнеса и деятельности в определенных сферах.

Это уголовные меры, обладающие сильным сдерживающим эффектом, но в то же время гибкие и соответствующие правовой природе субъекта как организации. В то же время закон допускает применение принудительных мер судебного характера для устранения последствий, возврата незаконно полученной прибыли и внесения публичных исправлений.

Некоторые типичные экономические преступления, совершаемые коммерческими юридическими лицами. Фактически с момента вступления в силу УК Вьетнама было возбуждено и рассмотрено множество уголовных дел в отношении коммерческих юридических лиц, особенно в экономической сфере. Данные преступления не только отражают общественную опасность, но и наглядно демонстрируют роль юридических лиц в организации, сокрытии или легализации преступных деяний посредством производственно-хозяйственной деятельности. Вот некоторые типичные преступления:

Во-первых, уклонение от уплаты налогов (ст. 200 УК Вьетнама) Это одно из наиболее распространенных экономических преступлений, совершаемых коммерческими юридическими лицами с целью максимизации прибыли за счет уклонения от финансовых обязательств перед государством. Конкретные проявления:

- 1) ложное декларирование доходов и расходов с целью уменьшения подлежащих уплате налогов;
- 2) никаких счетов-фактур, двойная запись;
- 3) использование поддельных счетов-фактур для увеличения затрат на производство.

Во-вторых, преступления, связанные с незаконной печатью, выдачей и торговлей счетами-фактурами (ст. 203 УК Вьетнама): Коммерческие юридические лица также часто привлекаются к ответственности за это преступление, когда они используют поддельные счета-фактуры или незаконно покупают и продают счета-фактуры с целью: легализации затрат на производство; сокрытия реальных доходов; потере НДС и налога на прибыль предприятий. Покупка и продажа счетов-фактур часто происходит организованно, через множество уровней компаний, и юридические лица играют непосредственную роль в реализации или содействии частным лицам в получении выгоды.

В-третьих, преступления, связанные с изготовлением и сбытом контрафактной продукции (ст.ст. 192–194 УК Вьетнама). Многие юридические лица производят или распространяют контрафактную и некачественную продукцию с целью получения незаконной прибыли, не обращая внимания на последствия для потребителей и рынка. В частности, согласно ст. 194, если деяние связано с фальсификацией пищевых продуктов, лекарственных средств или средств профилактики заболеваний и повлекло тяжкие последствия, юридическому лицу может быть назначено максимальное наказание в виде бессрочного приостановления деятельности.

В-четвертых, мошенничество в страховой деятельности (ст. 213 УК Вьетнама). Некоторые компании пользуются своим правовым статусом для совершения мошеннических действий при оформлении страховых заявлений, заключении договоров или для подачи ложных заявлений об убытках с целью присвоения страховых сумм. Это преступление часто встречается в сферах страхования грузов, имущества, страхования гражданской ответственности в дорожном движении и строительстве.

В-пятых, преступления, связанные с загрязнением окружающей среды при осуществлении предпринимательской деятельности (ст.ст. 235, 236 УК Вьетнама).

ма). Юридические лица, осуществляющие деятельность в сфере промышленного производства, переработки пищевых продуктов, эксплуатации ресурсов и т. д., часто нарушают нормативы обращения с отходами, сбрасывая сточные воды, превышающие технические нормативы, что оказывает серьезное воздействие на среду обитания. Хотя это группа экологических преступлений, с точки зрения экономической сущности эти деяния направлены на снижение затрат на переработку продукции и максимизацию прибыли, поэтому их можно рассматривать в общем составе экономических преступлений, совершаемых юридическими лицами.

Трудности и ограничения в привлечении к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц во Вьетнаме. Несмотря на то, что УК Вьетнама создал важную правовую основу для привлечения к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, процесс его реализации на практике по-прежнему обнаруживает множество недостатков как в теоретическом понимании, так и в законодательных методах и практическом применении.

Во-первых, ограниченность осведомленности и применения органов прокуратуры. Применение уголовной ответственности к юридическим лицам является новым вопросом во вьетнамской правовой системе. Поэтому многие судебные исполнители, следователи, прокуроры и судьи до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно:

- 1) определения преступных деяний юридических лиц независимо от физических лиц;
- 2) сбора доказательств, подтверждающие преступный умысел «юридического лица»;
- 3) различия гражданской, административной и уголовной ответственности.

Это приводит к нежеланию привлекать к ответственности или уголовному преследованию юридических лиц, а вместо этого применяются административные санкции или меры воздействия в отношении связанных с ними лиц.

Во-вторых, сложно определить элементы «от имени» и «в интересах» юридического лица. Согласно ст. 75 УК Вьетнама, деяние считается преступлением юридического лица только в том случае, если оно совершено от имени и в интересах юридического лица. Однако в ходе реального расследования доказать этот элемент крайне сложно, особенно когда преступление совершено отдельным лицом, но отсутствует четкий документ, дающий на это разрешение; виновный является служащим низшего звена или вышел из работы; полученные выгоды не были зафиксированы в бухгалтерских книгах и не были преобразованы в юридические активы.

В-третьих, перечень преступлений ограничен. Хотя в УК Вьетнама перечислены 33 преступления, за которые юридические лица могут быть привлечены к ответственности, этот перечень по-прежнему считается узким и не соответствует действительности, особенно в контексте появления множества новых мошеннических и обманных действий. Ограничение уголовной ответственности юридических лиц лишь рядом закрепленных преступлений также приводит к тому, что многие общественно опасные деяния ускользают от криминальных сетей, не оказывая достаточного сдерживающего воздействия.

В-четвертых, санкции недостаточно сильны и не имеют принудительного характера. Во многих случаях штрафы или приостановление деятельности не являются достаточным сдерживающим фактором, особенно для юридических лиц с большим финансовым потенциалом или использующих модель «пустого предприятия» для ухода от ответственности. Кроме того, применение механизма принудительного возмещение ущерба; конфискации активов и незаконной прибыли; запрета на занятие профессиональной деятельностью, ведение бизнеса и т. д. по-прежнему зависит от межотраслевого регулирования (налогового, банковского, гражданского правоприменения и т. д.), что затрудняет полное исполнение уголовных приговоров.

Рекомендации по совершенствованию законодательства и повышению эффективности применения уголовной ответственности коммерческих юридических лиц в сфере экономики. Во-первых, расширить сферу уголовного преследования коммерческих юридических лиц. Необходимо пересмотреть и расширить перечень преступлений, за которые могут быть привлечены к ответственности коммерческие юридические лица, особенно в таких новых областях, как преступления в сфере электронной коммерции; цифровое мошенничество в страховании; незаконная мобилизация капитала в Интернете; действия, наносящие ущерб финансовой и банковской системе посредством законной предпринимательской деятельности. Расширение должно сопровождаться конкретными указаниями, чтобы избежать произвольного применения и в то же время обеспечить возможность эффективного рассмотрения сложных преступлений на практике.

Во-вторых, совершенствование правил по уголовным составам для юридических лиц. Необходимы более подробные указания о том, как определять действия «от имени» и «в интересах» юридических лиц и ответственность за соучастие физических и юридических лиц; как доказать организационный умысел в преступном поведении. Кроме того, можно рассмотреть возможность создания механизма добровольного принятия уголовной ответственности юридическими лицами, сопровождающегося более мягким режимом.

В-третьих, укрепление потенциала органов, проводящих уголовно-процессуальные действия. Необходимо организовать специализированные программы обучения и практические семинары для следователей, прокуроров, судей и адвокатов по навыкам выявления и расследования преступлений, совершаемых юридическими лицами; по различению видов ответственности (административная, гражданско-правовая, уголовная) юридических лиц. Повышение осведомленности и профессиональной квалификации является необходимым условием для эффективного применения правовых положений на практике.

В-четвертых, усиление санкции и механизмы принуждения к юридическим лицам. Необходимо совершенствовать законодательство об уголовном исполнении в направлении: предоставления возможности применения более строгих мер принуждения к юридическим лицам, умышленно не исполняющим уголовные обязанности; создания взаимосвязанной базы данных между правоохранительными, налоговыми и банковскими системами для легкого отслеживания и замораживания активов преступных юридических лиц; координации межсек-

торального взаимодействия, чтобы гарантировать, что приговор в отношении юридического лица не будет отложен или оставлен открытым.

В-пятых, поощрять юридические лица к соблюдению требований и саморегулированию. Помимо санкций в виде штрафа, государство должно поощрять предприятия создавать внутренние механизмы управления для обеспечения ответственности, такие как механизм обнаружения и сообщения о внутренних нарушениях и активная политика по устранению последствий в случае нарушений. Такой подход создаст прочную основу для предотвращения экономических преступлений в рамках правовой системы.

Список литературы

1. Bộ luật Hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017) số 100/2015/QH13.
2. Trần Văn Biên, Đinh Thế Hưng. Bình luận khoa học Bộ luật Hình sự năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017), Nhà xuất bản Thế giới, năm 2017.
3. Nguyễn Ngọc Chí. Bình luận các tội xâm phạm trật tự quản lý kinh tế (theo quy định của Bộ luật Hình sự năm 2015, sửa đổi, bổ sung năm 2017), Nhà xuất bản Chính trị quốc gia Sự thật, năm 2022.
4. Nguyễn Ngọc Chí. Thủ tục truy cứu trách nhiệm hình sự đối với pháp nhân thương mại và những vấn đề đặt ra khi thi hành Bộ luật tố tụng hình sự (hiện hành), Nhà xuất bản Chính trị quốc gia Sự thật, năm 2019.
5. Nguyễn Ngọc Hòa. Trách Nhiệm Hình Sự Của Pháp Nhân Thương Mại – Nhận Thức Cần Thống Nhất?, Nhà xuất bản Tư pháp, năm 2020.

*Акимов П. А.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРИЗНАК УЩЕРБА В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Существующий в отечественной уголовно-правовой доктрине интерес исследователей к вопросу оценки общественно опасных последствий преступлений в сфере экономической деятельности продиктован рядом законодательных, теоретических и правоприменительных аспектов. Одним из краеугольных камней обозначенной проблемы является уголовно-правовая оценка ущерба в составах преступлений в сфере экономической деятельности.

Отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) дефиниции, раскрывающей смысл и содержание ущерба, обуславливает возникновение существенных затруднений при его установлении и подсчете на практике. Необходимо отметить, что важное значение представляет собой решение вопроса о качественном наполнении ущерба, о его структуре. Мы считаем, что ущерб от преступлений в сфере экономической деятельности состоит в неполучении должного и может иметь сложную структуру.

Законодатель при описании составов преступлений в сфере экономической деятельности использует термины «крупный ущерб» и «особо крупный ущерб» для обозначения преступных последствий. По состоянию на 7 апреля 2025 г. признаки причинения крупного ущерба и особо крупного ущерба в качестве криминообразующих, квалифицирующих и особо квалифицирующих предусмотрены в 19 статьях гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ, включающей 61 статью.

В первоначальной редакции УК РФ от 13 июня 1996 г. текст гл. 22 УК РФ состоял из 33 статей, в 12 из которых были предусмотрены признаки причинения крупного ущерба, значительного ущерба. Несмотря на исключение некоторых видов противоправного экономического поведения из перечня преступных [8], количество составов преступлений, содержащих признак ущерба, продолжает расти. В редакции от 13 июня 1996 г. в тексте УК РФ отсутствовало какое-либо указание на количественные критерии ущерба, причиненного в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности, не говоря уже о его качественном наполнении, и это при том условии, что признак ущерба был использован законодателем практически в трети всех статей, предусматривающих уголовную ответственность за экономические преступления. Таким образом, определение количественных и качественных критериев причиненного экономи-

¹ © Акимов П. А., 2025.

ческими преступлениями ущерба законодатель в полном объеме доверил правоприменителю, что обусловило отнесение ущерба к оценочным понятиям.

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» существенно изменил редакцию положений гл. 22 УК РФ, в частности, размеры крупного и особо крупного ущерба, причиненного преступлениями обрели формальное закрепление в натуральном денежном исчислении. При всем положительном значении внесенных изменений, нельзя говорить о том, что проблема уголовно-правовой оценки ущерба, причиненного преступлениями в сфере экономической деятельности была окончательно решена. Совершенно правильно пишет М. Г. Жилкин, что установленный стоимостный показатель крупного ущерба лишь на первый взгляд позволяет точно установить границу преступного и не преступного поведения, и делает важное замечание, применительно к криминальным банкротствам о том, ключевая сложность в уголовно-правовой оценке преступных последствий заключается в одновременном определении качественной составляющей ущерба, расчете количественных показателей и установлении механизма его причинения [1, с. 58]. Мы считаем, что обозначенная ученым проблема характерна и для других составов преступлений в сфере экономической деятельности, в которых используется вышеупомянутый признак.

Важно осознавать, что большинство составов преступлений в сфере экономической деятельности, предусматривающих признак причинения ущерба, по своей природе являются гражданско-правовыми деликтами, содержат элементы составов административных правонарушений, и лишь признак ущерба (нередко устанавливаемый некорректно или ошибочно) переводит обозначенные деяния в разряд преступных [10].

Вызывает определенные трудности соотношение причинения крупного, особо крупного ущерба и извлечения преступного дохода в крупном, особо крупном размере. Здесь необходимо понимать, что извлечение преступного дохода есть преступный результат, к достижению которого стремится субъект преступления, в то время как ущерб является преступным последствием, которое находится как бы за преступным результатом. К тому же важно отметить, что преступное последствие есть вредное изменение в объекте, находящемся под уголовно-правовой охраной.

Н. Ф. Кузнецова справедливо отмечала, что преступное последствие как элемент состава преступления является общественно вредным изменением, произведенным преступным действием лица именно в объекте посягательства [2, с. 19]. Об этом говорил и А. Н. Трайнин, указывая, что последствием в качестве элемента состава может быть признан лишь ущерб, причиненный объекту посягательства [3, с. 82–84]. Мы разделяем приведенные точки зрения ученых, и в этой связи актуализируем вопрос: действительно ли во всех составах преступлений в сфере экономической деятельности, в которых обязательным элементом выступает ущерб (в качестве преступного последствия), последний состоит в надлежащей причинно-следственной связи с преступным деянием? Способно ли вообще противоправное деяние, обозначенное в уголовно-правовой норме, повлечь те вредные изменения в объекте, на необходимость

установления которых указывает уголовный закон? Как деяние приводит к ущербу и каковы содержательные характеристики последнего? На данном этапе важно отметить, что далеко не во всех случаях допустимо ставить знак травения между извлеченным преступным доходом и причиненным ущербом.

Так, в ст. 171. «Незаконное предпринимательство» УК РФ в качестве криминообразующего признака незаконного предпринимательства наравне с причинением крупного ущерба ранее использовался признак извлечения дохода в крупном размере (ч. 1 ст. 171 УК РФ), и в качестве квалифицирующего признака извлечение дохода в особо крупном размере (ч. 2 ст. 171 УК РФ). Принятием Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодатель исключил признак извлечения преступного дохода из диспозиции ст. 171 УК РФ. Примечательно, что признак извлечения преступного дохода в крупном и особо крупном размерах широко использовался правоприменителем при доказывании факта незаконной предпринимательской деятельности. Данная позиция представляется вполне логичной при условии уяснения смысла легального определения предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации) и легального определения дохода (ч. 1 ст. 41 (части первой) Налогового кодекса Российской Федерации). К тому же доход имеет и судебное толкование на уровне Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4], чего, к сожалению, мы не можем сказать об ущербе.

М. Г. Жилкин аргументированно говорит о том, что крупный (особо крупный) ущерб, характеризующий материальную конструкцию незаконного предпринимательства, за редким исключением устанавливается и зачастую отождествляется с извлеченным преступным доходом. Ученый в своем исследовании приводит в качестве примера интересное судебное решение, в котором сумма извлеченного преступного дохода отождествлялась с суммой причиненного государству ущерба, при этом суд искивые требования о возмещении ущерба оставил без рассмотрения, поскольку это требовало проведения дополнительных расчетов причиненного ущерба. Следует согласиться с мнением автора о том, что признак крупного ущерба из состава незаконного предпринимательства необходимо исключить [5, с. 115]. Однако в настоящее время мы видим диаметрально противоположную картину.

В этой связи находим интересным постановление Усть-Куломского районного суда Республики Коми № 1-29/2024 от 5 июля 2024 г. по делу № 1-29/2024, согласно которому гражданин М. обвинялся в осуществлении предпринимательской деятельности без лицензии, когда такая лицензия обязательна, сопряженном с извлечением дохода в крупном размере. М. осуществлял незаконную предпринимательскую деятельность – перевозки внутренним водным транспортном, сопряженную с извлечением дохода в крупном размере. По обстоятельствам дела было установлено, что гражданин М. в результате совершения своего деяния получил доход в размере 3 200 000 руб., что являлось крупным размером в соответствии с примечанием к ст. 170² УК РФ (в редакции от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ). Уголовное дело в отношении

М. было прекращено. Суд указал, что Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ в ч. 1 ст. 171 УК РФ внесены изменения, а именно из диспозиции части статьи исключено указание о квалифицирующем признаке данного преступления, что оно сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Данные изменения вступили в силу с 17 апреля 2024 г. Суд резюмировал, что поскольку другие квалифицирующие признаки гражданину М. в вину не вменялись, совершенное им деяние в настоящее время декриминализировано в связи с изданием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния [6]. Данный пример позволяет усмотреть последствия принятого законодателем решения об исключении признака извлечения преступного дохода из состава незаконного предпринимательства (Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ). Мы считаем, что подобная декриминализация незаконного предпринимательства препятствует правильной уголовно-правовой оценке последствий данного преступления и/или может повлечь превращение ст. 171 УК РФ в мертвую норму.

Требует дополнительного научного осмысления следующее решение суда. Ногайский районный суд Республики Дагестан в приговоре № 1-71/2024 от 20 июня 2024 г. по делу № 1-71/2024 указал, что гражданин Ф., не являясь лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя, имея умысел, направленный на осуществление незаконной предпринимательской деятельности, преследуя корыстную цель на незаконное материальное обогащение и систематическое получение прибыли от пользования имуществом, выполнения работ или оказания услуг в крестьянско-фермерских хозяйствах, самостоятельно и на свой риск занимался поставкой кормов (фуражного зерна и сена) в крестьянско-фермерские хозяйства. По делу установлено, что в результате такой деятельности подсудимый Ф. согласно заключению эксперта получил доход в крупном размере на общую сумму 12 240 000 руб. Далее суд указал, что гражданин Ф. своими противоправными действиями совершил осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, в результате которого причинен крупный ущерб государству на указанную сумму [7]. Текст приговора позволяет нам уяснить, что гражданский иск по делу заявлен не был. Возникает закономерный вопрос, а был ли действительно причинен ущерб государству действиями Ф. на указанную в приговоре сумму? Представляется, что ответ должен быть отрицательным. Тем не менее, Ф. был осужден по ч. 1 ст. 171 УК РФ. Мы считаем, что вынесенное судом решение о признании Ф. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, не основано на законе и демонстрирует недопустимое отождествление извлечения преступного дохода в крупном размере с причинением крупного ущерба.

Вышеизложенное позволяет заключить, что уголовно-правовая оценка ущерба в составах преступлений в сфере экономической деятельности вызывает значительные трудности у правоприменителя. Это обусловлено отсутствием дефиниции ущерба, его сложной структурой и соотношением с иными обозначающими преступные последствия терминами. Выборочный анализ правоприменительной

практики обнажает проблему установления механизма причинения ущерба, его соотношения, в частности, с извлеченным преступным доходом.

Список литературы

1. Жилкин М. Г. Правовая оценка ущерба при криминальных злоупотреблениях в сфере банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 6 (225). С. 56–64.
2. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958.
3. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М. : Юридическое издательство, 1946.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Российская газета. 2004. № 271.
5. Жилкин М. Г. К вопросу об уголовной ответственности за неоконченное незаконное предпринимательство // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 110–115.
6. Постановление Усть-Куломского районного суда Республики Коми от 5 июля 2024 г. по делу № 1-29/2024 // Судебные и нормативные акты (СудАкт). URL: [//sudact.ru/regular/doc/NpLGf1hmmYHB/](https://sudact.ru/regular/doc/NpLGf1hmmYHB/).
7. Приговор Ногайского районного суда Республики Дагестан от 20 июня 2024 г. по делу № 1-71/2024 // Судебные и нормативные акты (СудАкт). URL: [//sudact.ru/regular/doc/bkjtfa0smSYP/](https://sudact.ru/regular/doc/bkjtfa0smSYP/).
8. Ст. 173 «Лжепредпринимательство» Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.
9. Ст. 182 «Заведомо ложная реклама» Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.
10. Ст. 14.1 «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; ст. 171 «Незаконное предпринимательство» УК РФ; ст. 14.10 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» КоАП РФ и одноименная ст. 180 УК РФ; ст. 14.13. «Неправомерные действия при банкротстве» и одноименная ст. 195 УК РФ и др.

Ткаченко А. В.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Согласно данным статистики в Российской Федерации сектор потребительского кредитования физических лиц выглядит так: если на ноябрь 2021 г. объемы потребительского кредитования физических лиц-резидентов в России составляли 1 845 852 млн. руб., то по состоянию на декабрь 2024 г. данный показатель составил 2 112 459 млн. руб. При этом, задолженность по кредитам по состоянию на конец 2021 г. составляла 24 075 506 млн. руб.; в декабре 2024 г. данный показатель составил 35 490 262 млн. руб. [1].

Проведенный анализ Статистического бюллетеня № 6 (264), изданного Национальным банком Республики Беларусь, позволяет выявить четкую динамику увеличения абсолютных значений просроченной задолженности, сформированной населением перед отечественными финансовыми учреждениями. Если на начало периода анализа в январе 2020 г. объем указанной категории долговых обязательств оценивался примерно в 14 152 млн белорусских рублей, то спустя восемнадцать месяцев, к июлю 2021 г., данная величина возросла, достигнув показателя в 15 792 млн руб. Подобная тенденция свидетельствует о стабильно повышающемся уровне финансовой закредитованности широких слоев населения, проявляющемся не только в Республике Беларусь, но и наблюдаемом в сопоставимых социально-экономических условиях соседних государств, включая Российскую Федерацию. Это обстоятельство неизбежно ведет к дальнейшему росту уровня просроченной задолженности среди граждан [2].

Современная кредитная система представляет собой сложную многоуровневую структуру, включающую широкий спектр кредитных и финансовых учреждений, которые играют ключевую роль в реализации различных экономических процессов. В рамках этой системы данные организации осуществляют разнообразные операции, направленные на предоставление кредитных продуктов населению и юридическим лицам, обеспечивая тем самым движение капитала и стимулируя экономическое развитие. Важной функцией кредитных институтов является разработка и соблюдение правовых норм, регулирующих взаимоотношения между кредиторами и заемщиками, а также установление по-

¹ © Ткаченко А. В., 2025.

рядка взаимодействия с иными участниками экономической деятельности, такими как государственные органы, коммерческие предприятия и частные лица.

Деятельность по взысканию просроченной задолженности представляет собой весьма проблематичную область. Такое положение вещей объясняется тем обстоятельством, что область взаимодействия в сфере кредитования и финансов выходит далеко за пределы простых финансово-хозяйственных отношений между кредитором и должником. Она охватывает широкий спектр различных аспектов, связанных с социальными факторами, правовым регулированием, политическими условиями и прочими значимыми сторонами общественной жизни, формирующими правовую базу для данной деятельности.

В контексте исследования была проведена комплексная сравнительно-правовая оценка мер противодействия преступным действиям в указанной сфере, с акцентом на опыт ряда государств ближнего зарубежья, а именно в Республике Беларусь. Стоит согласиться с А. Х. Саидовым, который пишет что «сравнительное правоведение – это... структурированная концептуально-понятийная система правовых знаний, это систематизированные представления об основных правовых системах современности, теории применения сравнительного метода как в научно-познавательном, так и в практико-прикладном аспекте» [3].

Первое, что следует отметить, аналогично ситуации в российском законодательстве, белорусское законодательство не предусматривает четкой и исчерпывающей дефиниции понятия «коллекторская деятельность».

Второе, что следует отметить, – в Беларуси правом приобретения долговых обязательств обладают исключительно банки и прочие финансовые учреждения, под строгие условия которых местные коллекторы однозначно не попадают. Данное право состоит в заключении договора возмездного оказания услуг. Подобная законодательная норма существенно ограничивает возможности взаимодействия между кредитором и заемщиком, сводя его лишь к одному единственному варианту, притом, что в Российской Федерации широко используются различные виды договоров для взаимодействия с банковскими учреждениями и прочими финансовыми структурами. Это включает следующие формы сотрудничества:

1) договор возмездного оказания услуг, предусматривающий выполнение определенных действий одной стороной в пользу другой за установленную плату;

2) агентские договоры – контракты, согласно которым одна сторона действует от имени другой стороны, выполняя поручение последнего и получает вознаграждение за свою деятельность;

3) договор поручения, подразумевающий передачу полномочий одному лицу действовать от лица другого с правом совершать юридические сделки и операции.

Кроме того, применяется также практика заключения договора цессии, предполагающего переход права требования от одного кредитора к другому.

Однако отсутствие в республике Беларусь нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность профессиональных сборщиков долгов, не исключает преступного поведения при осуществлении возврата просроченной задолженности физических лиц. Незаконные меры по взысканию просроченной задолженности в Республике Беларусь преимущественно трактуются уголовным законом по таким составам преступлений, как ст. 208 «Вымогательство»,

предусматривающая принуждение гражданина путем угроз или насилия к передаче имущества либо имущественных прав, ст. 383 «Самоуправство», определяющая совершение противоправных действий вопреки установленным нормам и правилам, а также ст. 384 «Принуждение к исполнению обязательств», включающая случаи незаконного понуждения должника исполнить обязательство под угрозой неблагоприятных последствий.

В свою очередь в Российской Федерации микрофинансовые организации, осуществляющие деятельность нелегально, часто используют противозаконные методы для так называемого выбивания долгов – от вирусных прозвонов личных номеров заемщиков и их близких с использованием автоматизированного интеллектуального агента до акций прямого действия, включающих психоэмоциональное воздействие, физическое насилие и иные противоправные действия (поджоги, преследования, травлю и др.).

Рассматриваемые эпизоды носят систематический характер и неоднократно фиксировались правоохранительными органами. Анализ существующей правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что ранее не было выработано единого подхода к оценке уголовно-правовых последствий неправомерных действий сотрудников коллекторских агентств. Так, например, деяния, выражающиеся в повреждении чужого имущества, квалифицируются одновременно и как административные правонарушения (предусмотренные нормами ст.ст. 20.1 и 7.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), и как уголовно наказуемые деяния (регламентируемые положениями ст.ст. 167 и 214 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Кроме того, нарушения, посягающие непосредственно на личные права граждан, также подвергаются разноуровневой юридической квалификации: они рассматриваются как административные правонарушения (например, применительно к случаям физического насилия и угроз гражданам, предусмотренным ст. 6.1.1 КоАП РФ) и как уголовно значимые преступные деяния в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Отдельно стоит отметить тот факт, что в условиях отсутствия устойчивых судебных решений имело место привлечение отдельных представителей данной профессии к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища граждан (преступления, предусмотренные ст. 139 УК РФ), когда коллекторские агентства осуществляли несанкционированные вторжения в частные владения физических лиц.

Возникшая ситуация потребовала активного вмешательства государства в сферу регулирования взаимоотношений между кредиторами и должниками, вследствие чего была инициирована процедура внесения поправок в уголовное законодательство страны. С июля 2023 г. вступили в законную силу положения Федерального закона № 323-ФЗ, который внес изменения в ст. 172⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации. Введена уголовная ответственность за незаконные методы взыскания просроченной задолженности физических лиц. Поправки призваны защитить должников от недобросовестных кредиторов, коллекторов и других лиц, которые пытаются вернуть деньги с помощью угроз, насилия, уничтожения имущества или ложной информации.

Схожие уголовные запреты можно рассмотреть в виде сравнительной таблицы сопоставления положений уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.

Таблица 1

Сравнительная характеристика уголовного законодательства РФ и РБ, предусматривающего ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц

Уголовный кодекс Республики Беларусь	Уголовный кодекс Российской Федерации
Статья 384. Принуждение к выполнению обязательств 1. Принуждение к выполнению договорных обязательств, возмещению причиненного ущерба, уплате долга, штрафа, неустойки или пени под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо распространения сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства, – наказывается штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок	Статья 172.4. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц 1. Совершение действий, направленных на возврат просроченной задолженности физических лиц и сопряженных с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких, лицом, действующим от имени организации-кредитора или в ее интересах, в том числе работником организации-кредитора, либо лицом, которому переданы права кредитора по договору уступки права (требования), либо лицом, действующим от имени или в интересах лица, которому переданы указанные права, – наказывается штрафом в размере от 300 000 до 500 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

Обобщая изложенный материал, можно прийти к следующим заключениям, сформулированным на основе анализа позитивного опыта государств постсоветского пространства:

1. Стоит учесть положительный опыт белорусских правоохранителей в вопросе покупки прав требования по долговому обязательству, которое состоит в заключении договора возмездного оказания услуг исключительно с банками и прочими финансовыми учреждениями, под строгие условия которых местные коллекторы однозначно не попадают. Данное право снижает взаимодействие кредитора и должника всего до одного случая, что, по нашему мнению, приводит к снижению риска противоправных действий.

2. Отсутствие в республике Беларусь нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность профессиональных сборщиков долгов, не отменяет уголовную ответственность за неправомерные действия при возврате просроченной задолженности физических лиц. Уголовная ответственность за данного вида противоправные действия регламентируется ст. 384 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Список литературы

1. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/.
2. Национальный Банк Республики Беларусь. Статистический бюллетень. 2021. № 6 (247). URL: https://www.nbrb.by/publications/bulletin/stat_bulletin_2021_06.pdf.
3. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник. М. : Юрист, 2009.

Фролова Е. А.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ ТАДЖИКИСТАН, ТУРКМЕНИСТАН И УЗБЕКИСТАН

Проблема организации незаконной миграции в современных условиях, связанная с острыми общественно-политическими процессами регионального и международного уровня, весьма значима для многих государств мира вне зависимости от того, выступает страна донором или реципиентом миграционных потоков.

Уголовно-правовое противодействие организации незаконной миграции в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) является важной и многогранной задачей. Под противодействием незаконной миграции следует понимать деятельность органов государственной власти по:

- 1) предупреждению незаконной миграции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний в сфере миграции (профилактика незаконной миграции);
- 2) выявлению и пресечению правонарушений и преступлений в сфере миграции;
- 3) минимизации и (или) ликвидации нежелательных последствий, связанных с незаконной миграцией [9].

Как отмечают специалисты, организация незаконной миграции иностранных граждан – комплексное понятие, которое охватывает преступную деятельность лиц, обеспечивающих существование необходимых условий для незаконного въезда и незаконного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации и других стран СНГ [2]. Однако противодействие подобной деятельности не всегда осуществляется эффективно, так как в странах имеются особенности законодательства, в том числе и уголовного. В частности, есть особенности в противодействии указанному преступлению в таких государствах – участниках СНГ, как Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан [5] содержит в разд. XIII «Преступления против государственной власти» гл. 31 «Преступления против порядка управления», где наряду со ст. 335, предусматривающей ответственность за незаконное пересечение государственной границы Республики Таджикистан, имеются ст.ст. 335 (1) и 335 (2).

В соответствии со ст. 335 (1) ответственность установлена за организацию незаконного въезда в Республику Таджикистан иностранных граждан или лиц

¹ © Фролова Е. А., 2025.

без гражданства или незаконного транзитного проезда через территорию Республики Таджикистан. Подобные действия наказываются штрафом в размере от трехсот до пятисот показателей для расчетов или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, или лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью до трех лет, либо без такового. Это можно назвать внутренней миграцией.

По ч. 2 данной статьи установлена более суровая ответственность, если преступление совершено повторно или группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо с причинением значительного ущерба гражданину, либо с использованием служебного положения или с целью занятия противоправной деятельностью. По ч. 2 предусмотрено следующее наказание: лишение свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового. Наконец, особо квалифицированный вид этого преступления (ч. 3 данной статьи) предполагает совершение деяния в связи с торговлей людьми. Такие действия наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на пять лет. Вряд ли целесообразно разделять преступные деяния на организацию внешней и внутренней миграции.

По ч. 1 ст. 335 (2) Республики Таджикистан ответственность предусмотрена за организацию незаконной миграции, а именно за организацию незаконной отправки и трудоустройства граждан Республики Таджикистан за границей. За данное преступление предусмотрено наказание: штраф в размере от трехсот до пятисот показателей для расчетов либо исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, или без такового. Часть 2 данной статьи предусматривает ответственность за иное преступление – за трудоустройство мигрантов лицом, не имеющим соответствующей лицензии на осуществление этого вида деятельности. Подобное деяние наказывается штрафом в размере от пятисот до одной тысячи показателей для расчетов либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Таким образом, организация незаконной миграции увязывается не только с отправкой граждан за границу, но и с их трудоустройством. На наш взгляд, вряд ли целесообразно в одной статье определять незаконную миграцию посредством трудоустройства мигрантов лицом, действующим незаконно, но на территории Республики Таджикистан.

Что касается УК Туркменистана [6], то здесь в гл. XXV «Преступления против порядка управления» расположена ст. 237 (Организация незаконной миграции), диспозиция которой изложена более четко, а квалифицированный вид преступления не предусматривает самостоятельного состава иного преступления. Так, согласно ч. 1 данной статьи ответственность предусмотрена за организацию деятельности по незаконному въезду в Туркменистан, пребыванию на территории Туркменистана, транзитному проезду через территорию Туркмени-

стана иностранных граждан или лиц без гражданства. Такие действия наказываются штрафом в размере от тридцати до шестидесяти размеров установленной базовой величины или лишением свободы на срок до трех лет (преступление средней тяжести). Квалифицированные виды этого преступления в целом соответствуют общепринятым, подчеркивающим повышенную степень общественной опасности, но есть и особенности. Так, наряду с традиционным признаком, отягчающими ответственность (группой лиц по предварительному сговору), законодатель усилил ответственность за совершение с целью осуществления преступления на территории Туркменистана. Так, в соответствии с ч. 2 наказуемы штрафом в размере от пятидесяти до ста размеров установленной базовой величины или лишением свободы на срок до пяти лет те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или с целью осуществления преступления на территории Туркменистана. Следует подчеркнуть более точную технологию в изложении туркменским законодателем текста закона применительно к этой норме, в отличие от законодателя Таджикистана (преступление средней тяжести). Может быть, правильнее относить деяние, предусмотренное ч. 2, к тяжким преступлениям.

Полагаем, что в данной статье можно использовать опыт российского законодателя, установившего ответственность за совершение подобных деяний и с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Как и в УК Республики Таджикистан, так и в УК Туркменистана субъектом преступления по ст. 237 признается физическое, вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

В УК Республики Узбекистан имеется лишь одна норма, предусматривающая ответственность за нарушение миграционного законодательства. Речь идет о ст. 223 УК «Незаконный выезд за границу или незаконный въезд в Республику Узбекистан», находящейся в разделе 5 «Преступления против порядка функционирования органов власти, управления и общественных объединений» гл. XV «Преступления против порядка управления» [7].

Диспозиция ч. 1 ст. 223 предусматривает ответственность за такие деяния: выезд за границу, въезд в Республику Узбекистан или переход Государственной границы Республики Узбекистан в нарушение установленного порядка. Преступление наказывается штрафом от двухсот до четырехсот базовых расчетных величин или ограничением свободы от трех до пяти лет либо лишением свободы от трех до пяти лет [10, 11, 12]. Законодатель усилил ответственность по ч. 2 ст. 223 УК в случае, если деяния совершены путем прорыва Государственной границы Республики Узбекистан или по предварительному сговору группой лиц, или повторно, или опасным рецидивистом, или должностным лицом, выезд за границу которого требует специального согласования, или лицом, которому право на въезд в Республику Узбекистан ограничено в установленном порядке. Подобные деяния рассматриваются как тяжкие преступления.

Освобождаются от ответственности иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Узбекистан без надлежащего оформления въездных документов для использования права политического убежища, предусмотренного Конституцией Республики Узбекистан [13, 14].

Как и в предыдущих рассмотренных законодательствах, в УК Республики Узбекистан субъектом преступления по ст. 223 признается физическое, вменяемое лицо, которому до совершения незаконной миграции исполнилось 16 лет.

Отметим, что уголовное законодательство Узбекистана до недавнего времени предусматривало ответственность за нарушение правил пребывания на территории Узбекистана, однако в настоящий момент ст. 224 УК Республики Узбекистан, регламентировавшая данные отношения, исключена. Представляет интерес то, что она устанавливала ответственность за «непринятие гражданином, пригласившим в Республику Узбекистан иностранных граждан и лиц без гражданства по частным делам, мер по обеспечению временной прописки этих граждан, а также их выезда по истечении определенного им срока пребывания» (ч. 3 ст. 224 УК Республики Узбекистан в редакции от 30.08.2019) [8].

Анализ соответствующих норм уголовного законодательства Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана показывает, что оно имеет отличия от соответствующего уголовного законодательства Российской Федерации, в том числе и те, которые позволяют усовершенствовать отечественное законодательство, несмотря на то, что в нем более четко разработаны основания для ответственности за организацию незаконной миграции. Это касается прежде всего совершенствования диспозиции ч. 1 ст. 322.1 УК Российской Федерации, а также введения дополнительных квалифицирующих признаков, связанных с нарушением гражданином Российской Федерации, пригласившим в Российскую Федерацию иностранного гражданина или апатрида с обещанием обеспечения их легального пребывания на территории Российской Федерации и легального выезда, но после их прибытия отказавшегося от организации легального пребывания и выезда, если это повлекло за собой нелегальное пребывание приглашенного на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Ларионов И. А. Уголовно-правовые и криминологические основы противодействия преступности в сфере незаконной миграции // Право. 2012. С. 117–119.
2. Кулешов Р. В., Фойгель Е. И. Противодействие преступности, связанной с организацией незаконной миграции в период осуществления специальной военной операции: организационно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 54–63.
3. Джаржанов А. М. Противодействие незаконной миграции: проблемы безопасности и правообразования // Актуальные исследования. 2023. № 38 (168). С. 50–53.
4. Ахмадзода Р. С. Содержание квалифицирующих признаков организации незаконной миграции, характеризующих объективную сторону состава пре-

ступления, по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник ТГУПБП. Серия общественных наук. 2025. № 1 (102). С. 50–56.

5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. от 20.06.2024). URL.: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf/>.

6. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-I (с изм. и доп. от 25.11.2023). URL.: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286/.

7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII) (с изм. и доп. от 27.03.2025). URL.: <https://www.lex.uz/acts/111457/>.

8. Исмаилов Б. Б. Зарубежный опыт борьбы с незаконной миграцией // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1А-2А. С. 119–127.

9. Иллюк А. А. Криминологические аспекты противодействия преступности незаконных мигрантов в Российской Федерации с учетом международных миграционных процессов: опыт и проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

10. Ст.ст. 10, 12, 15 Закона «О Государственной границе Республики Узбекистан».

11. Постановление Президента Республики Узбекистан от 26 декабря 2018 г. № ПП-4079 «О дальнейших мерах по созданию системы оформления и выдачи биометрического паспорта гражданина Республики Узбекистан для выезда за границу и модернизации биометрической паспортной системы Республики Узбекистан».

12. Порядок въезда в Республику Узбекистан и выезда из Республики Узбекистан иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденный постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 21 ноября 1996 г. № 408.

13. Абз. 2 п. 6. постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 25 ноября 2011 г. № 9 «О судебной практике по делам о нарушении порядка пересечения Государственной границы Республики Узбекистан».

14. Абз. 1 п. 12 постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 6 сентября 2013 г. № 18 «О судебной практике по делам о нарушении таможенного законодательства и контрабанде».

Кузьмин С. А.¹,
адъюнкт очной формы обучения
ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА И (ИЛИ) ИНСТРУМЕНТОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современную эпоху цифровизации экономика все более опирается на электронные средства платежа и платежные инструменты. Одновременно наблюдается рост преступности в данной сфере. Так, основная доля мошенничеств с банковскими карточками в Беларуси перешла в онлайн-среду [6], и количество таких инцидентов увеличилось на 12 % в 2024 г. по сравнению с 2023 г., а средняя сумма потерь почти удвоилась – с \$35 до \$82 [5]. В 2024 г. общий ущерб от мошенничества в Беларуси составил Br 48,8 млн. [2]. Правоохранительные органы фиксируют ежегодный рост киберпреступлений, связанных с платежными картами и интернет-мошенничеством; по данным МВД, число преступлений в сфере интернет-мошенничества за 2020 г. возросло почти вдвое. Эти тенденции обнажают острую проблему: существующие уголовно-правовые механизмы должны адекватно реагировать на новые способы неправомерного оборота средств платежа.

Республика Беларусь, учитывая указанные вызовы, закрепила ответственность за подобные деяния в Уголовном кодексе республики Беларусь (далее – УК РБ). Статья 222 УК РБ [1] устанавливает уголовную ответственность за незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов. Однако возник ряд проблем правоприменения: сложность доказательства отдельных признаков состава (например, корыстной мотивации), разграничение с родственными составами преступлений (мошенничество, кража с использованием компьютерной техники и др.), а также пробелы в охвате новых форм расчетов (виртуальные валюты, криптокошельки). Недостаточная разработанность этих вопросов может приводить к уходу преступников от ответственности или к неправильной квалификации содеянного.

В настоящей статье проводится актуальный анализ особенностей привлечения к ответственности за незаконный оборот средств платежа по белорусскому законодательству с учетом новейшей практики и статистики. Выявлены проблемные аспекты применения ст. 222 УК РБ и предложены пути их разрешения. Такой подход позволяет внести предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения, что ранее недостаточно отражалось в отечественной научной литературе последних лет.

¹ © Кузьмин С. А., 2025.

Мы постараемся рассмотреть особенности уголовно-правовой защиты сферы платежных средств в Республике Беларусь; выявить пробелы и коллизии правоприменения про ст. 222 УК РБ; сформулировать рекомендации по их устранению.

В УК РБ предусматривается специальная норма, направленная на борьбу с неправомерным оборотом платежных средств. В ст. 222 УК РБ «Незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов» предусмотрено два основных вида деяний:

1) часть 1 ст. 222 УК РБ устанавливает ответственность за распространение из корыстных побуждений реквизитов банковских платежных карточек или иных аутентификационных данных, дающих доступ к счетам, электронным или виртуальным кошелькам, если указанные данные находились в незаконном владении виновного, тем самым криминализуется сбыт (разглашение, передача) конфиденциальной платежной информации, прежде всего данных чужих банковских карт (номера, PIN-коды, пароли и пр.), совершаемая с целью личной выгоды;

2) по ч. 2 ст. 222 УК РБ наказуемы изготовление в целях сбыта либо сбыт поддельных платежных инструментов или средств платежа, включая, например, изготовление и продажу поддельных банковских карт, электронных кошельков, фальшивых электронных денежных средств и иных платежных документов.

Таким образом, ст. 222 УК РБ охватывает как оборот украденных реквизитов реальных платежных средств, так и оборот поддельных инструментов, предназначенных для незаконных расчетов. Белорусский уголовный закон также предусматривает ответственность за квалифицированные и особо квалифицированные виды этого преступления: совершение указанных действий повторно, группой лиц или с получением дохода в крупном размере (ч. 3 ст. 222 УК РБ), а равно совершение организованной группой или с доходом в особо крупном размере (ч. 4 ст. 222 УК РБ), что влечет более строгое наказание.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 222 УК РБ, выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасное и законное функционирование национальной платежной системы и финансового оборота. Данные отношения включают в себя установленные правила эмиссии, использования и обращения платежных инструментов (банковских карт, электронных денег и т. п.), а также имущественные интересы граждан и организаций, обеспечиваемые этими правилами.

Предметом преступления законодатель прямо называет платежные инструменты, средства платежа и их реквизиты. Приведенная терминология требует пояснения. Под платежными инструментами целесообразно понимать устройства или носители, с помощью которых осуществляется перевод денежных средств (например, банковские платежные карточки, электронные кошельки, чеки и др.). Под средствами платежа понимаются сами денежные средства в безналичной или электронной форме, используемые для расчетов (например, электронные деньги, коды доступа к счету и пр.). Реквизиты платежных инструментов или средств платежа – это данные, идентифицирующие и позволяющие использовать соответствующее средство платежа: номер карты, CVV-код, PIN-код, логины и пароли от электронных кошельков, иные аутентификационные данные.

Таким образом, предметом преступного посягательства являются либо реальные платежные инструменты и деньги (в форме электронных записей), либо их фальшивые аналоги, а также связанные с ними данные доступа. «При этом не имеет значения, в какой валюте (национальной или иностранной) оценивается номинал этих платежных документов» [8, с. 295].

Законодатель подчеркнул, что ответственность за распространение чужих платежных реквизитов наступает лишь в случае, если виновный действует из корыстных побуждений (то есть преследуя материальную выгоду). В примечании к ст. 4 УК РБ указано, что под корыстными побуждениями понимается стремление извлечь из совершенного преступления выгоду имущественного характера для себя или своих близких. Это определение имеет основополагающее значение, поскольку состав ч. 1 ст. 222 УК РБ включает мотив корыстной заинтересованности.

В большинстве случаев обозначенный квалифицирующий признак реализуется, например, при продаже украденных данных банковских карт на специализированных форумах, когда преступник явно руководствуется желанием получить прибыль. Однако на практике требование доказать корыстный мотив может осложнить привлечение к ответственности в нетривиальных ситуациях. Если лицо распространяет платежные реквизиты не ради непосредственной выгоды (например, из хулиганских побуждений или для облегчения иных преступлений), формально отсутствует признак состава, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РБ. Представляется, что подобное ограничение сферы действия нормы неоправданно сужает уголовно-правовую охрану. Указанное позволяет констатировать целесообразность декриминализации мотива в диспозиции, чтобы пресекать любой неправомерный оборот таких данных независимо от субъективной цели злоумышленника.

Преступления, связанные с неправомерным оборотом средств платежа, часто совершаются во взаимосвязи с другими посягательствами. На практике нередки ситуации, когда одни и те же лица и распространяют украденные данные карт, и непосредственно осуществляют хищение денежных средств со счетов потерпевших. В этих случаях возникает совокупность преступлений: деяния по изъятию средств со счета квалифицируются, например, как хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК РБ), либо мошенничество (ст. 209 УК) – в зависимости от способа завладения средствами, а параллельная продажа или передача реквизитов другим лицам образует состав ст. 222 УК РБ.

Важно правильно квалифицировать такие действия, не поглощая одно другим, ведь «квалификация преступлений является правовым основанием для возникновения и реализации уголовной ответственности, а после установления виновности лица – и для применения норм уголовно-исполнительного права» [3, с. 12]. Белорусский законодатель, в отличие от некоторых других стран, ввел специальную норму для оборота платежных средств, благодаря чему нет необходимости применять по аналогии статьи о мошенничестве либо о подделке документов. Статья 222 УК РБ охватывает именно деяния по созданию и распространению инструментов совершения краж, тогда как завершенные хищения охватываются отдельными нормами о преступлениях против собственности. Таким образом,

совокупность преступлений в подобных случаях является разнородной (преступление против порядка экономической деятельности плюс преступление против собственности), и каждое из них подлежит самостоятельной квалификации.

Проблемы разграничения возникают и между ст. 222 УК и ст. 221 УК РБ, устанавливающей ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Граница здесь проводится по характеру подделки: если объектом фальсификации являются наличные деньги либо официальные ценные бумаги, применяется ст. 221 УК РБ, а если же изготавливаются поддельные инструменты для безналичных расчетов (пластиковые карты, электронные платежные документы), квалификация идет по ст. 222 УК РБ. В случаях, когда преступление связано одновременно с подделкой и наличных денег, и платежных карт, содеянное образует совокупность преступлений по обеим статьям.

В реальной практике большинство дел по ст. 222 УК РБ связано с так называемым кардингом – незаконным оборотом данных банковских карточек, полученных путем кражи или мошенничества в интернете [4, с. 78]. Злоумышленники добывают реквизиты через фишинговые сайты, вредоносное ПО или путем социального инжинерии (обмана держателей карт), после чего продают эти данные на теневых онлайн-форумах либо используют сами. Белорусские суды уже имеют опыт рассмотрения подобных дел, в том числе с транснациональным характером.

Как отмечается, основная масса преступлений с платежными картами сейчас совершается без физического подделывания карты – достаточно знать ее реквизиты для операций онлайн [7]. В Беларуси практически сошли на нет случаи скимминга и изготовления дубликатов карт с магнитной полосой, благодаря переходу банков на чиповые карты. Таким образом, ч. 2 ст. 222 УК РБ (поддельные платежные инструменты) утратила былую актуальность в части поддельных пластиковых карт, однако получает новое наполнение применительно к поддельным электронным кошелькам, аккаунтам в платежных сервисах, QR-кодам и т. п.

Статистические данные правоохранительных органов подтверждают рост выявляемости преступлений данной категории. По неофициальным оценкам, ежегодно возбуждаются десятки уголовных дел по ст. 222 УК, преимущественно по фактам сбыта реквизитов банковских карт через интернет. При этом значительная доля обвиняемых – молодые люди с IT-навыками, объединяющиеся в группы. Часть таких групп действует из-за рубежа, что затрудняет расследование и требует международного сотрудничества. Белорусские спецподразделения по киберпреступности активно взаимодействуют с Интерполом и компетентными органами других стран для пресечения трансграничного оборота украденных платежных данных. Тем не менее, латентность остается высокой: потерпевшие не всегда своевременно обнаруживают кражу данных или не сообщают об этом, а выявление утечки данных часто происходит за пределами юрисдикции Республики Беларусь. Проблемой является и анонимность в сети: преступники используют шифрование, меняют IP-адреса, что, как отмечает оперативное подразделение МВД, существенно затрудняет их вычисление.

Анализ показывает, что законодательство Республики Беларусь в целом соответствует современным вызовам в сфере платежных преступлений, однако нуждается в точечной корректировке.

Во-первых, следует рассмотреть исключение из диспозиции ч. 1 ст. 222 УК РБ указания на корыстную цель либо заменить ее формулировкой «из корыстной или иной личной заинтересованности», чтобы охватить случаи распространения реквизитов с любой противоправной мотивацией. Это устранило бы возможность ухода от ответственности лиц, распространяющих чужие платежные данные без очевидной выгоды для себя.

Во-вторых, представляется целесообразным ввести самостоятельную уголовную ответственность за незаконное приобретение или хранение значительного количества платежных реквизитов без законных оснований. Такая норма (возможно, в качестве новой части статьи или отдельной статьи) позволила бы привлекать тех, кто собирает базы данных чужих карт, даже если они еще не успели их продать.

Кроме того, необходимо адаптировать правоприменение к появлению новых технологий. Указание в законе на «электронные или виртуальные кошельки» свидетельствует, что действующая редакция охватывает и современные платежные системы, и даже элементы криптовалют (кошельки в блокчейне можно отнести к виртуальным кошелькам). Однако при дальнейшем развитии технологий могут понадобиться уточнения. Например, если распространение данных для доступа к криптовалютному кошельку станет массовым явлением, возможна актуализация понятия средства платежа с учетом цифровых активов. Также следует уделять внимание криминологической превенции: банкам и регулятору надлежит повышать защиту платежных систем (двухфакторная аутентификация, мониторинг подозрительных транзакций), что затруднит неправомерный доступ к платежным реквизитам. Соответственно, реализация предложений по улучшению законодательства и практики позволит повысить эффективность борьбы с неправомерным оборотом средств платежа.

Уголовно-правовой механизм ответственности за неправомерный оборот средств платежа в Республике Беларусь в целом соответствует современным вызовам, но требует дальнейшего развития. Реализация указанных мер позволит обеспечить более полную защиту экономической безопасности и интересов граждан в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275/>.
2. Br48,8 млн ущерба и Br5,7 млн спасенных: Нацбанк раскрыл итоги борьбы с мошенниками в 2024 году. URL: <https://pk-gazeta.by/br48-8-mln-ushherba-i-br5-7-mln-spasyonnyh-natsbank-raskryl-itogi-borby-s-moshennikami-v-2024-godu/>.
3. Практикум по квалификации отдельных видов преступлений / [Е. А. Азаренкова и др.] ; под ред. А. П. Дмитренко. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

4. Артеменко Н. А. Кардинг как вид мошеннической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 77–80.

5. Аферы с банковскими карточками становятся дороже для белорусов. URL: <https://money.onliner.by/2025/04/22/afery-s-bankovskimi-kartochkami>.

6. Мошенничество в сфере платежных инструментов и сервисов в 2024 году: общая статистика и тенденции. URL: <https://nrc.by/upload/iblock/f17/soaj0c9nn85btbjj4ubckk697iwcrrjw/Приложение%20Отчет%20«Мошенничество%20в%20сфере%20платежных%20инструментов%20и%20сервисов%20в%202024%20году%20общая%20статисти.pdf/>.

7. Мошенничество с карточками в цифрах и фактах: свежая статистика. URL: <https://prodelo.by/moshennichestvo-s-kartochkami-v-czifrah-i-faktah-bankovskij-proczessingovyj-czentr-podgotovil-svezhuyu-statistiku/>.

8. Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018.

Петрова В. П.¹,
помощник судьи
арбитражного суда
Ханты-Мансийского
автономного округа Югры

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В 2015 г. в России был введен институт банкротства физических лиц, ставший важным инструментом для разрешения финансовых трудностей граждан. Он предоставляет должникам возможность избавиться от непосильных долгов, а кредиторам – частично удовлетворить свои требования в рамках установленной процедуры. Однако наряду с очевидными преимуществами эта процедура создает условия для злоупотреблений, включая совершение преступлений, таких как преднамеренное или фиктивное банкротство. В связи с этим вопросы уголовно-правовой квалификации подобных деяний и проблемы правоприменения в этой области приобретают особую значимость.

Проблемы банкротства физических лиц, особенно в контексте уголовного права, привлекают внимание исследователей. Например, Е. В. Портнова в статье «Проблемы привлечения к ответственности при проведении процедуры банкротства физических лиц» анализирует сложности, возникающие при привлечении к ответственности за нарушения в процедуре банкротства. Автор выявляет пробелы в законодательном регулировании и предлагает пути совершенствования правоприменительной практики для повышения эффективности защиты прав кредиторов.

Цель данной статьи – комплексный анализ уголовно-правовых аспектов банкротства физических лиц в Российской Федерации, выявление проблем квалификации и правоприменения, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства в этой сфере. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой анализ, системный подход, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Уголовно-правовые аспекты проблемы. Институт банкротства, призванный обеспечивать баланс интересов должника и кредиторов, к сожалению, может использоваться в противоправных целях, в том числе для мошенничества. Уголовная ответственность за подобные деяния предусмотрена ст.ст. 195, 196 и 197 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которые устанавливают ответственность за неправомерные действия при банкротстве, а также за преднамеренное и фиктивное банкротство.

Однако если действия должника (или иных лиц) содержат признаки обмана или злоупотребления доверием с целью хищения чужого имущества или при-

¹ © Петрова В. П., 2025.

обретения права на чужое имущество, то такие мошеннические действия при банкротстве квалифицируются по ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Практика показывает, что квалификация мошенничества при банкротстве требует тщательного анализа всех обстоятельств дела. Обман может проявляться в предоставлении ложной информации о финансовом состоянии, сокрытии имущества, фальсификации документов, создании искусственной задолженности и т. д. Злоупотребление доверием, в свою очередь, может выражаться в использовании служебного положения арбитражным управляющим, сговоре с кредиторами, заключении заведомо невыгодных сделок и других действиях, направленных на причинение ущерба кредиторам [1].

Особую сложность представляет доказывание умысла на совершение мошеннических действий. Необходимо установить, что должник (или иное лицо) осознавало противоправный характер своих действий и желало наступления негативных последствий для кредиторов. Для этого требуется исследовать финансовое состояние должника до момента банкротства, анализировать сделки, совершенные в преддверии банкротства, а также оценивать действия арбитражного управляющего и других лиц, участвующих в процедуре банкротства. Важнейшими источниками информации являются бухгалтерские документы, банковские выписки, договоры и иные документы, позволяющие установить реальное финансовое положение должника (Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2].

Важно отметить, что действия, направленные на сокрытие имущества от кредиторов, могут квалифицироваться не только по ст. 159 УК РФ, но и по ст. 177 УК РФ (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Выбор квалификации зависит от конкретных обстоятельств дела, в частности, от размера причиненного ущерба и наличия у должника реальной возможности погасить задолженность.

Уголовный кодекс Российской Федерации также устанавливает ответственность за два специфических вида нарушений, непосредственно связанных с банкротством [2]: фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) и преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ). Эти составы преступлений направлены на предотвращение злоупотреблений институтом банкротства и защиту интересов кредиторов.

Фиктивное банкротство предполагает заведомо ложное публичное объявление руководителем или индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если это действие причинило крупный ущерб (примечание к ст. 170.2 УК РФ признает крупным ущербом сумму, превышающую два 2 250 000 руб.). Ключевым элементом состава является заведомая ложность: лицо, объявляющее о банкротстве, должно осознавать свою платежеспособность и иметь возможность исполнять свои обязательства перед кредиторами [3]. Целью фиктивного банкротства может быть получение отсрочки или рассрочки платежей, уклонение от уплаты долгов или получение иных выгод. Для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие крупного ущерба, причиненного кредиторам.

Преднамеренное банкротство, напротив, предполагает совершение руководителем или индивидуальным предпринимателем действий (или бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб (ст. 196 УК РФ). В отличие от фиктивного банкротства, при преднамеренном банкротстве лицо изначально находится в состоянии платежеспособности, но совершает действия, приводящие к банкротству. Доказывание преднамеренного банкротства требует установления причинно-следственной связи между действиями (бездействием) должника и наступившей неплатежеспособностью. При этом необходимо учитывать, что предпринимательская деятельность связана с риском и не каждое неудачное решение может быть квалифицировано как преднамеренное банкротство. Важно установить, что действия должника были направлены на умышленное ухудшение финансового состояния предприятия с целью причинения ущерба кредиторам.

Таким образом, квалификация действий при банкротстве требует тщательного анализа всех обстоятельств дела, установления умысла на совершение противоправных действий и наличия причинно-следственной связи между действиями должника и наступившими негативными последствиями для кредиторов. Необходимо учитывать, что институт банкротства является сложным правовым механизмом, и его использование в противоправных целях требует особого внимания со стороны правоохранительных органов.

Преднамеренное банкротство – это действия или бездействие, которые заведомо приводят к неспособности компании или индивидуального предпринимателя расплатиться с кредиторами и уплатить обязательные платежи, если это причиняет крупный ущерб. В отличие от фиктивного банкротства, при преднамеренном банкротстве должник действительно становится неплатежеспособным, но это происходит из-за целенаправленных действий, ухудшающих его финансовое положение. Примеры таких действий: заключение невыгодных сделок, вывод активов, незаконное отчуждение имущества. Для выявления признаков преднамеренного банкротства необходим анализ финансово-хозяйственной деятельности должника за период, предшествующий банкротству [4].

Разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства важно, так как от этого зависит квалификация преступления и мера ответственности. Фиктивное банкротство – это ложное заявление о несостоятельности, а преднамеренное – целенаправленное ухудшение финансового состояния, приводящее к реальной неплатежеспособности. Оба вида нарушений подрывают доверие к процедуре банкротства и наносят ущерб кредиторам, поэтому борьба с ними – важная задача (Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Расследование преступлений, связанных с банкротством, – сложный процесс, требующий знаний в экономике, финансах и юриспруденции. Успех достигается эффективным взаимодействием следователей, оперативников и арбитражных управляющих. Первый этап – возбуждение уголовного дела (ст. 140

УПК РФ) при наличии данных о преступлении (ст.ст. 195, 196, 197 УК РФ или др.) [5]. Затем проводится предварительное расследование, включающее допросы, осмотры и экспертизы. Ключевым является анализ финансово-хозяйственной деятельности должника.

Функции судов в делах о банкротстве многогранны. Они включают контроль над законностью действий следствия (ст.ст. 165, 29 УПК РФ), вынесение приговора на основе принципа состязательности сторон, а также рассмотрение гражданско-правовых последствий, в том числе взыскание ущерба. В своей деятельности суды руководствуются принципами состязательности и равноправия сторон, обеспечивая соблюдение прав всех участников процесса.

Этапы расследования и судебное разбирательство тесно связаны. Эффективное расследование и справедливое судебное разбирательство – залог законности и защиты прав кредиторов. Важность этих двух составляющих подчеркивает необходимость постоянного совершенствования правоприменительной практики в данной сфере.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает широкий спектр наказаний за преступления, связанные с банкротством, что отражает различную степень общественной опасности этих деяний. Конкретная мера наказания определяется судом с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств (ст.ст. 60–63 УК РФ). При назначении наказания ключевым принципом является его справедливость и соответствие содеянному.

За неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), такие как сокрытие имущества, воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего или передача имущества в ущерб кредиторам, предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, обязательные работы, принудительные работы либо лишение свободы на срок до трех лет. Суд, оценивая все обстоятельства дела, определяет, какое именно наказание будет наиболее целесообразным для достижения целей уголовного наказания, включая восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений.

Преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), то есть совершение действий, заведомо влекущих неспособность должника удовлетворить требования кредиторов, наказывается более строго: штрафом, принудительными работами либо лишением свободы на срок до шести лет. Это обусловлено тем, что преднамеренное банкротство, как правило, связано с серьезными злоупотреблениями и причиняет значительный ущерб кредиторам и экономике в целом.

Помимо основных видов наказаний, суд может назначить дополнительные наказания, такие как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ст. 47 УК РФ). Это особенно актуально для лиц, занимавших руководящие должности в организации-банкроте или осуществлявших предпринимательскую деятельность. Наряду с уголовной ответственностью, лица, виновные в совершении преступлений, связанных с банкротством, несут также гражданско-правовую ответственность за причиненный кредиторам ущерб (ст. 1064 Гражданского кодекса РФ) [6]. Кредиторы вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков, причинен-

ных преступными действиями должника. Таким образом, система наказаний направлена на комплексную защиту прав кредиторов и интересов государства [7].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что уголовно-правовое регулирование банкротства, несмотря на наличие базовых норм, нуждается в дальнейшем совершенствовании для эффективной защиты прав кредиторов и предотвращения злоупотреблений. Анализ научных работ выявил ряд проблемных зон, требующих законодательного решения. В частности, необходимо уточнить признаки составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 195, 196 и 197 УК РФ. Неоднозначность формулировок затрудняет квалификацию действий должников и арбитражных управляющих, что создает риск как необоснованного уголовного преследования, так и уклонения от ответственности.

Кроме того, целесообразно усилить уголовную ответственность за преднамеренное банкротство, особенно в случаях, когда оно совершено организованной группой или повлекло особо крупный ущерб. Это повысит дисциплину в бизнес-среде и станет сдерживающим фактором для финансовых махинаций.

Важно наладить более тесное взаимодействие между правоохранительными органами и арбитражными управляющими. Своевременное информирование о признаках преступлений, выявленных в ходе процедуры банкротства, значительно ускорит расследование и привлечение виновных к ответственности. Для этого необходимо разработать четкий механизм обмена информацией и предусмотреть ответственность арбитражных управляющих за сокрытие фактов, указывающих на совершение преступлений.

Наконец, необходимо повысить финансовую грамотность населения и предпринимателей. Информирование о рисках банкротства и ответственности за злоупотребления в этой сфере будет способствовать формированию более ответственного отношения к финансовым обязательствам.

Таким образом, комплексный подход, включающий в себя совершенствование законодательства, усиление взаимодействия между заинтересованными сторонами и повышение финансовой грамотности, является необходимым условием для эффективного уголовно-правового регулирования банкротства и обеспечения защиты прав кредиторов. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных предложений по внесению изменений в действующее законодательство и совершенствованию правоприменительной практики. Необходимо также учитывать международный опыт в сфере уголовно-правового регулирования банкротства, адаптируя его к российским реалиям. В частности, следует изучить практику других стран в части определения признаков составов преступлений, связанных с банкротством, и установления ответственности за их совершение. Кроме того, важно обратить внимание на вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с трансграничными банкротствами и возвратом активов, выведенных за рубеж в результате преступных действий. В конечном итоге, эффективное уголовно-правовое регулирование банкротства должно способствовать оздоровлению экономики, повышению инвестиционной привлекательности и укреплению доверия к финансовой системе. Для достижения этих целей необходимо постоянное совершенствование законодательства и правопримени-

тельной практики, а также активное взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами. Только в этом случае можно будет обеспечить эффективную защиту прав кредиторов и предотвратить злоупотребления в сфере банкротства.

Список литературы

1. Медведева Е. И. Мошеннические схемы банкротства физических лиц // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2022. С. 297–311.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 26.12.2024 № 478-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закиров Н. Ш. Общая характеристика криминальных банкротств в российском уголовном праве // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях. Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2020. С. 449–455.
4. Портнова Е. В. Проблемы привлечения к ответственности при проведении процедуры банкротства физических лиц // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2 (38). С. 89–99.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Козак М. Ю. Уголовная и административная ответственность при банкротстве физических лиц // Перспективы развития науки в современном мире. Уфа : Дендра, 2018. С. 25–28.

Рогова О. С.¹,
курсант
факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Королева Е. В.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ: НОВЫЕ УГРОЗЫ И СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В ЕАЭС

В статье рассматриваются актуальные проблемы роста экономической преступности в контексте углубления интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Анализируются специфические угрозы, возникающие вследствие либерализации перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами-участницами. Выделяются основные виды экономических преступлений, получивших новое развитие в условиях единого экономического пространства: контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов, отмывание денег, мошенничество с использованием цифровых технологий, коррупционные правонарушения. Обозначаются ключевые вызовы, связанные с различиями в национальных законодательствах, недостаточной координацией правоохранительных органов и сложностью трансграничных расследований. Предлагаются комплексные стратегии противодействия, включающие гармонизацию законодательства, укрепление межведомственного и международного сотрудничества, внедрение современных технологий контроля и анализа рисков, а также повышение прозрачности экономических процессов в Союзе. Подчеркивается необходимость выработки единых подходов и консолидации усилий всех государств – членов ЕАЭС для эффективной защиты общего экономического пространства.

Евразийский экономический союз, созданный с целью обеспечения «четырех свобод» – свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, – представляет собой амбициозный интеграционный проект, открывающий значительные перспективы для экономического роста и повышения конкурентоспособности стран-участниц [1]. Однако, как и любой масштабный процесс либерализации и унификации, евразийская интеграция несет в себе не только возможности, но и определенные риски. Одной из наиболее серьезных угроз,

¹ © Рогова О. С., 2025.

которая актуализируется и трансформируется в новых условиях, является экономическая преступность.

Снятие барьеров, упрощение процедур и создание единого таможенного и экономического пространства объективно формируют благоприятную среду не только для легального бизнеса, но и для криминальных структур, стремящихся использовать интеграционные преимущества в своих корыстных целях. Традиционные виды экономических преступлений приобретают новые масштабы и формы, а также появляются специфические угрозы, обусловленные именно трансграничным характером деятельности в рамках ЕАЭС.

Целью данной статьи является анализ новых вызовов и угроз экономической преступности, возникающих в условиях евразийской интеграции, а также рассмотрение возможных стратегий и направлений противодействия этим негативным явлениям на наднациональном и национальном уровнях. Эффективная защита общего экономического пространства от криминальных посягательств является не только вопросом безопасности отдельных государств, но и ключевым фактором устойчивости и успешности самого интеграционного проекта ЕАЭС.

Фундаментом ЕАЭС является создание единого рынка, что предполагает устранение таможенных границ между государствами-членами, применение единого таможенного тарифа и единых мер нетарифного регулирования в отношении третьих стран, а также гармонизацию законодательства в ключевых сферах экономики. Эти меры, безусловно, стимулируют торговлю, инвестиции и кооперацию внутри Союза. Однако они же создают и новые уязвимости. Отметим самые основные.

Единая таможенная территория. Отсутствие таможенного контроля на внутренних границах упрощает перемещение товаров внутри ЕАЭС, что может использоваться для легализации контрабандной продукции, ввезенной через границу одного из государств-членов с менее строгим контролем. Возникают схемы лжетранзита или недостоверного декларирования товаров на внешней границе с целью их последующего свободного обращения на всей территории Союза [2, с. 146].

Свободное движение капитала. Облегчение трансграничных финансовых операций создает дополнительные возможности для отмывания доходов, полученных преступным путем, и незаконного вывода капитала за пределы Союза или его перемещения между юрисдикциями стран-участниц с целью сокрытия происхождения средств [3, с. 115].

Гармонизация и различия законодательств. Процесс гармонизации нормативно-правовой базы идет, но он не одномоментен. Сохраняющиеся различия в национальных законодательствах (например, в ставках акцизов, НДС, требованиях к маркировке, определениях составов преступлений и мерах ответственности) активно используются криминальными элементами для арбитража и построения схем уклонения от уплаты обязательных платежей.

Цифровизация экономических отношений. Развитие электронной торговли, цифровых финансовых услуг и электронного документооборота в рамках ЕАЭС открывает новые горизонты для кибермошенничества, хищений с использова-

нием цифровых платформ, а также для незаконного оборота цифровых активов и отмывания денег через криптовалюты [4, с. 36].

Таким образом, сама логика интеграции, направленная на снятие барьеров, парадоксальным образом может способствовать интернационализации и усложнению экономической преступности, требуя адекватных и скоординированных мер реагирования.

В условиях единого экономического пространства ЕАЭС можно выделить несколько групп экономических преступлений, представляющих особую опасность.

Преступления в глобализационной сфере. Это прежде всего контрабанда товаров (особенно подакцизных – табака, алкоголя, топлива), недостоверное декларирование (занижение стоимости, подмена кода ТН ВЭД), уклонение от уплаты таможенных пошлин и налогов. Интеграция создает схемы, когда товар ввозится в одну страну ЕАЭС с минимальными платежами (или контрабандно), а затем свободно реализуется в других странах Союза, где налоговая нагрузка выше. Особую проблему представляет ввоз и распространение контрафактной продукции, что подрывает не только экономику, но и безопасность потребителей.

Налоговые преступления. Использование различий в налоговых системах стран-участниц, создание фиктивных компаний и цепочек поставок внутри ЕАЭС для уклонения от уплаты НДС, налога на прибыль и других налогов. Трансграничный характер бизнеса усложняет контроль и доказывание таких преступлений.

Отмывание денег и незаконный вывод капитала. Единое финансовое пространство может использоваться для легализации криминальных доходов через сложные трансграничные схемы с участием компаний и банков в разных юрисдикциях ЕАЭС. Облегчение движения капитала также создает риски его нелегального вывода, в том числе под видом фиктивных внешнеэкономических сделок [5, с. 315].

Мошенничество, в том числе в цифровой сфере. Рост электронной коммерции и цифровых платежей внутри Союза провоцирует всплеск мошеннических схем, направленных как на граждан, так и на бизнес. Это могут быть фишинговые атаки, создание поддельных интернет-магазинов, махинации с электронными платежными системами, действующие на территории нескольких стран ЕАЭС.

Коррупционные преступления. Процессы, связанные с пересечением границ (пусть и внешних для Союза), распределением квот, выдачей разрешений, контролем над соблюдением технических регламентов ЕАЭС, могут быть подвержены коррупции. Трансграничный характер экономических связей создает дополнительные возможности для сговора и усложняет выявление и расследование коррупционных правонарушений.

Новые угрозы связаны не столько с появлением принципиально новых видов преступлений, сколько с их адаптацией к условиям интеграции, увеличением масштабов, усложнением схем и приобретением ярко выраженного трансграничного характера, что существенно затрудняет работу национальных правоохранительных систем.

Несмотря на осознание общности угроз, эффективное противодействие экономической преступности в рамках ЕАЭС сталкивается с рядом серьезных вызовов:

Дисгармония законодательства: несмотря на усилия по гармонизации, сохраняются существенные различия в уголовном, уголовно-процессуальном, административном и налоговом законодательстве стран-участниц. Разнятся определения составов преступлений, санкции, процедуры расследования, правила сбора и допустимости доказательств. Это создает определенные юрисдикционные лазейки и затрудняет взаимную правовую помощь.

Недостаточная координация и обмен информацией. Отсутствует единый координационный центр по борьбе с экономической преступностью в ЕАЭС. Обмен оперативной информацией между правоохранительными, таможенными и финансовыми разведывательными органами стран-участниц часто носит фрагментарный характер, осуществляется с задержками и по сложным процедурам. Нет единых баз данных по экономическим преступлениям и лицам, их совершившим.

Сложность трансграничных расследований. Проведение следственных действий (допросов, обысков, выемок) на территории другого государства – члена ЕАЭС требует соблюдения длительных процедур международной правовой помощи. Возникают проблемы с юрисдикцией, экстрадицией лиц, признанием и исполнением решений судов [3, с. 115].

Различия в уровне технической оснащенности и кадрового потенциала. Правоохранительные и контролирующие органы стран ЕАЭС обладают разным уровнем ресурсного обеспечения, что влияет на их возможности по выявлению и расследованию сложных, технологичных экономических преступлений.

Проблемы цифровой криминалистики. Расследование киберпреступлений, отмывания денег через криптовалюты и других правонарушений в цифровой среде требует специальных знаний, оборудования и методик, а также тесного международного сотрудничества, которое пока недостаточно развито в этой сфере.

Преодоление этих вызовов требует системного подхода и политической воли всех государств – членов ЕАЭС.

Для построения эффективной системы защиты общего экономического пространства ЕАЭС от криминальных посягательств необходима реализация комплекса мер по следующим ключевым направлениям:

Дальнейшая гармонизация законодательства. Необходимо ускорить процесс сближения национальных законодательств в части определения ключевых составов экономических преступлений (контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов, отмывание денег, мошенничество), установления сопоставимых мер ответственности и унификации процессуальных норм, касающихся трансграничного сотрудничества. Возможно рассмотрение вопроса о разработке модельных законов или минимальных стандартов ЕАЭС в этой сфере [6, с. 85].

Укрепление институционального сотрудничества. Создание постоянно действующих рабочих групп и контактных пунктов: необходимо наладить прямой и оперативный обмен информацией между профильными подразделениями правоохранительных, таможенных, налоговых органов и подразделений финансовой разведки стран ЕАЭС. Возможно, следует рассмотреть создание единого

информационно-аналитического центра ЕАЭС по мониторингу и анализу рисков экономической преступности [7, с. 4].

Развитие совместных операций. Практика проведения скоординированных и совместных оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий по трансграничным экономическим преступлениям должна стать системной.

Упрощение процедур взаимной правовой помощи. Необходимо пересмотреть и оптимизировать механизмы оказания правовой помощи по уголовным делам в рамках ЕАЭС, сократить сроки исполнения запросов, расширить возможности использования современных коммуникационных технологий (например, видеоконференцсвязи для допросов).

Внедрение современных технологий контроля и анализа рисков. Цифровизация таможенного и налогового администрирования: развитие систем прослеживаемости товаров, использование электронных пломб, внедрение систем управления рисками на основе анализа больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта для выявления подозрительных операций и схем [4, с. 37].

Усиление контроля в финансовой сфере. Совершенствование систем ПОД/ФТ (противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма) на пространстве ЕАЭС, гармонизация подходов к регулированию и контролю за оборотом цифровых активов.

Развитие кибербезопасности. Укрепление защиты критической информационной инфраструктуры ЕАЭС, создание совместных центров реагирования на киберинциденты (CERT) в экономической сфере.

Повышение прозрачности и подотчетности. Совершенствование систем государственных закупок, контроля над распределением субсидий и дотаций в рамках ЕАЭС, внедрение антикоррупционных стандартов в деятельность наднациональных и национальных органов.

Подготовка кадров. Организация совместных обучающих программ, семинаров и стажировок для сотрудников правоохранительных, таможенных и финансовых органов стран ЕАЭС с целью обмена опытом и выработки единых подходов к расследованию экономических преступлений в условиях интеграции.

Евразийская экономическая интеграция является мощным стимулом для развития национальных экономик, однако она же создает и новые вызовы в сфере экономической безопасности. Рост и трансформация экономической преступности, приобретающей все более выраженный трансграничный характер, требуют от государств – членов ЕАЭС адекватных и, что самое главное, скоординированных ответных мер.

Успешное противодействие этим угрозам невозможно усилиями одной страны. Только через последовательную гармонизацию законодательства, налаживание эффективного межведомственного и международного сотрудничества, активное внедрение современных технологий и укрепление институционального потенциала можно создать надежный щит для защиты общего экономического пространства Союза [8, с. 15–18].

Борьба с экономической преступностью в ЕАЭС – это не только задача правоохранительных органов, но и вопрос стратегической важности для обеспечения устойчивого экономического развития, благоприятного инвестиционного

климата и доверия к интеграционному проекту в целом. Дальнейший успех евразийской интеграции во многом будет зависеть от способности стран-участниц совместно и эффективно решать проблемы экономической безопасности. Эта работа требует постоянного внимания, политической воли и готовности к компромиссам во имя общих интересов.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf/>.
2. Кузнецов А. П., Маршакова Н.Н. Актуальные вопросы противодействия таможенным преступлениям в Евразийском экономическом союзе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 145–151.
3. Иванов П. С. Трансграничная экономическая преступность в ЕАЭС: основные тенденции и проблемы противодействия // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 112–118.
4. Макаров Д. Г. Цифровые технологии и экономическая преступность: новые вызовы для ЕАЭС // Право и цифровая экономика. 2023. № 1. С. 34–40.
5. Клепицкий И. А. Экономические преступления в условиях глобализации и интеграции: сравнительно-правовой аспект. М. : Статут, 2019.
6. Гармонизация законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Аналитический доклад // Евразийский экономический союз в цифрах. М. : Евразийская экономическая комиссия. М., 2022.
7. Проблемы и перспективы развития сотрудничества правоохранительных органов государств – членов ЕАЭС в борьбе с экономической преступностью: материалы международной научно-практической конференции. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2021.
8. Волеводз А. Г. Противодействие экономическим преступлениям в условиях международной интеграции: проблемы и перспективы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 15–20.

Лендова В. А.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мжельская Г. М.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНТРАБАНДЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ В СТРАНАХ ЕАЭС

В данной статье понятие «контрабанда» рассматривается как экономическое преступление в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), а также раскрывается противодействие совершению этого деяния. Его негативные последствия затрагивают различные стороны жизни общества, подрывая основы стабильности и процветания. Поэтому борьба с контрабандой является важной задачей для всех государств – членов ЕАЭС, в рамках общей стратегии по укреплению национальной безопасности и повышению жизненного уровня населения.

Контрабанда – это преступное деяние, заключающееся в незаконном перемещении товаров или других предметов через таможенную или государственную границу. Все государства – члены ЕАЭС рассматривают контрабанду как серьезное правонарушение, караемое в соответствии с национальным уголовным законодательством. Это подтверждается статьями уголовных кодексов России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, которые однозначно квалифицируют контрабанду как общественно опасное деяние, угрожающее национальным интересам и безопасности [1].

Более детальное рассмотрение этого определения раскрывает его многогранность. Прежде всего контрабанда представляет собой не простое нарушение правил пересечения границы, а умышленное, виновное действие, направленное на обход установленного порядка и причинение вреда государству. Этот вред может выражаться в самых разных формах. Он затрагивает не только экономические интересы, связанные с неуплатой пошлин и налогов, хотя это, безусловно, один из самых значимых аспектов. В действительности, последствия контрабанды гораздо шире и зачастую представляют угрозу национальной безопасности.

Рассмотрим некоторые аспекты, составляющие суть общественной опасности контрабанды. Во-первых, незаконный ввоз оружия, наркотиков, взрывчатых веществ и других опасных материалов напрямую угрожает жизни и здоровью граждан, подрывает общественный порядок и стабильность в обществе.

¹ © Лендова В. А., 2025.

Такая контрабанда может способствовать росту преступности, терроризма и другим опасным явлениям, создавая угрозу безопасности всего государства. Защита населения от подобных угроз является приоритетной задачей любого государства, и контрабанда прямо этому противодействует [2].

Во-вторых, контрабанда товаров, подлежащих лицензированию или сертификации, например, медицинских препаратов или продуктов питания, может нанести серьезный ущерб здоровью населения. Отсутствие контроля качества и безопасности таких товаров создает риск распространения инфекционных заболеваний, отравлений и других негативных последствий для здоровья граждан. Это наносит значительный удар по здравоохранению и социальной защите населения, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на экономическое благосостояние страны, так как требует дополнительных затрат на здравоохранение и лечение.

В-третьих, контрабанда товаров, которые являются объектами интеллектуальной собственности (например, пиратские копии программного обеспечения, фильмов, музыкальных произведений), наносит ущерб национальной экономике, подрывая развитие инноваций и творческой деятельности в стране. Это приводит к потере рабочих мест, снижению налоговых поступлений в государственный бюджет и ослаблению конкурентоспособности национальных производителей.

В-четвертых, масштабная контрабанда товаров, обходящая установленные таможенные пошлины и налоги, наносит значительный удар по государственному бюджету, лишая его средств, необходимых для финансирования социальных программ, развития инфраструктуры и обеспечения национальной безопасности. Это напрямую влияет на уровень жизни населения и перспективы экономического развития страны.

Таким образом, контрабанда – это не просто экономическое преступление, а угроза национальной безопасности государства, включая экономическую, социальную и политическую сферы. Согласованная борьба с контрабандой способствует развитию единого рынка ЕАЭС, повышению конкурентоспособности национальных экономик и достижению общих целей интеграционного объединения. Единый подход к определению и пресечению контрабанды в рамках ЕАЭС является необходимым условием для эффективного функционирования и развития экономического союза. Без этого усилия отдельных государств будут недостаточны для преодоления этой серьезной угрозы, будет тормозиться общий экономический рост. Понимание сложности и многогранности последствий контрабанды является ключевым фактором для успешной борьбы с этим опасным явлением и укрепления экономической безопасности стран ЕАЭС [3].

Согласно Договору о ЕАЭС этот Союз представляет собой международную организацию, фокусирующуюся на региональной экономической интеграции. Его деятельность строго ограничена рамками компетенции, делегированной ему государствами-членами, как это четко прописано в п. 1 ст. 1 Договора о ЕАЭС. Функционирование Союза базируется на принципах таможенного союза, что подразумевает под собой единую систему таможенного регулирования, унифицированный режим торговли с внешним миром (третьими странами)

и, что немаловажно, свободное перемещение товаров внутри стран-участниц. Этот аспект подробно изложен в п. 5 ст. 25 Договора о ЕАЭС [4].

Для обеспечения согласованности и эффективности единого таможенного регулирования в рамках ЕАЭС был принят и подписан в Москве 11 апреля 2017 г. Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС). Примечательно, что этот Кодекс возлагает ответственность за его исполнение непосредственно на государства – члены ЕАЭС. Это обстоятельство, наряду с другими факторами, приводит к парадоксальной ситуации: углубление евразийской интеграции не исключает, а, возможно, даже усиливает различия в национальных уголовных кодексах государств-членов в части регулирования контрабанды. Это существенно противоречит одной из главных целей ЕАЭС – созданию единого таможенного пространства [5].

В современном мире, характеризующемся все более запутанной и многогранной сетью международных отношений, проблема контрабанды и незаконного оборота товаров и ресурсов приобретает особую актуальность. ЕАЭС, объединяющий несколько государств с различными экономическими системами и уровнями развития, сталкивается с необходимостью эффективного регулирования потоков товаров, предотвращая их использование в преступных целях. В рамках ЕАЭС разработаны строгие правила и классификации, определяющие товары, подлежащие жесткому контролю и запрету на перемещение через границы государств-членов.

Особое внимание уделяется крупным денежным суммам и денежным инструментам. Перемещение значительных объемов наличных денег и ценных бумаг через границы государств ЕАЭС представляет собой серьезный вызов для экономической безопасности всех стран-участниц, в том числе Российской Федерации, Республики Беларусь и других. Без надлежащего контроля эти средства могут быть использованы для финансирования различных видов преступной деятельности, начиная от отмывания денег и заканчивая финансированием терроризма и транснациональной организованной преступности. Например, крупные суммы наличных могут легко использоваться для покупки оружия, финансирования террористических актов или подкупа государственных чиновников. Схема может выглядеть так: деньги в наличной форме ввозятся в страну, затем отмываются через различные схемы, после чего используются для финансирования незаконной деятельности. Это создает угрозу не только экономической, но и политической стабильности.

Контроль за оборотом наличных денег и финансовых инструментов – это лишь один аспект борьбы с контрабандой в рамках ЕАЭС. Не менее важен контроль над перемещением стратегически важных товаров и ресурсов. Для стран, таких как Российская Федерация и Кыргызская Республика, богатых природными ресурсами, контроль над их экспортом и импортом является критическим фактором экономической и политической стабильности. Речь идет о различных видах сырья, металлах, энергетических ресурсах, которые могут стать предметом контрабанды и использоваться для финансирования преступных группировок или иностранных государств, преследующих геополитические цели. Например, незаконный экспорт редких металлов может лишить страну важного источника дохода и подорвать ее

экономическую независимость. Или же, наоборот, неконтролируемый импорт может привести к затоплению внутреннего рынка дешевой контрабандной продукцией и нанести ущерб местным производителям [6].

Помимо стратегических ресурсов, под строгий контроль подпадают и культурные ценности. В Российской Федерации, Кыргызской Республике и Республике Армения существуют многочисленные исторические артефакты и произведения искусства, которые представляют собой бесценное культурное наследие. Незаконный вывоз таких ценностей наносит ущерб культурному наследию нации, а также может финансировать преступную деятельность. Контроль над перемещением культурных ценностей требует тщательной системы регистрации, проверки подлинности и международного сотрудничества для предотвращения незаконной торговли. Например, артефакты могут быть украдены из музеев или раскопок, а затем проданы на черном рынке, что приводит к непоправимым для культурного наследия потерям [7; 8].

Борьба с контрабандой и незаконным оборотом товаров и ресурсов в рамках ЕАЭС – это комплексная задача, требующая тесного сотрудничества между государствами-членами, развития современных технологий контроля, укрепления правовой базы и международного сотрудничества для предотвращения и пресечения преступной деятельности. Только координация усилий всех участников ЕАЭС позволит эффективно предотвратить и минимизировать риски, связанные с незаконным оборотом товаров и ресурсов, и обеспечить экономическую и политическую стабильность в регионе. Это требует не только усиления пограничного контроля и таможенных процедур, но и разработки эффективных механизмов обмена информацией между правоохранительными органами разных стран, а также повышения грамотности населения в отношении рисков, связанных с участием в незаконных операциях. Без системного подхода и всестороннего контроля все усилия будут безуспешны.

Также законодательство стран ЕАЭС демонстрирует неодинаковый подход к определению составных частей огнестрельного оружия как предмета контрабанды. В Уголовном кодексе Республики Казахстан четко прописан перечень таких частей, детализирующий их принадлежность к огнестрельному оружию. Это позволяет более точно квалифицировать правонарушение и пресекать незаконный оборот отдельных компонентов, которые могут быть использованы для самостоятельной сборки оружия. В отличие от этого, в уголовных кодексах Армении и Кыргызстана отсутствует специфическое законодательное определение составных частей огнестрельного оружия как отдельного вида контрабанды. Это может создавать проблемы в правоприменительной практике и усложнять доказательство вины в случае незаконного оборота отдельных деталей. Необходимо отметить, что такое различие в законодательстве может приводить к различной трактовке одного и того же деяния в разных странах ЕАЭС, что требует более унифицированного подхода для обеспечения эффективной борьбы с контрабандой оружия. Отсутствие единых критериев может быть использовано преступниками для обхода законодательства и перемещения запрещенных товаров через границы государств – членов Союза [9].

Существенные различия наблюдаются в регулировании контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Российское законодательство отличается более широким перечнем запрещенных предметов, включающим растения, содержащие наркотические вещества, их части, а также инструменты и оборудование для их изготовления, находящиеся под специальным контролем. Такой комплексный подход позволяет пресекать контрабанду на всех этапах – от выращивания сырья до производства готовой продукции. Напротив, законодательство Армении, к примеру, не включает в свой перечень прекурсоры или аналоги наркотических средств, что существенно сужает круг объектов, подпадающих под действие статьи о контрабанде наркотиков. Это значительно ослабляет возможности правоохранительных органов пресекать незаконный оборот веществ, используемых для производства наркотиков, и может способствовать росту наркопреступности. Отсутствие унификации в этом вопросе создает серые зоны и позволяет преступникам использовать различия в законодательстве для перемещения запрещенных веществ через границы государств – членов ЕАЭС. Необходимо стремиться к гармонизации законодательства в этом направлении, чтобы обеспечить эффективную борьбу с наркотрафиком [10].

В конечном итоге, гармонизация законодательства в рамках ЕАЭС позволит усилить эффективность борьбы с контрабандой и обеспечить более высокий уровень безопасности в регионе. Вопросы, связанные с контрабандой и оборотом стратегически важных товаров, культурных ценностей и охраняемых ресурсов, требуют комплексного подхода и строгого контроля со стороны государств – членов ЕАЭС. Это необходимо для обеспечения безопасности и защиты интересов как отдельных стран, так и всего региона в целом.

Список литературы

1. K. Utarov, K. Sarykulov, A. Beisembayeva, G. Meirkulova. Economic crime in the new Kazakhstan – a comparative analysis of the criminal legislation of EAEU member states/ February 2024/ Scientific Herald of Uzhhorod University Series Physics/ DOI:10.54919/physics/55.2024.112gd3. URL: https://www.researchgate.net/publication/380418671_Economic_crime_in_the_new_Kazakhstan__a_comparative_analysis_of_the_criminal_legislation_of_EAEU_member_states/.
2. A. Kulish, Oleksandr Yunin, O. Us, I. Shapovalova, Ivan Yaromii. Smuggling as a threat to economic security of the state. 1 March 2021. Economics, Law. Entrepreneurship and Sustainability Issues. DOI:10.9770/JESI.2021.8.3(25). Corpus ID: 233480385 // URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Smuggling-as-a-threat-to-economic-security-of-the-Kulish-Yunin/f89081b6954131d9f6d10879688b843153398d63/>.
4. Countering the smuggling of commercial goods in cases falling within the scope of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (signed on 21.01.2021) URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_30/E_CN15_2021_CRP1_e_V2100537.pdf/.
5. THE TREATY ON THE EURASIAN ECONOMIC UNION (signed in Astana on 29.05.2014). URL: <https://docs.eaeunion.org/en/documents/236/8429/>.

6. CUSTOMS CODE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION.
URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=96116>.

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

9. Уголовный кодекс Республики Армения (принят 18.04.2003 Национальным собранием Республики Армения).

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З.

Валяев А. С.¹,
командир отделения
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО АРМЕНИИ СО СТРАНАМИ ЕАЭС И СНГ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИКТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Данная статья представляет собой исследование международного экономического сотрудничества Армении с государствами – членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) через призму информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) с акцентом на уголовно-правовые меры и сравнительный анализ правовых систем [1, с. 3]. Путем детального изучения национального законодательства Армении, двусторонних соглашений и многосторонних обязательств в рамках этих региональных объединений исследование выявляет как точки взаимодействия, так и критические пробелы в противодействии современным вызовам, таким как киберпреступность, безопасность цифровой торговли и трансграничное управление данными [2, с. 7]. Опираясь на актуальные статистические данные из правительственных отчетов Армении и международных организаций, статья подчеркивает трансформационную роль ИКТ в экономической интеграции страны, одновременно раскрывая уязвимости, связанные с растущими киберугрозами. Сравнительный анализ уголовного законодательства в сфере киберпреступлений в Армении и других странах ЕАЭС/СНГ демонстрирует существенные различия в механизмах правоприменения и санкциях, что указывает на необходимость гармонизации правовых стандартов. Результаты исследования свидетельствуют о прогрессивной, но неравномерной адаптации Армении к региональным трендам цифровизации, а также предлагают рекомендации по укреплению кибербезопасности, модернизации законодательства и усилению трансграничной правовой согласованности.

Стратегическое взаимодействие Армении с ЕАЭС и СНГ в сфере экономического сотрудничества все больше зависит от потенциала ИКТ, которые способствуют упрощению торговых процессов, повышению финансовой совме-

¹ © Валяев А. С., 2025.

стимости и расширению трансграничных цифровых услуг [3, с. 12]. Будучи членом ЕАЭС с 2015 г., Армения последовательно интегрирует развитие цифровой инфраструктуры в общие цели союза, в частности через реализацию Цифровой повестки ЕАЭС на 2022–2025 гг. [4, с. 15]. Данная амбициозная программа ориентирована на создание безопасных цифровых рынков, гармонизацию правил электронной коммерции и внедрение передовых технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект. Параллельно активное участие Армении в инициативах СНГ, включая ключевое Соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности (2021), подтверждает ее приверженность укреплению региональной стабильности в киберпространстве. Согласно данным Национального статистического комитета Армении (2023), вклад сектора ИКТ в ВВП страны в 2022 г. составил 12,3 %, а экспорт цифровых услуг вырос на 22 % в годовом исчислении, что подчеркивает ключевую роль этого сектора в экономическом развитии [5, с. 5]. Однако стремительная цифровизация выявила системные уязвимости: по информации Армянской группы реагирования на компьютерные инциденты (CERT-AM), в 2022 г. было зафиксировано более 1 500 случаев кибератак, включая целевые утечки данных из государственных баз и атаки программ-вымогателей на финансовые институты [6]. Эти инциденты иллюстрируют двойственную природу цифрового прогресса, где экономические возможности сосуществуют с эскалацией киберрисков.

Правовая база Армении, регулирующая экономическое сотрудничество на основе ИКТ, представляет собой сложное сочетание национального законодательства и международных обязательств. На внутреннем уровне Закон об электронных коммуникациях (2014), пересмотренный в 2020 г. для учета технологических изменений, устанавливает базовые принципы защиты данных, прав потребителей и обязанностей поставщиков цифровых услуг [7, с. 23]. Дополняя это, Уголовный кодекс Армении (ст.ст. 177, 273 и 274) криминализирует широкий спектр киберпреступлений, включая несанкционированный доступ к данным, цифровое мошенничество и распространение вредоносного ПО [8, с. 45]. Тем не менее, в сравнении с правовыми режимами партнеров по ЕАЭС меры наказания в Армении выглядят менее строгими. Например, если армянское законодательство предусматривает штрафы до 15 млн драмов (~ \$37 000) или лишение свободы до шести лет за тяжкие киберпреступления, то по ст.ст. 272–274 Уголовного кодекса России аналогичные правонарушения могут караться лишением свободы до 10 лет [9, с. 31]. Подобные расхождения не только ставят под вопрос эффективность сдерживания, но и осложняют трансграничное правовое сотрудничество, как показал спорный случай экстрадиции 2021 г., когда киберпреступник воспользовался различиями в юрисдикциях Армении и Беларуси. Однако Армения предпринимает шаги для устранения этих пробелов. Ратифицировав Соглашение ЕАЭС об обмене информацией в борьбе с киберпреступностью (2019) и подписав в 2022 г. двусторонний меморандум с Казахстаном о синхронизации протоколов отчетности, страна демонстрирует конкретные усилия по гармонизации законодательства. Однако эти инициативы, хотя и заслуживают одобрения, остаются незавершенными и требуют устойчивой политической воли и технических инвестиций.

Ключевой проблемой цифровой интеграции Армении остается согласование национального законодательства с динамично меняющейся политикой ЕАЭС и СНГ. Например, Проект закона о защите персональных данных (2023), разработанный для соответствия стандартам ЕАЭС, вдохновленным Общим регламентом по защите данных (GDPR), столкнулся с задержками в реализации из-за бюрократических барьеров и недостаточной информированности общества [10, с. 18]. В то же время Казахстан и Россия уже внедрили аналогичные механизмы, создав централизованные органы по защите данных и введя строгие санкции за нарушения [11, с. 9]. Кроме того, зависимость Армении от устаревших договоров о взаимной правовой помощи (ДВПП) в рамках СНГ, многие из которых были составлены до цифровой эпохи, затрудняет оперативный обмен информацией, критически важный для борьбы с транснациональным кибермошенничеством. Отчет Всемирного банка о цифровой интеграции в ЕАЭС (2023) констатирует, что армянские ДВПП охватывают лишь 40 % случаев киберпреступлений с участием стран СНГ, тогда как для Беларуси этот показатель составляет 65 %. Для решения этих проблем Армения присоединилась к Конвенции СНГ о кибербезопасности и локализации данных (2022), обязывающей участников создавать круглосуточные контактные пункты для реагирования на киберинциденты. Однако нехватка ресурсов продолжает тормозить прогресс: при бюджете в 2,5 млрд драмов (~ \$6,2 млн) Армянский центр кибербезопасности функционирует с гораздо меньшими возможностями, чем его российский аналог, располагающий 12,5 млрд драмов (~ \$31 млн) ежегодно. Этот финансовый разрыв ограничивает способность Армении внедрять системы обнаружения угроз нового поколения и готовить специалистов, оставляя критическую инфраструктуру уязвимой для сложных атак.

Сравнительно-правовой анализ также подчеркивает уникальный подход Армении к балансу между экономической интеграцией и кибербезопасностью. В отличие от ориентированных на безопасность моделей России и Беларуси, где приоритет отдается государственному контролю и жестким санкциям, Национальная стратегия Армении по развитию ИКТ (2021–2026) делает акцент на государственно-частном партнерстве для модернизации цифровой инфраструктуры и стимулирования инноваций. Например, стратегия поощряет инвестиции частного сектора в кибербезопасность и совместные НИОКР с партнерами по ЕАЭС. В противоположность этому Указ № 8 Беларуси (2022) предписывает жесткий государственный контроль над критически важными ИКТ-секторами, включая локализацию данных и ограничения на иностранное владение цифровыми активами. Это противоречие отражает глубинные идеологические разногласия в ЕАЭС/СНГ относительно цифрового суверенитета, где Армения выступает за более открытую, рыночно-ориентированную модель. Несмотря на различия, страна прагматично участвует в региональных инициативах, таких как Программа ЕАЭС по цифровым платформам (2023), направленная на унификацию электронной коммерции и платежных систем. По данным Комиссии ЕАЭС (2023), 78 % армянских МСП, занятых в трансграничной торговле, используют цифровую таможенную платформу союза, что сокращает время об-

работки документов на 30 %. Этот успех подтверждает преимущества гибкой стратегии Армении, даже в условиях фрагментации региональной политики.

Интеграция ИКТ в экономическое сотрудничество Армении с ЕАЭС и СНГ демонстрирует как достижения, так и сохраняющиеся вызовы. Законодательные реформы, такие как обновленный Закон об электронных коммуникациях, и участие в многосторонних соглашениях по кибербезопасности отражают приверженность страны созданию безопасного цифрового пространства. Однако различия в уголовных наказаниях, распределении ресурсов и эффективности договоров продолжают препятствовать беспрепятственному взаимодействию. В перспективе Армении необходимо сосредоточиться на модернизации сети ДВПП для охвата современных форм киберпреступности, приведении санкций в соответствие с региональными нормами и использовании финансовых инструментов ЕАЭС для укрепления технического потенциала. Кроме того, развитие совместных киберучений и платформ обмена знаниями могло бы усилить коллективную устойчивость к угрозам. Опыт Армении подчеркивает сложность баланса между стимулированием цифровых инноваций и минимизацией рисков в регионе с разнородными правовыми традициями и конкурирующими подходами к цифровому управлению. Посредством диалога и инвестиций Армения способна укрепить свою роль как активного участника формирования общего цифрового будущего ЕАЭС и СНГ.

Список литературы

1. CIS Convention on Cybersecurity and Data Localization (2022). URL: https://www.itu.int/en/ITU/Cybersecurity/Documents/GCIv5/513560_2E.pdf.
2. Digital Agenda of the Eurasian Economic Union for 2022–2025 // Eurasian Economic Commission. Moscow : EEC, 2022.
3. National Statistical Committee of the Republic of Armenia. ICT Sector Report 2023. Yerevan : NSC RA, 2023.
4. Criminal Code of the Republic of Armenia: official text. Yerevan : Ministry of Justice of the RA, 2023.
5. CERT-AM. Annual Cybersecurity Report 2023. URL: <https://www.security.ntt/blog/2023-annual-cyber-security-report>.
6. Criminal Code of the Russian Federation : official text. Moscow : Prospect, 2023.
7. Law of the Republic of Armenia On Electronic Communications: official text. Yerevan : Parliament of the RA, 2020.
8. World Bank Report on Digital Integration in the EAEU. Washington: World Bank, 2023.
9. National Strategy of the Republic of Armenia for ICT Development 2021–2026. Yerevan : Government of the RA, 2021.
10. Decree No. 8 of the President of the Republic of Belarus «On Measures to Ensure Information Security» (2022). Minsk : National Center of Legal Information, 2022.
11. National Statistical Committee of Armenia // ICT Sector Report. 2023.

*Ларченко А. И.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Экономические преступления, включая коррупцию, уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и хищения, представляют собой системную угрозу для устойчивого развития и финансовой стабильности Азербайджанской Республики – государства, находящегося в фазе активной экономической трансформации. Эта трансформация обусловлена как стратегическим геополитическим положением на стыке Европы и Азии, так и развитием энергетического сектора, который обеспечивает свыше 80 % экспортных доходов страны. В условиях глобализации финансовых рынков и роста киберпреступности Азербайджан сталкивается с необходимостью адаптировать свои правовые и операционные механизмы к вызовам XXI в.

Настоящая статья предлагает комплексный анализ стратегий противодействия экономическим преступлениям, охватывающий эволюцию законодательства, институциональные реформы и оперативные практики за период с 2004 по 2023 г. Методологическая основа включает сравнительно-правовой анализ ключевых нормативных актов, оценку статистических данных государственных органов и критический разбор отчетов международных организаций. Результаты исследования демонстрируют прогресс в создании антикриминальной инфраструктуры, но также выявляют структурные проблемы, требующие дальнейших реформ в области судебной независимости, цифровизации и международного сотрудничества.

Правовые и институциональные основы противодействия экономическим преступлениям в Азербайджане формируются под влиянием непосредственных потребностей и обязательств. Законодательные реформы, инициированные в начале 2000-х гг., заложили фундамент для системной борьбы с финансовыми правонарушениями. Так, принятый в 2004 г. Закон «О борьбе с коррупцией» стало ключевой вехой, криминализировал подкуп, злоупотребление полномочиями и незаконное обогащение, а также установил механизмы конфискации

¹ © Ларченко А. И., 2025.

преступно полученных активов [1, с. 36]. Дополнением послужил Закон «О предотвращении легализации преступно полученных средств и финансирования терроризма» (2009), приведший национальное законодательство в соответствие с рекомендациями ФАТФ [2]. Эти нормы интегрированы в Уголовный кодекс Азербайджана, где, например, ст. 179 предусматривает до 12 лет лишения свободы за хищение в крупных размерах, а ст.ст. 311–313 устанавливают строгие санкции за взяточничество, включая посредничество. В 2021 г. в Уголовный кодекс были внесены поправки, расширившие определение «публично-го должностного лица» на руководителей государственных компаний, что позволило закрыть правовые лазейки [3, с. 30].

Институциональная архитектура борьбы с экономической преступностью включает сеть специализированных органов. Комиссия по противодействию коррупции, созданная в 2004 г., координирует расследования и анализирует декларации чиновников, а Служба финансового мониторинга (СФМ), функционирующая с 2009 г., собирает отчеты о подозрительных операциях от банков и иных финансовых институтов [2]. Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями МВД и Антикоррупционное управление Генпрокуратуры курируют расследования, включая дела самого высокого уровня. Согласно отчету Генпрокуратуры за 2022 г., эти структуры возбудили 1243 уголовных дела, что на 9 % превысило показатели предыдущего года, причем 23 % обвинительных приговоров касались высокопоставленных чиновников.

Статистические данные отражают противоречивые тенденции. В 2022 г. сумма возвращенных в бюджет средств достигла 45 млн манат (\$26,5 млн), что на 30 % больше, чем в 2021 г. Примерами успешных кейсов стали конфискация имущества экс-главы Таможенного комитета на сумму \$8 млн (2021) и восстановление 12 млн манат через гражданскую конфискацию в деле о хищениях в Минтрансе (2023) [4, с. 40]. Однако, как отмечает ОЭСР, лишь 15 % конфискованных активов возвращаются через международное сотрудничество, что связано с ограниченным доступом к зарубежным юрисдикциям.

Цифровизация налоговой службы, включая внедрение системы ASAN Tax в 2020 г., сократила объем теневых операций на 18 %, но параллельно выявила новые схемы уклонения через криптовалюты – в 2022 г. было возбуждено 214 дел о незаконных операциях с цифровыми активами [2].

Динамика в сфере противодействия отмыванию денег также вызывает вопросы. Если в 2020 г. СФМ зафиксировала 2450 отчетов о подозрительных операциях, то в 2021 г. их количество снизилось до 2100 (–14 %) [2]. Эксперты связывают это с переходом преступников в нерегулируемые сектора, такие как рынок недвижимости, где в 2022 г. рост подозрительных сделок составил 22 %, а также в онлайн-казино [2].

Ключевые вызовы, выделенные в отчете ГРЕКО за 2022 г., включают недостаточную независимость судов, слабую защиту осведомителей и фрагментацию межведомственного взаимодействия [5]. Например, 67 % опрошенных юристов указали на политическое давление при рассмотрении дел против высокопоставленных лиц, а за 2022 г. зафиксировано 12 случаев преследования информаторов, несмотря на принятие закона о защите осведомителей. Технологические риски

усугубляются ростом кибермошенничества на 32 % в 2022 г., что выявило уязвимости банковской инфраструктуры – хакерская атака на Центральный банк в январе 2023 г. привела к утечке данных 500 000 клиентов. Внедрение AI-системы мониторинга транзакций сократило число успешных атак на 40 %, однако дефицит специалистов по кибербезопасности оценивается в 1 200 экспертов [2].

Международное сотрудничество остается важным элементом стратегии Азербайджана. Страна участвует в Евразийской группе по противодействию отмыванию денег (ЕАГ) с 2010 г. и реализует Стамбульский план действий ОЭСР, внедрив риск-ориентированный подход в госзакупках. Совместная операция с Европол и ТюркПОЛ в 2023 г. позволила пресечь сеть по отмыванию \$12 млн через фиктивные строительные контракты в Турции и Грузии. Тем не менее отчет МАНИВАЛ (2023) критикует задержки в выполнении запросов о правовой помощи и недостаточную прозрачность в транснациональных расследованиях [4].

Борьба с экономическими преступлениями в Азербайджане демонстрирует прогресс, но требует системных реформ для преодоления структурных ограничений. Укрепление судебной независимости, интеграция блокчейн-технологий в госзакупки и создание единой межведомственной платформы станут критическими шагами. Присоединение к Конвенции ООН против коррупции и автоматизация обмена данными с международными партнерами усилят позиции страны в глобальной борьбе с финансовыми преступлениями. Успех реформ зависит от политической воли и давления гражданского общества, требующего подотчетности элит. В условиях энергетического кризиса и санкционных рисков только комплексные меры обеспечат долгосрочную стабильность и доверие инвесторов.

Список литературы

1. On the fight against corruption : the law of Azerbaijan. Rep. No. 568-IIQ dated January 13, 2004.
2. Large-scale corruption and economic crimes go hand in hand with human rights abuses in Azerbaijan // URL: <https://www.irfs.org/news-feed/large-scale-corruption-and-economic-crimes-go-hand-in-hand-with-human-rights-abuses-in-azerbaijan/>.
3. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan(принят 30 дек. 2000 г. : с изм. на 2021 г.)
4. The General Prosecutor's Office of the Republic of Azerbaijan. Activity report for 2022. Baku, 2023.
5. Cybercrime Prevention: Comparative Analysis Of Criminal Laws Of Azerbaijan, Russian And Armenia. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.345/>.

Кондакова Е. С.¹,
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предпринимательский и экономический сектор выступают интегральными компонентами социально-экономической системы Российской Федерации, являясь ключевыми детерминантами экономического роста, генерации занятости и технологического прогресса [1]. Вместе с тем сфера данных характеризуется высокой восприимчивостью к широкому спектру криминальных посягательств, мошенничеству, отклонению от фискальных обязательств, неправомерному завладению активами, коррупционным правонарушением и теневыми финансовыми операциями – деликтами, в результате чего их воздействие дестабилизирует функционирование хозяйствующих субъектов, разрушает доверие общества к институтам управления и приостанавливает национальное экономическое развитие.

Эффективность прогресса противодействия данным угрозам ограничена институциональными возможностями и софистикой криминальных методологий, которые находят подтверждение в статистических данных МВД Российской Федерации: в 2023 г. было зарегистрировано свыше 100 000 противоправных действий, среди которых центральными стали мошеннические экономические операции и уклонение от уплаты налогов, повлекшие финансовые потери, исчисляемые миллиардами рублей; Выявление данной проблемы способствует интенсивному развитию цифровых технологий, создающих условия для киберкриминальной эксплуатации виртуальных платформ в целях осуществления атак, таких как фишинг и распространение вредоносного программного обеспечения типа программ-вымогателей, направленных против коммерческих организаций.

Основная проблема заключается в несовершенстве законодательства [2, с. 10–18]; Хотя существует основная нормативно-правовая база, включая

¹ © Кондакова Е. С., 2025.

Уголовный кодекс и антикоррупционные акты, неясность важных определений, таких как «экономическое пространство», приводит к различному применению закона, а условное регулирование неудовлетворительно адаптируется к новым условиям, например, финансовые потоки и применение финансовой операции, оставляя пробелы в законе.

Кроме того, увеличение количество нормативно-правовой регуляции может стимулировать коррупцию, так как бизнес ищет незаконные способы обойти сложности, стоящие перед ним в разрезе получения прибыли.

Расследование сложных экономических преступлений требует специальных знаний в финансовом анализе, бухгалтерской экспертизе и методах расследования киберпреступлений – знаний, которых часто не хватает у правоохранителей из-за нехватки ресурсов, в то время как распространенная коррупция в этих структурах влияет на эффективность работы из-за коммерческих подкупов или взяток, подрывая объективность прокуратуры и следствия [3, с. 109–112].

К тому же, продолжительность расследования и судебных процессов, вызванная классификацией доказывания и привлечением многих сторон, затягивает вынесение судебных решений, что может создать ощущение безнаказанности; слабое взаимодействие между такими ведомствами, как Федеральная налоговая служба, Министерство внутренних дел и Следственный комитет, приводит к разобщенности в системной работе по пресечению обвинений.

Развитие цифровой экономики создает новые условия, прямо влияющие на рост киберпреступности, последствия которых могут быть необратимы, к примеру, взлом цифровых систем и цифровых активов; ситуация усложняет использование сейфов с шифрованием и средствами анонимности, что препятствует их отслеживанию; возникают проблемы с юрисдикцией из-за законов в разных странах и слабого международного сотрудничества по делам, выходящим за рамки одной страны, из-за чего принятыми положениями часто не хватает знаний в области кибербезопасности и анализа устойчивости для контроля незаконных цифровых переводов, особенно с криптовалютами [4, с. 633–635].

Социально-экономические факторы сильно влияют на уровень экономической преступности: постоянное экономическое влияние и нестабильность подталкивают к незаконным действиям для получения выгод; малый и средний бизнес, не имея достаточных юридических знаний, чаще всего случайно нарушает закон или становится жертвой преступлений.

Распространенное недоверие к государственным институтам в некоторых отраслях предопределено несоблюдением правил, сложными налоговыми требованиями, из-за которых бизнес зачастую уклоняется от уплаты налогов, чтобы оставаться рентабельным на рынке [4, с. 636].

Профилактические меры остаются слаборазвитыми: недостаточное информирование граждан и бизнеса о правилах и рисках, часто отсутствующая поддержка внутренней системы контроля в компаниях, особенно малых, для установления или предотвращения мошенничества, слабая защита информаторов ограничивает расширение кругозора, из-за чего власти в основном реагируют на уже случившиеся преступления, не предотвращая их коренные причины.

Последствия неконтролируемой экономической преступности очень серьезны: она наносит большой финансовый ущерб бизнесу, снижает доходы бюджета, подрывает доверие общества к власти и социально-экономическому фактору из-за накопления незаконных доходов.

Для борьбы с экономической и предпринимательской преступностью необходима комплексная стратегия: современные законодательные реформы для внесения изменений в защиту окружающей среды с учетом цифровых технологий и международных аспектов, а также для упрощения соблюдения правил; выведение возможностей госорганов посредством обучения специалистов по расследованиям в сфере кибербезопасности и борьбе с коррупцией, а также улучшение взаимодействия между ведомствами; использование новых технологий, таких как искусственный интеллект, анализ больших данных и отслеживание потоков, что в конечном итоге поможет создать безопасную среду для бизнеса, повысить уровень доверия и обеспечить устойчивое развитие Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Новеллы УК и УПК РФ о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономики // Уголовный процесс. 2012. № 2. С. 10–18.
3. Иванов М. Г. О юридико-культурных основах в организации предупреждения служебно-экономических правонарушений // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 4 (26). С. 109–112.
4. Иванов М. Г. Юридикто-нравственные требования к реализации уголовной политики в сфере противодействия преступлениям против собственности // Научные труды. Российская Академия юридических наук. 2017. Т. 2. Вып. 17. С. 633–636.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.

Кузнецова С. А.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Экономическая преступность остается одной из ключевых угроз для стабильности и развития государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), включая Казахстан. В данной статье проводится сравнительный анализ уголовного законодательства Казахстана и других стран ЕАЭС в сфере борьбы с экономическими преступлениями, рассматриваются основные виды правонарушений, статистические данные и правовые механизмы противодействия. Особое внимание уделено коррупции, мошенничеству, отмыванию денег и налоговым преступлениям. Исследование базируется на актуальных англоязычных источниках, законодательстве Казахстана и официальной статистике, что позволяет выявить сходства и различия в правовых подходах стран – участниц ЕАЭС.

Экономическая преступность в Казахстане, как и в других государствах ЕАЭС, представляет собой серьезную проблему, оказывающую влияние на инвестиционный климат, экономическую безопасность и общественное доверие к государственным институтам. Согласно данным Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в 2022 г. было зарегистрировано более 12 тыс. экономических преступлений, из которых около 30 % составили коррупционные деяния, 25 % – мошенничества, а 20 % – нарушения в сфере налогообложения. Эти цифры демонстрируют устойчивую тенденцию к росту сложных и латентных форм экономической преступности, требующих совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Сравнительный анализ уголовного законодательства Казахстана и других стран ЕАЭС позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия в подходах к криминализации экономических преступлений. Уголовный кодекс Казахстана [1, с. 366] предусматривает ответственность за широкий спектр экономических преступлений, включая злоупотребление должностными полномочиями (ст. 362 УК РК), хищение бюджетных средств (ст. 217 УК РК), отмыва-

¹ © Кузнецова С. А., 2025.

ние денег (ст. 218 УК РК) и уклонение от уплаты налогов (ст. 245 УК РК). При этом казахстанское законодательство в целом соответствует международным стандартам, однако имеет ряд отличий от норм, действующих в России, Беларуси, Армении и Кыргызстане.

Коррупция остается одним из наиболее распространенных видов экономической преступности в Казахстане. По данным Transparency International [2], в 2022 г. Казахстан занял 101-е место из 180 в Индексе восприятия коррупции, что указывает на сохраняющиеся проблемы в этой сфере. Уголовный кодекс Казахстана предусматривает ответственность за получение взятки (ст. 366 УК РК) и дачу взятки (ст. 367 УК РК), причем наказания за эти преступления были ужесточены в 2020 г. Однако в отличие от России, где существует отдельная статья за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), в Казахстане подобные действия квалифицируются по общим нормам о соучастии, что может затруднять расследование сложных коррупционных схем.

Мошенничество (ст. 190 УК РК) составляет значительную долю экономических преступлений в Казахстане. В 2022 г. было зарегистрировано более 3 тыс. случаев мошенничества, причем около 40 % из них были связаны с использованием цифровых технологий. Это отражает общемировую тенденцию роста киберпреступности. Сравнение с законодательством других стран ЕАЭС показывает, что в России [3, с. 159] (ст. 159 УК РФ) и Беларуси [4, с. 209] (ст. 209 УК РБ) предусмотрена более детальная дифференциация видов мошенничества, включая специальные составы для финансового и компьютерного мошенничества, тогда как в Казахстане все формы мошенничества охватываются одной статьей.

Противодействие отмыванию денег является важным аспектом борьбы с экономической преступностью. Казахстан, как участник международных инициатив в этой сфере, в 2021 г. ужесточил требования к финансовому мониторингу, внося изменения в Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем». Однако по данным FATF (Financial Action Task Force), эффективность расследований таких преступлений в Казахстане остается ниже, чем в России, где с 2018 г. действует единая федеральная система мониторинга финансовых операций. В частности, в Казахстане в 2022 г. было возбуждено лишь 120 уголовных дел по ст. 218 УК РК (легализация преступных доходов), тогда как в России – более 500 аналогичных дел.

Налоговые преступления также остаются значимой проблемой. В 2022 г. ущерб от налоговых правонарушений в Казахстане составил около 150 млрд тенге (примерно \$320 млн), что на 15 % больше, чем в предыдущем году. Уголовный кодекс Казахстана (ст. 245 УК РК) предусматривает ответственность за уклонение от уплаты налогов, причем пороговые значения для возбуждения уголовного дела ниже, чем в Армении и Кыргызстане. Однако на практике низкая раскрываемость таких дел снижает эффективность норм. Например, в 2022 г. только 15 % возбужденных уголовных дел по налоговым преступлениям дошли до суда, тогда как в России этот показатель составляет около 25 %.

Особого внимания заслуживает вопрос транснациональной экономической преступности в рамках ЕАЭС. Несмотря на создание общего экономического пространства, механизмы правового сотрудничества в сфере борьбы с преступ-

ностью остаются недостаточно эффективными. Например, в 2022 г. Казахстан направил 35 запросов о правовой помощи по экономическим преступлениям в другие страны ЕАЭС, но получил ответы только на 60 % из них. Это указывает на необходимость укрепления институционального взаимодействия между правоохранительными органами стран-участниц.

В заключение можно отметить, что, несмотря на прогресс в гармонизации законодательства стран ЕАЭС, различия в подходах к криминализации экономических преступлений сохраняются. Казахстану необходимо усилить международное сотрудничество в сфере расследования транснациональных преступлений, а также повысить прозрачность судебной системы для укрепления доверия бизнеса и инвесторов. Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на сравнительном анализе правоприменительной практики, поскольку даже схожие нормы в разных странах ЕАЭС могут приводить к различным результатам. Также перспективным направлением представляется изучение влияния цифровизации на динамику экономической преступности и адаптацию законодательства к новым вызовам.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 2023) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 15. Ст. 226.
2. Transparency International. «Corruption Perceptions Index 2022» // Berlin: Transparency International, 2023. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022>.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 30.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
4. World Bank. Worldwide Governance Indicators 2023. Washington: World Bank Group, 2023. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>.

*Серебрякова О. М.¹,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук*

ФИНАНСОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Самым слабым местом национальной безопасности страны является ее экономика. Именно поэтому финансовые преступления оказывают значительное влияние на общую экономическую ситуацию в стране и угрожают национальной экономической безопасности [4]. С усилением финансовой глобализации и мировой экономики государства, с одной стороны, пытаются либерализовать внешнеэкономические связи и международную мобильность капитала. Однако, с другой стороны, контроль над функционированием денежно-кредитной системы ослабевает, что создает условия для развития финансовых преступлений в этой среде.

Следует отметить, что криминальное финансовое мошенничество также меняется с развитием экономической среды. Если незаконное завладение активами различных организаций, взятки и коррупция были самой большой проблемой для всего мира, то сегодня мир столкнулся с новой формой финансовых преступлений – киберпреступностью. В зависимости от уровня развития страны финансовые преступления имеют свои особенности и виды. В то же время финансовые преступления совершаются на всех уровнях государственной власти различных стран. В зависимости от уровня коррупции в стране чиновники сосредоточивают свои усилия на значимых для себя видах финансовых преступлений.

Таким образом, когда основные усилия направлены на борьбу с мелкими, индивидуальными финансовыми преступлениями, преступность на государственном уровне процветает. Это одна из ключевых проблем развивающихся стран с довольно высоким уровнем коррупции [5]. Можно с уверенностью сказать, что финансовые преступления оказывают значительное негативное влияние на экономику [4].

В то же время, учитывая масштабы подобных преступлений, вопрос национальной экономической безопасности становится весьма актуальным не только для изучения с научной точки зрения, но и для сохранения национальной безопасности. Это определяет актуальность настоящего исследования и позволяет сформулировать его цель: определить влияние финансовых преступлений на национальную экономическую безопасность. Методологическую базу данного исследования составил комплекс научных методов изучения финансовых, экономических и правовых процессов и явлений. Методологической основой исследования стал диалектический метод, который является общенаучным методом познания. В работе также использовались частнонаучные методы: исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, системно-

¹ © Серебрякова О. М., 2025.

структурный и др. В качестве дополнительного методологического в рамках исследования были применены методы анализа причинно-следственных связей, методы научной классификации и принципы формальной логики. Для проведения эмпирического исследования были использованы методы статистического анализа, определения средних значений, анализ тенденций.

Главный национальный экономический интерес проистекает из структуры мировой экономики, разделенной на отдельные суверенные, независимые, самоподдерживающиеся и конкурирующие комплексы. Основным инструментом обеспечения национальной экономической безопасности является эффективный бюджет, который необходим для поддержки и развития экономики. Во всем мире большинство преступлений связано с мошенничеством потребителей, на долю которого приходится 35 % всех финансовых операций потребителей. В последнее десятилетие киберпреступность стала еще одной проблемой для национальной безопасности. Каждая третья транзакция в мире также связана с преступлениями. Киберпреступность растет очень быстрыми темпами: в 2020 г., например, прослеживается резкое ее увеличение на 73 % [3].

Развитие электронных технологий создает почву и новые инструменты для развития финансовых преступлений. Этот вопрос сегодня широко обсуждается и требует исследований и моделирования развития. Интересно отметить, что уклонение от уплаты налогов составляет всего 8 % и является самым низким из составленных рейтингов.

Учитывая, что мировая экономика в значительной степени формируется развитыми странами с высоким уровнем государственного контроля над преступностью и низким уровнем коррупции в правительстве, можно сделать вывод, что государства осуществляют эффективный надзор за финансовой деятельностью организаций для обеспечения национальной безопасности своих стран. Однако проблема преступности всегда определяется на законодательном уровне отдельной страны, поэтому можно изучить тенденции в мире в целом, но результаты исследования будут неинформативными.

К формам организованной экономической преступности, в отношении определения и распространенности которых существует консенсус, относятся:

- 1) вооруженный грабёж, включая кражу наличных денег в пути;
- 2) угон автотранспортных средств;
- 3) серьезное коммерческое мошенничество;
- 4) подделка валюты;
- 5) вымогательство, рэкет;
- 6) незаконный оборот наркотиков;
- 7) контрабанда ценных ресурсов, в основном алмазов, золота, древесины и продуктов дикой природы;
- 8) коррупция.

9) отмыванием денег. (Отмывание денег, связанное с управлением доходами от преступной деятельности и распоряжением ими, в последнее время стало рассматриваться так же серьезно, как и любая другая преступная деятельность.)

Если принять предположение о том, что экономическая преступность возникает в тех же условиях, что и законная экономическая деятельность, то мож-

но увидеть, что экономическая преступность оказывает влияние на эту деятельность. Деньги, их отмывание, организованная преступность и экономические преступления часто неразрывно связаны, а преступные организации используют свои доходы для проникновения в законные предприятия или получения контроля над ними, а также для подкупа частных лиц и даже правительств. Со временем это может серьезно ослабить моральные и этические устои и стандарты общества и нанести ущерб принципам, лежащим в основе демократии.

Нельзя исключать, что преступники могут устанавливать марионеточные правительства, используя доходы, полученные преступным путем, для фальсификации выборов и победы на них [6]. Эта точка зрения по существу лежит в основе мер экономической политики, направленных на борьбу с организованной преступностью и призванных лишить преступников конкурентного преимущества, которое они в противном случае получили бы от доходов. Преимущество, получаемое в результате экономических преступлений, связано не только с использованием доходов. Как отмечали многие экономисты, иногда это присуще торговле товарами, добытыми тайком – через кражу, фальсификацию или контрабанду.

Незаконные товары могут вытеснить товары, произведенные и реализуемые в соответствии с применимыми законами о налогообложении и импорте, и даже ускорить деиндустриализацию. Это неизбежно приводит к безработице. Издержки безработицы в социальном, экономическом и политическом плане могут быть весьма значительными. Существуют и другие формы ущерба для законного бизнеса и сообществ, в которых он существует. Среди издержек представители организованного бизнеса регулярно ссылаются на следующие факторы [2]:

- 1) затраты на создание и поддержание систем безопасности, которые являются проактивными, реагирующими и криминалистическими;
- 2) завышенные страховые взносы, которые учитывают повышенный риск и более высокий уровень преступности;
- 3) более высокие уровни налогообложения для поддержки государственных расходов на борьбу с преступностью.

Экономическая преступность широко распространена в государствах, столкнувшихся с трудностями переходного периода или охваченных политическими кризисами. В такие периоды уровень уязвимости особенно высок. Особенности переходного государства, которые создают особую уязвимость, можно резюмировать следующим образом: ослабление общественного контроля, о чем свидетельствует отсутствие (или слабое соблюдение) законов против экономических преступлений; большая мобильность персонала внутри страны и на международном уровне; коррупция, вызванная снижением заработной платы, расширением возможностей, смягчением наказаний и падением моральных ценностей; тесная связь между политической властью и доступом к экономическим рычагам влияния; дисбаланс в ресурсах между правоохранительными структурами и преступными организациями, приводящий к недовольству сотрудников правоохранительных органов и их поглощение частным сектором или организованной преступностью; создание условий для процветания безудержного оппортунизма.

Показатели преступлений в области экономики можно разделить на две категории: показатели распространенности экономических преступлений и показатели их воздействия. Уровень экономических преступлений в различных странах зависит от многих причин. Среди них: торговля товарами, добытыми тайным путем – путем краж, фальсификаций или контрабанды; проявления проблем переходного периода или политического кризиса (снижение заработной платы, увеличение возможностей для совершения преступлений; смягчение наказаний и падение моральных ценностей); тесная связь между политической властью и доступом к экономическим рычагам влияния; дисбаланс в ресурсах между правоохранительными структурами и преступными организациями; количество твердой валюты; необъяснимые различия между заявленным государством производством и экспортом ценных ресурсов (таких как минералы); неучтенные доходы от продажи ценных ресурсов; уровень инфляции; уровень бедности; уровень коммерческой преступности; степень коррупции в стране; затраты на создание и поддержание систем корпоративной безопасности; степень влияния уровня преступности на страховые взносы; взаимосвязь между преступностью и уровнем налогообложения.

Несмотря на то, что существует широкий и очевидный консенсус в отношении необходимости адекватного реагирования на серьезные экономические преступления, политики и лица, принимающие решения, по-прежнему не имеют четкого представления о том, в какой области следует разрабатывать ответные меры. Такое положение дел может объясняться различными причинами. Сюда относится недостаток эмпирических исследований о природе и масштабах преступности – даже в отношении преступлений, которые считаются приоритетными. В нынешних условиях пробел, как правило, заполняется неправильными представлениями о природе организованных преступных группировок и криминального бизнеса в целом.

Таким образом, финансовые преступления широко распространены во всем мире, имеют множество проявлений и осуществляются на всех уровнях экономики, от финансовых преступлений отдельных лиц и бизнеса до государственного уровня. Нельзя утверждать, что финансовые преступления, связанные с хищением бюджетных средств, затрагивают национальную безопасность только на национальном уровне. В большей степени воздействие происходит на этапе наполнения бюджета за счет налогов и отчислений, и это является предметом финансовых преступлений населения, предпринимателей и людей, занимающихся бизнесом. Мировой опыт показывает, что финансовые преступления, связанные с неуплатой налогов, по своему количеству незначительны по сравнению с другими видами преступлений. Это связано с тем, что в целом статистика уровня экономического развития формируется развитыми странами, которые имеют низкий уровень коррупции, что позволяет эффективно противодействовать финансовым правонарушениям.

Список литературы

1. Achim M. V., Borlea N. S. Economic and financial crime. Corruption, shadow economy and money laundering. Springer Nature Switzerland AG, 2020.

2. Altbeker A. Losing our nerve? Business Confidence and Crime in South Africa. NEDBANK ISS Crime Index. 2001. No 4. Pp. 16-17.
3. PwC's global economic crime and fraud survey. PwC, 2020. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/services/forensics/economic-crime-survey.html>.
4. Saddiq S. A., Bakar A. S. Impact of economic and financial crimes on economic growth in emerging and developing countries: A systematic review // Journal of Financial Crime. 2019. No 26 (3). Pp. 910–920.
5. Schneider F. The Influence of Public Institutions on the Shadow Economy: An Empirical Investigation for OECD Countries // Review of Law & Economics. 2010. № 6. (3).
6. Sithole M. Taking Action Against Money Laundering // C. Goredema (editor) Profiling Money Laundering in Eastern and Southern Africa. 2002. ISS Monograph series. № 90.

Кольяк А. П.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО МОЛДОВЫ И США В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В статье рассматривается сотрудничество между Молдовой и Соединенными Штатами в борьбе с финансовыми преступлениями, особое внимание уделяется кредитным и денежным отношениям и уклонению от уплаты налогов. Анализируются правовые рамки обеих стран, определяются области сотрудничества и обсуждаются проблемы и возможности для расширения сотрудничества. В статье также исследуется роль международных организаций в содействии этому партнерству и предлагаются стратегии укрепления совместных усилий для эффективного противодействия этим транснациональным преступлениям.

Молдова, страна с переходной и развивающейся экономикой, уязвима для финансовых преступлений, включая отмывание денег, уклонение от уплаты налогов и мошенничество. Соединенные Штаты с их надежной правовой базой и развитыми правоохранительными органами являются ключевым партнером в оказании помощи Молдове в укреплении ее потенциала по борьбе с этой незаконной деятельностью. Правовая основа этого сотрудничества вытекает из нескольких двусторонних соглашений, включая Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам, который облегчает обмен информацией и доказательствами между двумя странами. Правовая основа сотрудничества включает Договор между США и Молдовой о взаимной правовой помощи по уголовным делам (2002), который облегчает обмен доказательствами, показаниями свидетелей и возврат активов в трансграничных финансовых преступлениях. Кроме того, приверженность Молдовы приведению своего законодательства в соответствие с международными стандартами, такими как стандарты, установленные Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), создала основу для эффективного сотрудничества. Министерство юстиции США (DOJ) через свое Управление по развитию, содействию и обучению за

¹ © Кольяк А. П., 2025.

рубежом (OPDAT) оказало обширную техническую помощь правоохранительным и судебным органам Молдовы [1].

Молдова и США активно взаимодействуют в области расследования и преследования финансовых преступлений. В рамках партнерства реализуются образовательные программы, направленные на повышение квалификации специалистов, а также оказывается помощь в разработке и совершенствовании антиотмывочного законодательства. Примером эффективного взаимодействия служат совместные расследования транснациональных схем с участием молдавских и американских фигурантов. Хотя сведения о конкретных уголовных делах, возбужденных благодаря этому сотрудничеству, часто остаются конфиденциальными, независимые аналитики, включая экспертов Базельского института управления, отмечают значительные улучшения в молдавской системе противодействия отмыванию денег, во многом обусловленные поддержкой международных партнеров.

Тем не менее, сохраняются серьезные вызовы. Ограниченные ресурсы и слабый институциональный потенциал Молдовы затрудняют полноценную имплементацию законодательных норм. Коррупция продолжает оставаться ключевым препятствием, ослабляя правоприменительную практику и создавая благоприятные условия для финансовых злоупотреблений. Дополнительную сложность представляет эволюция преступных схем, включая распространение киберпреступности и использование криптовалют. Эти технологии открывают новые возможности для легализации незаконных доходов и уклонения от налогов, что требует постоянного обновления методов расследования и усиления международной координации.

Для углубления сотрудничества между Молдовой и США необходим комплексный подход. Важным шагом стало бы налаживание оперативного обмена данными о подозрительных транзакциях. Совместные тренинги для правоохранителей и судей могли бы включать изучение современных тенденций, таких как использование цифровых активов в преступных целях. Также целесообразна поддержка в создании специализированных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями. Кроме того, повышение прозрачности финансового сектора Молдовы способствовало бы снижению уровня незаконной активности. Финансовые правонарушения, особенно в банковской сфере, остаются одной из главных угроз для Молдовы. Резонансное мошенничество 2014–2015 гг., в ходе которого было похищено около \$1 000 000 (почти 12 % ВВП страны), выявило системные пробелы в регулировании. В ответ власти ужесточили законодательство, внося изменения в Закон № 308/2017 «О противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма», а также активизировали взаимодействие с американскими ведомствами, такими как ФБР и IRS [2]. США также сыграли важную роль в борьбе с налоговыми преступлениями. Несмотря на соответствие молдавского законодательства (включая Налоговый кодекс и ст. 243 Уголовного кодекса) международным стандартам, его применение остается неравномерным [3]. По данным Нацбанка Молдовы, за 2020–2023 гг. количество мошеннических операций сократилось на 23 %, чему способ-

ствовали улучшенная координация между ведомствами и обучающие программы для прокуроров, организованные при поддержке США.

Примечательным примером двустороннего сотрудничества является совместная операция 2022 г. против транснациональной схемы мошенничества с НДС, в ходе которой власти Молдовы и США ликвидировали преступную сеть, использовавшую трансграничные налоговые лазейки, вернув более 50 миллионов долларов незаконных активов. Такие успехи демонстрируют эффективность совместной разведки и правовой гармонизации.

Партнерство между Молдовой и Соединенными Штатами в борьбе с финансовыми преступлениями является важнейшим компонентом судебных и экономических реформ Молдовы. Хотя законодательные улучшения и наращивание институционального потенциала дали положительные результаты, такие проблемы, как коррупция, ограниченные ресурсы и меняющаяся тактика киберпреступности, сохраняются. Продолжение поддержки США в обучении, передаче технологий и юридической помощи будет иметь решающее значение для обеспечения долгосрочной устойчивости Молдовы к сложным финансовым преступлениям. Укрепление этого сотрудничества не только приносит пользу обеим странам, но и вносит вклад в глобальные усилия по поддержанию целостности финансовой системы.

Список литературы

1. Office of Overseas Prosecutorial Development, Assistance and Training (OPDAT). Criminal Division U.S. Department of justice. URL: <https://www.justice.gov/criminal/criminal-opdat>.
2. LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA of December 22, 2017 No. 308 About the prevention and anti-money laundering and terrorism financing (as amended on 28.11.2024).
3. Russian Federation (13046) – Treaty on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters // U.S. Department of state. URL: <https://www.state.gov/13046>.

Сапелкина А. В.¹,
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений
экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Королева Е. В.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

БОРЬБА С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И МОШЕННИЧЕСТВОМ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Актуальность проблемы уклонения от уплаты налогов и различных форм налогового мошенничества трудно переоценить, поскольку эти явления представляют собой прямую и серьезную угрозу для стабильности и развития экономики как Российской Федерации (РФ), так и Республики Беларусь (РБ). Недополучение бюджетами значительных средств, искажение рыночной конкуренции, подрыв доверия к фискальной системе государства – вот лишь некоторые из негативных последствий, с которыми сталкиваются обе страны. В условиях тесных экономических связей между РФ и РБ, в том числе в рамках Союзного государства и ЕАЭС, необходимость эффективного противодействия этим угрозам становится общей задачей.

Меры по борьбе с коррупцией и уклонением от уплаты налогов должны разрабатываться и утверждаться постоянно. Однако очень важно определить причины и условия, которые провоцируют рост теневой экономики [1, с. 264].

Оценить точные масштабы уклонения от уплаты налогов и связанного с ними мошенничества крайне сложно из-за латентного характера этих явлений, однако доступные статистические данные и экспертные оценки как в России, так и в Беларуси свидетельствуют о значительности проблемы для национальных экономик. В России, по данным ФНС и правоохранительных органов, ежегодно выявляются факты неуплаты налогов на сотни миллиардов рублей, а оценки теневого сектора и налогового разрыва (разницы между теоретически возможными и фактически собранными налогами) указывают на потенциально триллионные потери бюджета [2]. В Беларуси, согласно отчетам Министерства по налогам и сборам и Комитета госконтроля, также фиксируются значительные объемы до начисленных налогов по результатам проверок и выявляются многочисленные схемы уклонения, что подтверждает актуальность проблемы

¹ © Сапелкина А. В., 2025.

и для белорусской фискальной системы [3]. Наиболее распространенные схемы уклонения от уплаты налогов в России включают использование фирм-однодневок для создания фиктивного документооборота (особенно по НДС), преднамеренное занижение налоговой базы (выручки, прибыли), неправомерное применение налоговых льгот и специальных режимов, а также сложные схемы с использованием трансфертного ценообразования для вывода прибыли за рубеж. В Беларуси применяются во многом схожие методы, адаптированные к местному законодательству: использование лжепредпринимательских структур, занижение объектов налогообложения, манипуляции с затратами. Вместе с тем, могут встречаться и специфические для РБ схемы, связанные, например, с особенностями внешнеторговой деятельности или регулирования отдельных отраслей. Основные виды мошенничества, связанные с налогами, в обеих странах также во многом пересекаются: это, прежде всего, незаконное возмещение НДС из бюджета (часто с использованием подложных документов или тех же однодневок), мошенничество при получении налоговых вычетов физическими лицами, а также создание схем по обналичиванию денежных средств с минимизацией налоговых последствий.

Законодательной основой борьбы с уклонением от уплаты налогов и мошенничеством как в России, так и в Беларуси выступает комплекс норм, включающий налоговое и уголовное законодательство. В России налоговое законодательство, прежде всего Налоговый кодекс РФ (НК РФ), содержит механизмы контроля над правильностью исчисления и уплаты налогов, правила противодействия получению необоснованной налоговой выгоды (включая ст. 54.1 НК РФ), нормы о трансфертном ценообразовании и контролируемых иностранных компаниях (КИК), направленные на противодействие уклонению. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) устанавливает ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198) и организации (ст. 199), неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1), сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2), а также за мошенничество, которое может охватывать и схемы с незаконным возмещением налогов (ст. 159 УК РФ) [4]. Аналогично, в Беларуси Налоговый кодекс РБ (НК РБ) и другие законодательные акты регламентируют порядок исчисления и уплаты налогов, полномочия контролирующих органов и меры по предотвращению уклонения, включая контроль за трансфертным ценообразованием и общие принципы корректировки налоговой базы при выявлении искажений сведений об объектах налогообложения или фактах хозяйственной деятельности. Уголовный кодекс РБ (УК РБ) также содержит статьи, предусматривающие ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК РБ), а также за различные формы хищений, включая мошенничество (ст. 209 УК РБ), которые могут применяться и к налоговым схемам [5].

Сравнительный анализ законодательства показывает, что базовые подходы обеих стран схожи: криминализированы основные формы уклонения, используются инструменты налогового контроля и меры административного воздей-

ствия. Однако существуют и различия в конкретных формулировках составов преступлений, пороговых суммах ущерба (крупный и особо крупный размер) для наступления уголовной ответственности, видах и размерах санкций, а также в деталях налогового администрирования и специфических антиуклонительных нормах (например, разная реализация концепции должной осмотрительности или противодействия злоупотреблению правами).

Практическая реализация законодательства лежит на плечах налоговых (ФНС России, МНС Беларуси) и правоохранительных органов (органы внутренних дел, следственные комитеты, органы государственной безопасности). Эффективность их работы может быть оценена по таким показателям, как уровень выявляемости правонарушений и преступлений, сумма дополнительно начисленных и взысканных налогов, количество возбужденных и доведенных до приговора уголовных дел, а также уровень межведомственной координации.

В России Федеральная налоговая служба демонстрирует значительные успехи в сфере цифровизации налогового администрирования (АСК НДС-2, АСК 3, внедрение онлайн-касс, системы маркировки), что существенно повысило выявляемость разрывов в цепочках добавленной стоимости и фактов занижения выручки. Активно используется рискориентированный подход и предпроекторный анализ. Взаимодействие между налоговыми и правоохранительными органами в России в целом налажено, хотя на местах могут возникать вопросы координации и обмена информацией. В Беларуси также активно предпринимаются шаги по автоматизации процессов и усилению государственного контроля, эффективность которого традиционно ассоциируется с его жесткостью и высокой исполнительностью. Различия в масштабах экономик и структуре бизнеса в обеих странах влияют на специфику и сложность выявляемых схем уклонения. Сравнивая подходы, можно заметить, что Российская Федерация делает ставку на масштабное внедрение автоматизированных систем и анализ больших данных, в то время как Республика Беларусь, возможно, больше опирается на традиционные методы контроля в сочетании с постепенной цифровизацией.

Общей проблемой для систем противодействия уклонению в обеих странах является необходимость повышения квалификации сотрудников и адекватного ресурсного обеспечения для эффективной борьбы со сложными финансово-техническими схемами.

Анализ законодательства и практики показывает, что наиболее эффективными методами и инструментами оказались те, что связаны с цифровыми технологиями. Для России безусловным лидером по результативности стала широкомасштабная цифровизация налогового контроля, в первую очередь система АСК НДС, которая позволила радикально снизить использование схем с фирмами-однодневками. Высокую эффективность также демонстрируют рискориентированный подход при планировании проверок, активный предпроекторный анализ с вызовом налогоплательщиков, а также усиливающаяся аналитическая работа с использованием Big Data.

В Беларуси, помимо поэтапной автоматизации, эффективными признаются методы прямого государственного контроля, межведомственное взаимодействие на уровне рабочих групп и использование аналитических баз данных. Ве-

роятно, более строгая регуляция ряда секторов в Беларуси также косвенно снижает некоторые виды уклонения. Сравнительный анализ подтверждает, что цифровые и аналитические методы обладают наибольшим потенциалом для масштабирования и высокой выявляемости при меньших трудозатратах по сравнению с классическими проверками, что делает российский опыт в этой сфере весьма полезным.

Проведенный сравнительный анализ эффективности мер борьбы с уклонением от налогов и мошенничеством в РФ и РБ выявил ряд ключевых особенностей и общих тенденций. Законодательство обеих стран активно развивается, адаптируясь к новым вызовам, однако сохраняются проблемы пробелов, противоречий и необходимости своевременной имплементации международных норм. Оценка работы органов продемонстрировала их стремление к повышению эффективности через внедрение технологий, рискориентированных систем и усиление контроля. Тем не менее, общая эффективность сдерживается схожими факторами: потенциальными трудностями правоприменения, недостаточным межведомственным взаимодействием, потребностью в дальнейшем обучении персонала и адаптации к быстро меняющимся схемам. Наиболее результативными, по выводам анализа, являются методы, основанные на глубоком анализе данных, рискориентированном подходе и использовании цифровых инструментов.

Таким образом, основные выводы исследования подтверждают, что борьба с налоговыми правонарушениями – это динамичный процесс, требующий постоянного совершенствования как законодательной базы, так и механизмов ее реализации на практике. Эффективность мер напрямую зависит от способности государства оперативно реагировать на новые вызовы, инвестировать в технологическое и кадровое обеспечение, а также обеспечивать высокий уровень координации между государственными структурами.

Список литературы

1. Luzgina A. Problems of corruption and tax evasion in construction sector in Belarus // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2017. Vol. 5. No. 2. Pp. 263–282. DOI 10.9770/jesi.2017.5.2(8).
2. ФНС установила рекорд по взысканию налогов с банкротов: бюджет получил 252 млрд рублей. URL: https://strana.life/news/v_rossii/fns_ustanovila_rekord_po_vzyskaniyu_nalogov_s_bankrotov_byudzheta_poluchil_252_mlrdrubley/.
3. В МНС рассказали, сколько налогов поступило в бюджет в 2023 году // URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/v-mns-rasskazali-skolko-nalogov-postupilo-v-byudzheta-v-2023-godu/>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 7 июля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изм. и доп. от 17.02.2025) // СПС «Континент».

Тарбеев И. И.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мжельская Г. М.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Экономические преступления представляют серьезную угрозу для финансовой стабильности и правопорядка. Великобритания, являясь одним из мировых финансовых центров, разработала комплексную систему уголовно-правовых мер для противодействия таким преступлениям. Проанализируем основные законы и механизмы, направленные на борьбу с экономической преступностью, а также их практическую эффективность.

Экономические преступления в британском законодательстве охватывают широкий спектр противоправных деяний, включая: отмывание денег (money laundering), мошенничество (fraud), коррупцию (bribery and corruption), налоговые преступления (tax evasion), киберпреступления в сфере экономики (cyber-enabled fraud) и др. Эти преступления наносят значительный ущерб экономике и подрывают доверие к финансовым институтам.

Основа британского законодательства в сфере противодействия экономическим преступлениям включает в себя несколько нормативно-правовых актов.

Закон о мошенничестве 2006 Г. (Fraud Act 2006). Данный закон унифицировал и ужесточил наказание за различные формы мошенничества, введя такие составы преступлений, как: мошенничество путем ложного представления (fraud by false representation), злоупотребление служебным положением (fraud by abuse of position), незаконное получение имущества (obtaining services dishonestly) [1, с. 35].

Закон о взяточничестве 2010 г. (Bribery Act 2010). Этот закон ужесточил ответственность за коррупцию, введя понятие «неадекватные меры предотвращения коррупции» (failure to prevent bribery), что возлагает на компании обязанность внедрять эффективные антикоррупционные программы [2, с. 23].

Закон о преступлениях и коррупции 2017 г. (Criminal Finances Act 2017). Он расширил полномочия правоохранительных органов в борьбе с отмыванием

¹ © Тарбеев И. И., 2025.

денег, введя конфискацию незаконных активов (unexplained wealth orders) и ответственность юридических лиц за уклонение от налогов (corporate failure to prevent tax evasion) [3, с. 22].

Закон о противодействии отмыванию денег 2022 г. (Economic Crime Act 2022) был принят в ответ на санкции против России. Он усилил контроль за иностранными собственниками компаний в Великобритании и ужесточил меры против незаконных финансовых потоков [4, с. 10].

Большую роль в обеспечение правопорядка в экономической сфере играют институциональные механизмы противодействия экономическим преступлениям. В Великобритании действуют специализированные органы, отвечающие за борьбу с экономическими преступлениями, такие как: Национальное Агентство по Борьбе с Преступностью (NCA) – координирует расследования транснациональных экономических преступлений [5, с. 45–48]; Управление Финансового Контроля (FCA) – регулирует деятельность финансовых организаций и выявляет нарушения [6, с. 30–34]; мошенническое управление (SFO) – расследует сложные случаи корпоративного мошенничества и коррупции [7, с. 22–25].

Эффективность британской системы противодействия экономическим преступлениям оценивается по нескольким ключевым критериям: репрессивность санкций, уровень раскрываемости, международное сотрудничество и адаптивность к новым угрозам. Каждый аспект требует более пристального рассмотрения.

Британское законодательство предусматривает строгие наказания за экономические преступления, что повышает их превентивную роль. Например, за мошенничество (Fraud Act 2006) предусмотрено до 10 лет лишения свободы; за взяточничество (Bribery Act 2010) – до 10 лет для физических лиц и неограниченные штрафы для компаний; за отмывание денег (Proceeds of Crime Act 2002) – до 14 лет [8, с. 300–310]. Закон также позволяет изымать имущество, происхождение которого подозреваемый не может объяснить. В 2022 г. благодаря этому инструменту было заморожено множество активов на сумму £1,4 млрд. Разрешается вводить штрафы для корпораций – в 2021 г. NatWest был оштрафован на £265 млн за отмывание денег [8, с. 300–310]. Жесткие санкции создают высокие риски для преступников, снижая привлекательность экономических преступлений.

Уровень раскрываемости и статистика обеспечивают информированность граждан и правоохранительных органов о ситуации в государстве. UK Home Office и National Crime Agency (NCA) сообщают, что в 2022-2023 гг. раскрыто 72 % крупных мошеннических схем, что выше среднего показателя по ЕС (≈ 60 %) и, что после введения Bribery Act 2010 количество доказанных случаев взяточничества снизилось на 35 % (данные SFO) [9].

В рамках международного сотрудничества Великобритания активно взаимодействует с глобальными институтами. Проводятся совместные расследования с FBI (США), Europol (ЕС) и Interpol. Ярким примером является операция Akhmat (2023) – арест £500 млн, связанных с российскими олигархами.

В отличие от многих государств, Британская система способна быстро реагировать на цифровизацию преступности. С 2020 г. FCA регулирует криптоактивы, а NCA расследует схемы типа Bitcoin ransomware.

Несмотря на все преимущества британского законодательства остается ряд таких недостатков, как отставание в регулировании DeFi (децентрализованных финансов) и нехватка кадров: только 1 эксперт по киберпреступлениям на 10 дел (данные NCA, 2023) и неравномерная раскрываемость (крупные и мелкие преступления).

Уголовное законодательство Великобритании в сфере экономических преступлений является одним из наиболее развитых в мире, сочетая строгие санкции, превентивные меры и адаптивность к новым вызовам. Благодаря таким законам, как Fraud Act 2006, Bribery Act 2010 и Economic Crime Act 2022, страна добилась значительных успехов в борьбе с мошенничеством, коррупцией, отмыванием денег. Однако глобализация финансовых потоков, цифровизация преступности и уклонение от ответственности через офшоры требуют постоянного совершенствования правовых механизмов. Ключевыми направлениями развития законодательства должны стать цифровизация контроля, глобальное взаимодействие, стимулирование корпоративной прозрачности.

Список литературы

1. Fraud Act 2006 (с. 35). London : The Stationery Office, 2006. URL:<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents/>.
2. Bribery Act 2010 (с. 23). London: The Stationery Office, 2010. URL:<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents/>.
3. Criminal Finances Act 2017 (с. 22). London : The Stationery Office, 2017. URL:<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/>.
4. Economic Crime (Transparency and Enforcement) Act 2022 (с. 10). London: The Stationery Office, 2022. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/10/contents/>.
5. National Crime Agency (NCA). National Strategic Assessment of Serious and Organised Crime 2023. London : NCA, 2023. URL:<https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/who-we-are/publications/505-national-strategic-assessment-of-serious-and-organised-crime-2023/>.
6. Financial Conduct Authority (FCA). (2023). Financial Crime Report 2022/23. London: FCA, 2023. URL: <https://www.fca.org.uk/publications/annual-reports/financial-crime-report-2022-23/>.
7. Serious Fraud Office (SFO). (2022). Annual Report 2021-2022. London : SFO, 2022. URL:<https://www.sfo.gov.uk/publications/annual-reports/>.
8. Levi M., & Reuter P. Money Laundering: A Review of Current Controls and Their Consequences // Crime and Justice». 2006. Vol. 34. No. 1. Pp. 289–375. URL:<https://doi.org/10.1086/501508/>.
9. SFO v. ENRC 2023 EWHC 147 (Admin) (дело о мошенничестве в горнодобывающей отрасли). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Admin/2023/147.html>

Емельянова Ю. С.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Экономические преступления представляют серьезную угрозу для национальных финансовых систем, и для обеспечения ответственности требуется надежная правовая база. В настоящей статье проводится сравнительный анализ ответственности за экономические преступления в России и Великобритании, рассматриваются правовые определения, механизмы правоприменения и статистические тенденции. В исследовании освещаются ключевые различия в законодательных подходах, количестве судебных преследований и наказаниях, основанные на недавней судебной практике и официальных отчетах о преступлениях. В то время как Великобритания использует более децентрализованную и основанную на прецедентах систему, Россия полагается на кодифицированные законы с более строгим государственным контролем [1]. Статистические данные свидетельствуют о различиях в количестве вынесенных приговоров и эффективности правоприменения, что отражает более широкие институциональные и культурные различия.

Экономические преступления, включая мошенничество, растрату, отмывание денег и корпоративные правонарушения, являются постоянной проблемой для правовых систем во всем мире. Россия и Великобритания придерживаются разных подходов к уголовному преследованию за такие преступления, которые определяются их правовыми традициями – гражданским правом в России и общим правом в Великобритании. Сравнительный анализ их законодательной базы, правоприменительной практики и статистических результатов позволяет получить ценную информацию об их сильных и слабых сторонах.

В России экономические преступления в основном регулируются Уголовным кодексом Российской Федерации, в частности ст.ст. 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 174 (легализация (отмывание) денежных

¹ © Емельянова Ю. С., 2025.

средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем), 198 и 199 (уклонение от уплаты налогов) [5]. Правовая база в высшей степени централизована, а прокурорские полномочия возложены на государственные органы, такие как Следственный комитет и Генеральная прокуратура. Недавние поправки ужесточили наказание за экономические преступления, особенно в громких коррупционных делах. По данным Судебного департамента Верховного Суда России, в 2022 г. более 25 000 человек были осуждены по статьям об экономических преступлениях, при этом почти 40 % дел были связаны с мошенничеством (ст. 159). Однако критики утверждают, что правоприменение иногда носит предвзятый характер, а выборочное судебное преследование подрывает независимость судебной системы.

В Великобритании борьба с экономическими преступлениями происходит несколько иначе. Она основывается на законодательных актах и прецедентном праве, включая Закон о мошенничестве 2006 г., Закон о доходах от преступной деятельности 2002 г. (ПОСА) и Закон о взяточничестве 2010 г. [2; 3]. Система общего права Великобритании допускает судебное толкование, а расследования ведут такие агентства, как Управление по борьбе с серьезным мошенничеством (SFO) и Управление по финансовому надзору (FCA). В отличие от России, Великобритания уделяет особое внимание корпоративной ответственности, о чем свидетельствуют такие дела, как «Офис по борьбе с серьезным мошенничеством против Rolls-Royce PLC» (2017), в которых использовались соглашения об отсрочке судебного преследования (DPA) [4]. Официальная статистика Министерства внутренних дел Великобритании показывает, что мошенничество и экономические преступления составляют более 40 % всех правонарушений, однако процент обвинительных приговоров остается низким – только 3 % зарегистрированных случаев мошенничества приводят к судебному преследованию, отчасти из-за нехватки ресурсов и сложности трансграничных расследований.

Ключевое различие заключается в эффективности правоприменения. Россия сообщает о более высоком количестве обвинительных приговоров, но сталкивается с обвинениями в предвзятости судей, в то время как Великобритания, несмотря на более низкие показатели судебного преследования, использует передовые механизмы судебной экспертизы и международного сотрудничества. Кроме того, акцент Великобритании на возвращении активов в рамках ПОСА привел к аресту доходов, полученных преступным путем, на сумму £1,6 млрд в период с 2020 по 2023 г. [5], в то время как механизмы возврата активов в России остаются менее прозрачными.

В заключение хотелось бы отметить, что, хотя обе страны уделяют приоритетное внимание борьбе с экономическими преступлениями, их подходы существенно различаются. Жесткая законодательная система России обеспечивает высокий уровень вынесения обвинительных приговоров, но сопряжена с риском политизации [1], в то время как гибкая модель Великобритании, основанная на прецедентах, способствует инновациям в правоприменении, но сталкивается с проблемами низкого уровня судебного преследования [4]. Будущие реформы в обеих юрисдикциях должны устранить эти различия, уравновесив сдерживание с процедурной справедливостью.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012/.
2. Fraud Act 2006 (UK). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents/>.
3. Serious Fraud Office v. Rolls-Royce PLC [2017] UKSC 64. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2017/64.html/>.
4. The Serious Fraud Office. Deferred Prosecution Agreements. URL: <https://www.sfo.gov.uk/publications/guidance-policy-and-protocols/deferred-prosecution-agreements/>.

Ефремов А. Ю.¹,

курсант

факультета подготовки сотрудников

для подразделений экономической безопасности

и противодействия коррупции

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Сенченко Е. А.,

старший преподаватель

кафедры иностранных языков

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

Возможность прекратить уголовное преследование за экономическое преступление после возмещения причиненного ущерба – важный инструмент, который активно обсуждается и применяется в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Этот подход призван, с одной стороны, обеспечить восстановление нарушенных прав потерпевших и государства, а с другой – снизить избыточное давление на бизнес. Однако модели и эффективность этого механизма в России и других странах ЕАЭС имеют свои особенности.

В Российской Федерации ключевую роль играет ст. 76.1 Уголовного кодекса. Она позволяет освободить от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее экономическое преступление небольшой или средней тяжести (например, некоторые виды мошенничества, незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов), если оно полностью возместило ущерб и дополнительно перечислило в бюджет денежное возмещение – как правило, двукратную сумму причиненного ущерба, либо уплатило штраф в размере, установленном судом [1]. Эта мера рассматривается как баланс интересов. Как отмечал Президент РФ Владимир Путин, говоря о давлении на бизнес: «Важно не перегибать палку и искать разумные решения» [2]. Статистика показывает, что благодаря таким механизмам ежегодно прекращаются тысячи уголовных дел экономической направленности, что способствует пополнению бюджета [3, с. 44].

Схожие подходы существуют и в других странах ЕАЭС, хотя и с некоторыми отличиями. Например, в Казахстане также активно применяется институт освобождения от ответственности при полном возмещении ущерба, особенно по налоговым преступлениям и некоторым видам мошенничества. Законодательство Казахстана в ряде аспектов считается даже более либеральным, чем

¹ © Ефремов А. Ю., 2025.

российское, в части предоставления такой возможности. Условия могут несколько отличаться: где-то требуется только возмещение ущерба, где-то – уплата дополнительных штрафов или сборов. В Казахстане активно развиваются механизмы медиации, которые также могут способствовать примирению сторон и возмещению ущерба по экономическим делам, что ведет к прекращению преследования [4].

В Республике Беларусь подход к экономическим преступлениям традиционно считается более строгим. Хотя возможность освобождения от ответственности при возмещении ущерба законодательством предусмотрена (например, по делам об уклонении от уплаты налогов), условия могут быть жестче и полное освобождение от ответственности применяется не так широко, как в России или Казахстане. В Армении и Кыргызстане законодательство также содержит нормы, позволяющие прекращать дела при возмещении ущерба, часто ориентируясь на российскую модель, но их применение может зависеть от конкретного вида преступления и сложившейся судебной практики [5, с. 85–86].

Эффективность этого института вызывает множество вопросов. Сторонники указывают на прагматизм: государство и потерпевшие быстрее получают деньги, снижается нагрузка на следствие, суды и исправительную систему. Экономист Герман Греф неоднократно говорил о важности предсказуемости правовой среды для инвестиций, и понятные правила освобождения от ответственности этому способствуют. Противники же опасаются, что такой механизм превращается в способ откупа от правосудия для людей. Он подрывает принцип равенства перед законом и не обеспечивает должного профилактического эффекта. Статистика возмещения ущерба хоть и улучшается при применении этих норм, все еще далека стопроцентной, особенно по сложным делам с большими суммами хищений [6, с. 121].

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности при возмещении ущерба за экономические преступления является важной частью правовой системы стран ЕАЭС. Россия и Казахстан используют его достаточно активно, видя в этом инструмент для баланса интересов бизнеса и государства. В других странах Союза подходы могут быть более сдержанными. Несмотря на очевидные плюсы в виде ускоренного возмещения ущерба, продолжается поиск оптимальной модели, которая бы эффективно восстанавливала справедливость, не создавая при этом лазеек для ухода от заслуженного наказания.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 17 марта 2022 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67999/>.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года : статистический сборник // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. М. : ГИАЦ МВД России, 2024. С. 68.

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 15.07.2024) // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252/.

5. Агаев Г. А., Абдулатипов А. М. Освобождение от уголовной ответственности за экономические преступления в странах ЕАЭС: компаративный аспект // Евразийская адвокатура. 2021. № 5 (54). С. 84–87.

6. Клепицкий И. А. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления: российский опыт и перспективы гармонизации в ЕАЭС // Закон. 2022. № 8. С. 115–128.

Котцова М. П.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СТРАНАХ ЕАЭС И СНГ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) привело к увеличению числа экономических преступлений, совершаемых с использованием цифровых средств. В данной статье рассматривается правовая база, регулирующая уголовную ответственность за экономические правонарушения, связанные с ИКТ, в Кыргызской Республике и отдельных странах ЕАЭС и СНГ, особое внимание уделено кибермошенничеству, утечке данных и цифровым финансовым преступлениям. Используя англоязычные источники и законодательство Кыргызстана, анализируется эффективность существующих законов, проблемы правоприменения и сравнительные подходы в регионе. Статистические данные за последние годы свидетельствуют о растущей угрозе киберпреступности и необходимости расширения международного сотрудничества в борьбе с этими преступлениями [1].

Цифровая трансформация экономической деятельности привела к появлению новых форм преступного поведения, что требует принятия решительных правовых мер в ответ на экономические преступления, связанные с ИКТ. В Кыргызской Республике, как и в других странах ЕАЭС и СНГ, такие правонарушения включают кибермошенничество, несанкционированный доступ к финансовым системам, отмывание денег через цифровые платформы и кражу конфиденциальных данных. Правовая база Кыргызстана в основном регулируется Уголовным кодексом, в частности ст.ст. 227 (мошенничество), 228 (незаконный доступ к компьютерной информации) и 229 (создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения). Эти положения согласуются с более широкими региональными усилиями по борьбе с киберпреступностью, однако их правоприменение остается непоследовательным из-за технологических сложностей и проблем с юрисдикцией [1].

¹ © Котцова М. П., 2025.

По данным Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики, количество зарегистрированных случаев кибермошенничества увеличилось на 35 % в период с 2021 по 2023 г., а финансовый ущерб превысил \$10 млн в год. Значительная часть этих преступлений связана с фишинговыми атаками, мошенническими онлайн-транзакциями и программами-вымогателями, направленными как на предприятия, так и на частных лиц. Отсутствие специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью и ограниченное международное сотрудничество препятствуют эффективному судебному преследованию, несмотря на законодательные новшества. Сравнительный анализ со странами ЕАЭС и СНГ выявляет схожие тенденции. Например, Казахстан и Россия ввели более строгие наказания за цифровые финансовые преступления, включая поправки к своим уголовным кодексам, направленные на борьбу с преступлениями, связанными с криптовалютой [2]. Однако правовая база Кыргызстана отличается специфичностью, особенно в том, что касается новых технологий, таких как блокчейн и цифровые активы.

Международные обязательства также влияют на подход Кыргызстана к преступлениям, связанным с ИКТ. Страна подписала Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в борьбе с киберпреступностью (2020), которое облегчает проведение трансграничных расследований [1]. Однако из-за недостаточного технического опыта и выделения ресурсов сохраняются пробелы в реализации. Кроме того, хотя Будапештская конвенция о киберпреступности остается ключевым документом, Кыргызстан еще не ратифицировал ее, что ограничивает доступ к более широким европейским механизмам правового сотрудничества.

Статистические данные подчеркивают актуальность реформы. В 2023 г. Национальный банк Кыргызской Республики сообщил о более чем 500 попытках кибератак на финансовые учреждения, почти 20 % из которых привели к значительным утечкам данных [3]. Между тем осведомленность общественности о киберугрозах остается низкой, что усугубляет уязвимость. Укрепление правовых норм, расширение возможностей правоохранительных органов и развитие регионального сотрудничества являются важнейшими шагами в борьбе с экономическими преступлениями, связанными с ИКТ [4]. В ходе будущих реформ приоритетное внимание должно быть уделено принятию специализированного законодательства о киберпреступности, увеличению финансирования цифровой криминалистики и приведению в соответствие с международными стандартами для обеспечения эффективного судебного преследования и сдерживания.

Несмотря на то что Кыргызская Республика создала основополагающую правовую базу для борьбы с экономическими преступлениями, связанными с ИКТ, сохраняются значительные пробелы в правоприменении и региональной гармонизации. Сравнительный анализ стран ЕАЭС и СНГ показывает необходимость в адаптивном законодательстве и более сильных институциональных механизмах для борьбы с растущими киберугрозами. Решение этих проблем потребует постоянных инвестиций в инфраструктуру кибербезопасности и более тесного международного сотрудничества для обеспечения экономической стабильности в эпоху цифровых технологий.

Список литературы

1. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. №127 // mvd.gov.kg. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22/>.
2. О кибербезопасности Кыргызской Республики. Бишкек. 2024. 17 июля. № 121 // Координационный центр по обеспечению киберпреступности. URL: <https://cert.gov.kg/ru/legislation>.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационнокоммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям // Конвенции и декларации. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243/>.
4. Борьба с киберпреступлениями: сравнительный анализ законодательства стран СНГ // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-kiberprestupleniyami-sravnitelnyy-analiz-zakonodatelstva-stran-sng/>.

Грунина А. М.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ В БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Экономические преступления, включая отмывание денег, коррупцию и мошенничество, представляют серьезную угрозу глобальной финансовой стабильности. Беларусь как страна с переходной экономикой сталкивается с уникальными вызовами в противодействии этим преступлениям при одновременном участии в международном сотрудничестве. В данной статье исследуются правовая база Беларуси, ее участие в многосторонних антикриминальных инициативах и взаимодействие с ключевыми партнерами, такими как Россия, Китай и Европейский союз. В работе анализируются законодательные меры, институциональные механизмы и актуальные кейсы для оценки эффективности усилий Беларуси. Несмотря на прогресс, такие факторы, как политическая изоляция, слабая независимость судебной системы и развитие киберпреступности, препятствуют полному соответствию международным стандартам. По итогам исследования предлагаются рекомендации по усилению международного сотрудничества, включая углубленную интеграцию с Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и повышение прозрачности трансграничных финансовых расследований.

Беларусь активно участвует в международных усилиях по борьбе с экономическими преступлениями, особенно с отмыванием денег, коррупцией и незаконными финансовыми потоками. Правовая база страны формируется под влиянием как национального законодательства, так и международных обязательств, включая Конвенцию ООН против коррупции (UNCAC) и рекомендации ФАТФ [1, с. 4]. Однако геополитические факторы и внутренние проблемы управления осложняют сотрудничество с западными институтами, что приводит к большей ориентации на партнеров в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

¹ © Грунина А. М., 2025.

Одним из ключевых законодательных актов Беларуси является Закон о мерах противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, который соответствует стандартам ФАТФ. Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля выполняет функции финансовой разведки (ФРУ), обмениваясь данными с коллегами из России, Казахстана и других стран СНГ. Согласно Отчету о взаимной оценке Евразийской группы по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (ЕАГ) за 2022 г., Беларусь улучшила свою систему ПОД/ФТ, но по-прежнему сталкивается с пробелами в правоприменении, особенно в небанковском секторе [2, с. 9].

Наиболее тесное международное сотрудничество Беларуси развивается в рамках региональных объединений. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) способствуют совместным операциям против транснационального мошенничества и киберпреступности [3 с. 45]. Например, в 2023 г. белорусские власти совместно с российскими и казахстанскими коллегами ликвидировали сеть мошенников с криптовалютами на сумму \$50 млн, действовавшую в Восточной Европе.

Правовая система Азербайджана, в частности его Закон о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма (2022), представляет интерес для сравнительного анализа. В отличие от Беларуси, Азербайджан укрепил сотрудничество с MONEYVAL Совета Европы, что привело к его исключению из серого списка ФАТФ в 2023 г. Беларусь могла бы перенять такие реформы, как усиление независимости судебной системы и повышение прозрачности реестров бенефициарных владельцев.

Статистические данные указывают на сохраняющиеся проблемы. По данным МВД Беларуси, в 2023 г. было выявлено на 15 % больше финансовых преступлений, причем почти 40 % из них составляли кибермошенничества. В то же время возврат активов из-за рубежа остается неэффективным: по данным Панели международного возврата активов УНП ООН, за период с 2020 по 2023 г. было репатрировано всего \$2,3 млн. [4, с. 147].

Перспективы совершенствования антикоррупционной системы и мер ПОД/ФТ в Беларуси зависят от дальнейшей деполитизации этих процессов и углубления взаимодействия с международными партнерами, включая Россию, которая играет ключевую роль в региональной безопасности и экономическом сотрудничестве.

Среди возможных шагов – вступление в Группу Эгмонт (объединение ФРУ) при поддержке партнеров по ЕАЭС, внедрение передовых технологий, таких как блокчейн-мониторинг транзакций, а также расширение договоров о правовой помощи не только с государствами СНГ, но и с другими.

Список литературы

1. Belarus and the West: Sanctions, Crime, and Illicit Finance // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/>.
2. Belarus: Diagnostic Review of Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/>.

3. Bader M., Jojarth C. Sanctions, Shadow Banking, and Belarus Role in Eurasian Illicit Finance // Stanford University Working Paper. 2022. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/publications/>.
4. Korosteleva E. Belarus: A Case Study in State-Embedded Illicit Finance // The Political Economy of Corruption in Eurasia. Ed. by T. Dadabaev. Cham. : Palgrave Macmillan, 2023. P. 145–167.
5. Wilson J., Melnichu, A. Transnational Organized Crime in Belarus: A Nexus of State and Non-State Actors // European Journal of Criminology. 2020. Vol. 17. № 4. P. 487–505.

Скворцова Е. П.¹,
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Королева Е. В.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, В РОССИИ И США

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, является международной угрозой, подрывающей стабильность финансовых систем, искажающую экономические отношения и питающую организованную преступность, и терроризм. Эффективное противодействие этому явлению невозможно без действенного механизма уголовной ответственности, который должен не только карать виновных, но и лишать их возможности пользоваться плодами преступной деятельности. Россия и США, являясь крупными экономиками и активными участниками международной системы борьбы с отмыванием денег (AML), используют свои национальные уголовно-правовые инструменты для пресечения легализации. Сравнительный анализ подходов этих двух стран, принадлежащих к разным правовым семьям (континентальной и англо-саксонской), позволяет выявить как общие закономерности, так и специфические особенности в конструировании составов преступлений и правоприменительной практике.

Российское уголовное законодательство подходит к криминализации легализации дифференцированно, выделяя два основных состава в Уголовном кодексе Российской Федерации. Статья 174 УК РФ [1] устанавливает ответственность за осуществление финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными другими лицами заведомо преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными средствами. Статья 174.1 УК РФ, в свою очередь, классифицирует как преступление аналогичные действия, совершенные лицом с имуществом, приобретенным в результате совершения преступления (так называемое самоотмывание). Таким образом, роль субъекта в цепочке отмывания может быть различна. Объектом преступления в обоих случаях являются общественные отношения в сфере законной экономической деятельности и фи-

¹ © Скворцова Е. П., 2025.

нансового оборота, а также интересы правосудия, поскольку легализация маскирует следы основного преступления.

Предметом преступления являются денежные средства или иное имущество преступного происхождения. Доказательство незаконного характера средств и имущества – одна из основных сложностей. Как правило, требуется установить факт совершения предикатного преступления, хотя формально приговор по нему не всегда является обязательным требованием для осуждения по ст.ст. 174 или 174.1 УК РФ [2, с. 522]. Однако на практике связь с конкретным криминальным деянием часто является необходимой для доказывания заведомости преступного происхождения средств для виновного. Объективная сторона охватывает широкий спектр финансовых операций и сделок (размещение, расслоение, интеграция), но обязательным элементом является придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению криминальными активами. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: лицо должно осознавать преступное происхождение имущества (для ст. 174 – что оно добыто другими лицами) и действовать с указанной специальной целью легализации. Доказывание именно этой цели и осознания происхождения средств представляет наибольшую трудность для следствия.

В Соединенных Штатах Америки основным инструментом борьбы с легализацией на уголовно-правовом уровне являются разд. 1956 и 1957 гл. 18 Свода законов США (18 U.S.C. §§ 1956, 1957) [3, с. 10]. В отличие от российской системы, здесь нет формального разделения на «отмывание чужого» и «самоотмывание» в рамках отдельных статей; §1956 охватывает различные сценарии. Как преступление классифицируется проведение или попытка осуществления финансовой операции с доходами от «специфицированной незаконной деятельности» (Specified Unlawful Activity – SUA), понимая, что имущество получено в результате незаконной деятельности, и при наличии одного из четырех специфических намерений:

- 1) продолжать осуществление незаконной деятельности;
- 2) пытаться уклониться от уплаты налогов;
- 3) скрывать или маскировать происхождение, местонахождение, собственника незаконных доходов; или игнорировать требования отчетности по транзакциям.

Параграф 1956 также криминализует международную транспортировку денежных инструментов или фондов с намерением способствовать SUA или со знанием, что они представляют доходы от SUA, и при этом транспортировка направлена на сокрытие или уклонение от отчетности. Параграф 1957, в свою очередь, устанавливает ответственность за сознательное участие в денежной транзакции на сумму свыше \$10 000 с использованием криминально полученного имущества, полученного от SUA. Этот состав проще в доказывании, так как не требует установления специфического намерения (сокрытия или способствования), достаточно знания о преступном происхождении средств и совершения транзакции.

Сравнивая подходы, можно отметить несколько ключевых различий. Во-первых, структура составов: российское право делит легализацию на два от-

дельных преступления в зависимости от субъекта (ст.ст. 174 и 174.1), тогда как американский § 1956 охватывает разные формы и цели в рамках одной статьи, а § 1957 фокусируется на самом факте транзакции с грязными деньгами свыше определенной суммы.

Во-вторых, существенное различие кроется в субъективной стороне. Российское законодательство требует доказывания прямого умысла и специальной цели придания правомерного вида. Американское право оперирует более широким понятием «knowledge» (знание). При этом суды США трактуют «знание» не только как прямое знание о преступном происхождении, но и как «умышленное незнание» или «преднамеренную слепоту» (willful blindness). Эта доктрина позволяет признать виновным лицо, которое сознательно избегало получения информации о незаконном источнике средств, при наличии явных «красных флагов», указывающих на высокую вероятность этого [4]. Такой подход облегчает привлечение к ответственности профессиональных посредников (банкиров, юристов, бухгалтеров), которые могли бы сослаться на формальное отсутствие прямого знания. В России же доказывание прямого умысла у таких лиц остается крайне сложной задачей.

В-третьих, связь с предикатным преступлением. Хотя формально и в России, и в США не всегда требуется обвинительный приговор по основному преступлению, на практике доказывание преступного происхождения средств тесно связано с расследованием предикатного деяния. Однако американский подход, оперирующий широким понятием «доход от специфицированной незаконной деятельности» (перечень SUA весьма обширен), может предоставлять несколько большую гибкость, чем российская практика, часто тяготеющая к установлению конкретного преступления-источника.

Несмотря на различия в законодательных конструкциях и стандартах доказывания умысла, и Россия, и США сталкиваются со схожими вызовами в борьбе с отмыванием денег. Глобализация финансовых рынков и развитие цифровых технологий создают новые возможности для преступников. Криптовалюты с их псевдонимностью и трансграничностью активно используются для легализации доходов от наркоторговли, киберпреступности и других криминальных деяний. Отслеживание таких транзакций, идентификация владельцев кошельков и доказывание связи с предикатными преступлениями требуют новых технических и правовых решений в обеих странах. Как отметил один из высокопоставленных чиновников Минфина США, «виртуальные активы создают новые риски для финансовой системы, и мы должны адаптировать наши инструменты для борьбы с их незаконным использованием». Аналогичные опасения высказываются и представителями российских правоохранительных органов и Банка России [5, с. 16].

Другой общей проблемой является роль профессиональных пособников — юристов, бухгалтеров, консультантов, которые помогают структурировать сложные схемы отмывания. Привлечение их к уголовной ответственности осложняется необходимостью доказать их осведомленность и умысел, а не просто профессиональную небрежность. В США доктрина willful blindness отчасти решает эту проблему, но и там доказывание остается сложным.

Эффективность уголовного преследования за легализацию во многом зависит от качества финансового мониторинга (в России – Росфинмониторинг, в США – FinCEN), международного сотрудничества по обмену информацией и взаимной правовой помощи, а также от действенности механизмов конфискации преступных активов. Без лишения преступников экономических стимулов одно лишь уголовное наказание не может быть полностью эффективным.

Таким образом, сравнительный анализ уголовной ответственности за легализацию преступных доходов в России и США выявляет различия в законодательной технике (разделение составов в РФ, широкие составы в США) и, что более важно, в стандарте доказывания субъективной стороны (прямой умысел и цель в РФ против «знания», включая «умышленное незнание» в США). Американский подход может предоставлять больше возможностей для преследования, особенно в отношении профессиональных посредников, но и российская система содержит необходимые инструменты. Обе страны сталкиваются с общими вызовами, порожденными глобализацией и цифровизацией, требующими постоянной адаптации законодательства, правоприменительной практики и международного сотрудничества. Эффективная борьба с отмыванием денег остается критически важной задачей для обеспечения экономической безопасности и стабильности как в России, так и в США.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. Т. 2. Особенная часть (гл. I–X). 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2011.
3. United States Code Title 18 – Crimes and Criminal Procedure // Cornell Law School: Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/>.
4. LaFave W. R. Criminal Law. 6th ed. St. Paul, MN : West Academic Publishing, 2017.
5. Иванов П. П. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, в России и США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 15–20.

Чмыхало А. В.¹,
*курсант факультета подготовки
сотрудников для подразделений
экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Королева Е. В.,
*доцент кафедры
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ ЕАЭС И СНГ

Стабильность и эффективность кредитно-денежной сферы и системы налогообложения являются фундаментальными элементами экономической безопасности и устойчивого развития любого современного государства. Именно эти системы обеспечивают формирование государственных бюджетов, финансирование социальных программ, поддержание макроэкономической стабильности и создание предсказуемой среды для ведения предпринимательской деятельности и привлечения инвестиций. Такие преступления в данных сферах, как уклонение от уплаты налогов и мошенничество, наносят прямой ущерб государственным финансам, подрывают принципы справедливой конкуренции, снижают доверие к государственным институтам и, в конечном итоге, тормозят экономический рост.

Для государств – участников Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), характеризующихся высокой степенью экономической взаимосвязи и общностью ряда правовых подходов, риски, связанные с уклонением от уплаты налогов и незаконными финансовыми операциями, являются особенно значительными. Неэффективность мер противодействия в одной стране может создавать лазейки для преступных элементов, действующих на территории всего интеграционного объединения. Такие действия не только приводят к прямым финансовым потерям бюджетов, но и способствуют росту теневой экономики, искажению конкуренции и ослаблению экономической безопасности государств-участников. В этом контексте сравнительный анализ эффективности мер по

¹ © Чмыхало А. В., 2025.

борьбе с данными преступлениями приобретает важное практическое значение для выработки скоординированных и более результативных подходов.

Преступления в сфере кредитно-денежных отношений и системы налогообложения представляют собой общественно опасные деяния, посягающие на установленный законом порядок функционирования финансовой, банковской и налоговой систем государства, причиняющие или создающие угрозу причинения значительного ущерба государственным интересам, правам и законным интересам физических и юридических лиц.

Эта категория преступлений охватывает деяния, направленные против стабильности денежного обращения, законности банковской деятельности, порядка осуществления расчетов и кредитования. Их главный общий признак – высокая степень общественной опасности. Эти деяния наносят многоаспектный вред: прямой экономический ущерб государственному бюджету и участникам рынка; подрыв доверия к финансовым институтам и национальной валюте; искажение конкурентной среды за счет получения недобросовестных преимуществ; финансирование других видов преступной деятельности (включая организованную преступность и коррупцию); рост теневой экономики и ослабление экономической безопасности государства в целом.

Методы совершения этих преступлений становятся все более изощренными и используют современные технологии и сложные финансовые инструменты. Типичные способы включают:

1) искажение или сокрытие информации: непредставление или представление заведомо ложных налоговых деклараций/отчетности, фальсификация бухгалтерских документов, сокрытие доходов, использование черной или серой бухгалтерии;

2) использование фиктивных структур: создание или использование фирм-однодневок, технических компаний, офшорных схем для вывода капитала, фиктивного документооборота или необоснованного получения налоговых вычетов;

3) манипуляции с финансовыми инструментами: необоснованное применение трансфертных цен, использование сложных многоступенчатых сделок, мошенничество с векселями, банковскими гарантиями или кредитами;

4) применение технических средств: использование вредоносного программного обеспечения для доступа к банковским счетам, подделка электронных подписей, незаконное использование данных платежных карт, создание поддельных электронных денег.

Уголовно-правовая политика государства представляет собой целенаправленную деятельность по ограничению преступности средствами уголовно-правового воздействия [1, с. 27].

Уголовное законодательство государств – участников ЕАЭС и СНГ имеет общие исторические корни, что обуславливает наличие схожих подходов к криминализации общественно опасных деяний, в том числе в сфере кредитно-денежных отношений и системы налогообложения. Однако процессы суверенизации и различные темпы правовых реформ привели к определенным отличиям в структуре, содержании и санкциях норм, устанавливающих ответственность за данные виды преступлений. В данном разделе проводится сравнительный

анализ ключевых аспектов уголовно-правового регулирования в этой сфере, уделяя особое внимание законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь как центральным объектам исследования статьи, но с оглядкой на общие тенденции в рамках интеграционных объединений.

Большинство уголовных кодексов стран региона содержат нормы об ответственности за незаконную банковскую деятельность (например, ст. 172 УК РФ, ст. 220 УК РБ), фальшивомонетничество (ст. 186 УК РФ, ст. 221 УК РБ), мошенничество с использованием платежных карт и иных электронных средств платежа (ст.ст. 159.3, 159.6 УК РФ, ст. 222 УК РБ), легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, ст. 235 УК РБ) [2; 3].

Составы, как правило, включают объективную сторону, выражающуюся в совершении запрещенных операций (без лицензии, с поддельными средствами, с использованием преступных доходов), и общественно опасные последствия в виде причинения крупного ущерба или получения дохода в крупном размере (для незаконной банковской деятельности) либо наличие самого факта изготовления/сбыта поддельных денежных знаков или совершения финансовых операций с легализуемыми средствами.

Субъективная сторона характеризуется умыслом. Субъект чаще общий, но для некоторых составов (например, незаконная банковская деятельность) может быть специальным.

Сравнительный анализ демонстрирует схожесть основных элементов этих составов, что облегчает межгосударственное взаимодействие, однако могут наблюдаться различия в формулировках, деталях диспозиций и отсылочных нормах к иному законодательству (например, банковскому).

Санкции за преступления в сфере кредитно-денежных отношений варьируются в зависимости от тяжести деяния и наличия квалифицирующих признаков (крупный/особо крупный размер, совершение организованной группой, использование служебного положения).

Типичные виды наказаний включают штрафы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы.

Сравнивая санкции в УК РФ и УК РБ за аналогичные деяния (например, ст. 172 УК РФ и ст. 220 УК РБ; ст.ст. 174, 174.1 УК РФ и ст. 235 УК РБ), можно отметить как схожие диапазоны лишения свободы за квалифицированные составы (например, до 7–10 лет лишения свободы за отмывание в особо крупном размере или организованной группой), так и возможные различия в минимальных порогах, максимальных размерах штрафов или наличии альтернативных видов наказаний.

Важно отметить, что законодательство обеих стран предусматривает более строгие наказания при наличии квалифицирующих признаков, отражая тем самым повышенную общественную опасность таких деяний.

Особенности квалификации часто связаны с определением момента окончания преступления (например, для легализации – совершение первой финансовой операции, скрывающей происхождение средств), а также с единообразным толкованием квалифицирующих признаков.

Ключевым критерием для многих составов является размер причиненного ущерба, полученного дохода или легализуемых средств (крупный, особо крупный).

Пороги этих размеров могут незначительно отличаться в уголовных кодексах разных стран, что влияет на квалификацию деяния по соответствующей части статьи и, соответственно, на применяемую санкцию. Например, определение понятия «крупный размер» в УК РФ и УК РБ может базироваться на разном количестве базовых величин или некратном отношении к ним.

Квалификация также зависит от способа совершения (например, с использованием поддельных документов, через подставных лиц) и субъектных особенностей (использование служебного положения).

Основными составами в УК стран ЕАЭС и СНГ являются уклонение от уплаты налогов и сборов с организаций (ст. 199 УК РФ, ст. 243 УК РБ) и с физических лиц (ст. 198 УК РФ), а также сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов (ст. 199.2 УК РФ, ст. 243.3 УК РБ). Некоторые кодексы также содержат нормы об ответственности налоговых агентов (ст. 199.1 УК РФ).

Объективная сторона этих преступлений, как правило, выражается в двух формах: 1) непредставление налоговой декларации (расчета) и иных необходимых документов и 2) включение в декларацию (расчет) или иные документы заведомо ложных сведений.

Обязательным признаком является наступление общественно опасного последствия – неуплата налога (сбора, страхового взноса) в установленный срок и в определенном размере (крупном или особо крупном).

Субъективная сторона – прямой умысел, направленный на полную или частичную неуплату налога.

Субъект – физическое лицо, обязанное представлять декларацию (для ст. 198 УК РФ), либо руководитель организации, главный бухгалтер или иные лица, выполняющие управленческие функции в организации (для ст. 199 УК РФ). В УК РБ ответственность по ст. 243 предусмотрена для должностного лица юридического лица или ИП.

Санкции за налоговые преступления также дифференцированы в зависимости от размера неуплаченной суммы и наличия квалифицирующих признаков (особо крупный размер, совершение группой лиц).

Наказания включают штрафы, принудительные работы, арест, лишение свободы, а также лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Сравнивая санкции в УК РФ (ст.ст. 198, 199) и УК РБ (ст. 243), можно увидеть схожую логику построения: увеличение строгости наказания с ростом размера неуплаченной суммы. Однако конкретные диапазоны штрафов и сроки лишения свободы могут различаться.

Ключевой особенностью законодательства многих стран СНГ, включая Россию и Беларусь, является возможность освобождения от уголовной ответственности при определенных условиях, например, при полном возмещении причи-

ненного ущерба (суммы недоимки, пеней и штрафов). Условия такого освобождения (например, до какого момента должно быть произведено возмещение) могут незначительно варьироваться. В УК РФ (примечания к ст.ст. 198, 199) и УК РБ (например, ст. 243 ч. 6) закреплены схожие, но не идентичные положения на этот счет.

Главная особенность квалификации налоговых преступлений заключается в точном определении размера неуплаченных налогов, поскольку именно он является основным критерием отграничения административного правонарушения от уголовно наказуемого деяния и определения квалифицирующего признака (крупный/особо крупный размер).

Пороги крупного и особо крупного размеров неуплаченных налогов устанавливаются в примечаниях к соответствующим статьям уголовных кодексов. Сравнительный анализ УК РФ и УК РБ показывает, что эти пороги, выраженные в абсолютных величинах или базовых расчетных единицах, могут существенно отличаться. Например, сумма крупного размера для физических лиц (ст. 198 УК РФ) и организаций (ст. 199 УК РФ) определяется по разным правилам и в разных суммах, отличных от подходов в УК РБ.

Эти различия напрямую влияют на количество деяний, признаваемых уголовно наказуемыми, и на строгость применяемых санкций.

Способ сокрытия доходов также может влиять на квалификацию или рассматриваться как обстоятельство, характеризующее степень общественной опасности.

Несмотря на схожесть базовых принципов, различия в формулировках составов преступлений, определении пороговых значений крупного и особо крупного размеров ущерба или неуплаченных налогов, а также неодинаковые подходы к правилам освобождения от уголовной ответственности создают трудности при трансграничных расследованиях. Такая несогласованность может использоваться преступниками для выбора наиболее благоприятной юрисдикции (легальный арбитраж), а также препятствует эффективному международному сотрудничеству (например, при применении принципа двойной криминальности).

Расследование преступлений в сфере кредитно-денежных отношений и налогообложения требует специальных знаний в области экономики, финансов, бухгалтерского учета, аудита, информационных технологий и международного права.

Часто сотрудники правоохранительных органов, имеющие базовое юридическое образование, сталкиваются с трудностями в понимании сложных финансовых схем, анализе большого объема финансовой и электронной информации, взаимодействии с экспертами. Недостаточная квалификация может приводить к ошибкам при сборе доказательств, неверной квалификации деяний и, как следствие, к невозможности доведения дела до суда или вынесению оправдательных приговоров.

Эффективное противодействие транснациональной экономической преступности невозможно без оперативного и слаженного взаимодействия между правоохранительными структурами различных стран. Однако на практике могут возникать трудности, связанные с длительностью процедур международной

правовой помощи (запросы, поручения), языковыми барьерами, различиями в процессуальных нормах, недостатком доверия или координации, а иногда и с отсутствием политической воли или проявлением коррупции. Это замедляет или делает невозможным получение критически важной информации и доказательств из-за рубежа.

Сложность структур, используемых преступниками, многослойность финансовых операций, уничтожение или сокрытие документов, использование электронных следов, требующих специальных навыков для их извлечения и анализа, создают серьезные препятствия для доказывания вины. Доказывание умысла, установление роли каждого участника преступной схемы, особенно в организованных группах с четким распределением функций, часто представляет собой сложную задачу. Зависимость расследования от результатов финансово-экономических и компьютерно-технических экспертиз, которые сами могут быть длительными и требовать высококвалифицированных специалистов, также усложняет процесс доказывания.

Существующие санкции, предусмотренные уголовным законодательством (штрафы, лишение свободы, лишение права заниматься определенной деятельностью), не всегда оказывают достаточный превентивный и карательный эффект. В ряде случаев потенциальная экономическая выгода от совершения преступления значительно превышает размер возможного штрафа или даже срок лишения свободы, особенно если существует высокая вероятность уклонения от ответственности. Трудности с конфискацией активов, полученных преступным путем, особенно выведенных за рубеж, также снижают неотвратимость негативных последствий для виновного. Кроме того, широкое применение норм об освобождении от ответственности при возмещении ущерба, хотя и способствует пополнению бюджета, может создавать ощущение откупа от уголовного преследования.

В рамках настоящего исследования были проанализированы теоретические основы квалификации преступлений в рассматриваемых сферах, проведено сравнение уголовного законодательства России, Беларуси и других стран ЕАЭС/СНГ в части составов преступлений, санкций и особенностей квалификации. Выявлены общие тенденции, характеризующие развитие данной категории преступности, такие как рост транснационального характера деяний, активное использование современных информационных технологий и постоянное совершенствование способов уклонения от ответственности. Одновременно определен комплекс системных проблем, сдерживающих эффективность уголовно-правового противодействия, включая несогласованность законодательства, недостаточную квалификацию кадров, низкий уровень межгосударственного взаимодействия и трудности в доказывании.

Оценка степени достижения поставленной цели и решения задач показывает, что исследование позволило системно рассмотреть заявленную проблематику, выявить как общие черты, так и специфические особенности уголовно-правового регулирования в исследуемых государствах, а также определить основные направления, требующие совершенствования для повышения эффективности борьбы с данным видом преступности. Цель статьи, связанная с проведением анализа и выявлением ключевых аспектов противодействия,

достигнута. Решены задачи по рассмотрению теоретических основ, сравнительному анализу законодательства, выявлению тенденций и проблем.

Список литературы

1. Клейменов М. П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия Право. 2009. № 4. С. 27–29.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 7 июля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по состоянию на 17.02.2025) // СПС «Континент».

Квасова А. С.¹,
*курсант факультета подготовки
сотрудники для подразделений
экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
*старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО ФИНАНСОВОМУ МОНИТОРИНГУ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем (далее – ОД), и связанное с ней финансирование терроризма (далее – ФТ) представляют собой одну из наиболее серьезных угроз для стабильности национальных экономик, целостности финансовых систем и международной безопасности в XXI в. Проникая в легальную экономику, криминальные капиталы искажают рыночные механизмы, подрывают конкуренцию, способствуют росту коррупции и организованной преступности, а также создают ресурсы для финансирования деструктивной, в том числе террористической деятельности. Очевидно, что отмывание грязных денег оказывает существенное деструктивное влияние на распределение внутренних и международных денежных потоков, подрывая макроэкономическую стабильность и доверие к финансовым институтам. В этой связи построение эффективной национальной системы противодействия ОД и ФТ является стратегическим приоритетом для любого государства, стремящегося обеспечить свою экономическую и национальную безопасность.

В Российской Федерации ключевым элементом этой системы, своеобразным центром сбора, анализа и распределения финансовой информации разведывательного характера выступает Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Этот федеральный орган исполнительной власти наделен специфическими полномочиями и функциями, направленными на выявление, предупреждение и пресечение операций, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма. Роль Росфинмониторинга многогранна: она включает в себя не только функции подразделения финансо-

¹ © Квасова А. С., 2025.

вой разведки (ПФР), но и элементы нормативного регулирования, координации межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества.

Понимание специфики функционирования Росфинмониторинга, его сильных сторон и существующих проблемных зон имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение для выработки адекватных мер по укреплению экономической безопасности России в условиях глобализации финансовых потоков и постоянной эволюции криминальных схем.

Федеральная служба по финансовому мониторингу занимает особое место в системе федеральных органов исполнительной власти России. Ее правовой статус, цели, задачи и полномочия определяются прежде всего Федеральным законом № 115-ФЗ и Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденным Указом Президента РФ (в действующей редакции – Указ от 13 июня 2012 г. № 808).

Росфинмониторинг – это федеральный орган исполнительной власти, в чью компетенцию входит осуществление комплекса мер, направленных на пресечение легализации (отмывания) средств, нажитых преступным путем, а также финансирования террористической деятельности и распространения оружия массового поражения. Он, вдобавок ко всему, функционирует в качестве ведущего национального органа, ответственного за оценивание рисков для государственной безопасности, которые возникают в результате осуществления операций (сделок) с денежными активами и иным имуществом, а также за разработку комплекса мер, направленных на нейтрализацию данных угроз [1].

Исходя из анализа нормативных актов и научных публикаций, функции Росфинмониторинга можно разделить на несколько ключевых групп:

Информационно-аналитическая. Выполняет функции подразделений финансовой разведки разных стран (далее – ПФР). Это ядро деятельности Росфинмониторинга. Служба осуществляет сбор, обработку, анализ и хранение информации об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих обязательному контролю или являющихся подозрительными, поступающей от организаций, осуществляющих такие операции (банки, страховые компании, участники рынка ценных бумаг, нотариусы, адвокаты, риелторы и др.). Ежедневно Росфинмониторинг получает десятки тысяч сообщений. На основе анализа этой информации выявляются схемы и каналы ОД и ФТ, устанавливаются связи между участниками подозрительных операций, формируются финансовые досье на лиц и организации, вызывающие подозрение. Результаты анализа в виде информационных сообщений или материалов финансовых исследований направляются в правоохранительные и иные компетентные органы.

Контрольно-надзорная. Росфинмониторинг осуществляет контроль и надзор за исполнением законодательства об ОД и ФТ определенными категориями организаций и индивидуальных предпринимателей (например, лизинговыми компаниями, операторами по приему платежей, организациями игорного бизнеса, адвокатами, нотариусами, аудиторами и др.). В отношении поднадзорных субъектов Служба вправе проводить проверки, выдавать предписания об устранении нарушений, применять меры ответственности. (Контроль за основной частью финансового сектора, прежде всего банками, осуществляет Банк России.)

Нормотворческая. Росфинмониторинг участвует в разработке и реализации государственной политики в сфере предотвращения ОД, ФТ и финансирования распространения оружия массового поражения, разрабатывает проекты нормативных правовых актов, издает нормативные акты в пределах своей компетенции (например, устанавливает требования к правилам внутреннего контроля, критерии подозрительных операций, порядок предоставления информации).

Координационная. Служба координирует деятельность других федеральных органов исполнительной власти в сфере предотвращения ОД и ФТ, обеспечивает их взаимодействие, в том числе через Межведомственную комиссию по предотвращению ОД, ФТ и финансирования распространения оружия массового поражения.

Международное сотрудничество. Росфинмониторинг представляет Российскую Федерацию в международных организациях, занимающихся вопросами предотвращения ОД и ФТ (ФАТФ (англ. Financial Action Task Force – международной межправительственной организации, которая разрабатывает стандарты противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения), ЕАГ (Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма), группе «Эгмонт»), осуществляет взаимодействие и обмен информацией с зарубежными ПФР.

Оценочная. Проведение национальной оценки рисков ОД и ФТ, анализ типологий и тенденций в сфере финансовых преступлений.

Финансовый мониторинг, осуществляемый Росфинмониторингом, является специфической разновидностью государственного финансового контроля. Он разделяет с другими видами контроля общие принципы (законность, объективность, системность), но имеет свою четко очерченную предметную область (предотвращение ОД и ФТ) и особые методы (анализ больших массивов финансовой информации, выявление скрытых связей и рисков). Как отмечают некоторые авторы, Росфинмониторинг является именно государственным органом, осуществляющим финансовый контроль, что подчеркивает его институциональную принадлежность.

Таким образом, Росфинмониторинг наделен широким спектром полномочий, позволяющих ему выполнять роль центрального звена в национальной системе предотвращения ОД и ФТ, и сочетает функции финансовой разведки, регулятора, координатора и контролера.

Эффективность системы предотвращения ОД и ФТ в значительной степени зависит от налаженного взаимодействия между подразделением финансовой разведки и правоохранительными органами (органами внутренних дел, федеральной службой безопасности, следственными органами, прокуратурой). Росфинмониторинг, являясь по своей сути разведывательной структурой, не обладает полномочиями по возбуждению уголовных дел и проведению полноценного уголовного преследования. Его основная задача – выявить подозрительные финансовые потоки и предоставить качественную финансовую распознанную информацию правоохранительным органам для дальнейшей оперативной разработки, доказывания и привлечения виновных к ответственности.

Порядок информационного взаимодействия Росфинмониторинга с правоохранительными органами регламентируется Федеральным законом № 115-ФЗ (ст. 8) [2] и совместными нормативными актами (например, Приказом Генеральной прокуратуры России, МВД России, ФСБ России и др. от 5 августа 2010 г. № 309/566/378... «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия...») [3]. На практике взаимодействие осуществляется по нескольким направлениям:

Инициативное направление материалов. При выявлении в ходе анализа операций (сделок), в которых имеются достаточные основания подозревать связь с ОД и ФТ, Росфинмониторинг направляет соответствующую информацию и материалы финансового расследования в компетентный правоохранительный орган по подведомственности.

Исполнение запросов. Правоохранительные органы могут направлять в Росфинмониторинг запросы о предоставлении имеющейся информации в рамках проводимых ими оперативно-разыскных мероприятий или расследования уголовных дел.

Совместная работа. Возможно создание совместных рабочих групп для расследования сложных, многоэпизодных дел, связанных с ОД и ФТ.

Обмен информацией о типологиях. Росфинмониторинг информирует правоохранительные органы о выявленных новых схемах и способах отмывания денег и финансирования терроризма, а правоохранительные органы, в свою очередь, могут предоставлять информацию о предикатных преступлениях и методах их совершения.

Проблемы и вызовы во взаимодействии. Несмотря на наличие формальных механизмов и примеры успешной работы, отмечается ряд серьезных проблем, снижающих эффективность взаимодействия.

Во-первых, информация, предоставляемая Росфинмониторингом, носит преимущественно аналитический, разведывательный характер. Она может служить основанием для начала оперативной проверки или возбуждения дела, но сама по себе, как правило, не является прямым доказательством в уголовном процессе в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) [4]. Для трансформации этой информации в доказательства требуется проведение следственных и оперативно-разыскных мероприятий правоохранительными органами. В УПК РФ отсутствует такое понятие, как «финансовое расследование», что создает правовую неопределенность.

Во-вторых, отмечаются случаи затягивания исполнения запросов правоохранительных органов со стороны Росфинмониторинга. С другой стороны, правоохранительные органы не всегда оперативно и эффективно отрабатывают поступающие из Росфинмониторинга материалы. Существует проблема отсутствия системной обратной связи от правоохранительных органов о результатах использования полученной информации, что затрудняет оценку ее качества и корректировку аналитической работы Росфинмониторинга.

В-третьих, бывают ситуации, когда правоохранительные органы формально подходят к регистрации и проверке материалов Росфинмониторинга, приобщая их к другим делам без должной отработки или ограничиваясь формальными

отписками, что может приводить к фактическому сокрытию материалов от учета. Эти проблемы указывают на необходимость совершенствования как нормативной базы, так и практических механизмов взаимодействия между Росфинмониторингом и правоохранительными органами для создания действительно бесшовной системы от выявления подозрительной операции до привлечения виновных к ответственности [5, с. 165].

В условиях глобализации финансовых рынков и транснационального характера организованной преступности эффективная борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма невозможна без тесного международного сотрудничества. Росфинмониторинг активно участвует в этом процессе, являясь полноправным участником ключевых международных структур в сфере предотвращения ОД и ФТ. Существует группа «Эгмонт». Это неформальное объединение мировых ПФР. Членство в группе «Эгмонт» (Россия вступила в группу в 2002 г.) предоставляет Росфинмониторингу доступ к защищенной сети для оперативного обмена информацией с ПФР других стран. Этот обмен критически важен для отслеживания трансграничных финансовых потоков, связанных с ОД и ФТ [6, с. 48]. При этом соблюдаются строгие правила конфиденциальности и использования полученной информации только в разведывательных целях без разрешения предоставившей стороны.

Членство России в ФАТФ с 2003 г. означает не только признание соответствия национальной системы предотвращения ОД и ФТ международным стандартам, но и обязательство активно участвовать в работе группы, внедрять ее обновленные рекомендации и проходить регулярные взаимные оценки. Эти оценки являются мощным стимулом для постоянного совершенствования законодательства и практики.

Несмотря на значительные успехи в построении национальной системы предотвращения ОД и ФТ и признание ее эффективности на международном уровне, Росфинмониторинг и вся система в целом сталкиваются с рядом серьезных вызовов, требующих постоянного внимания и адаптации. Постоянно растущий объем данных, поступающих от подотчетных организаций (десятки тысяч сообщений ежедневно), создает колоссальную нагрузку на аналитические подразделения. При этом качество предоставляемой информации не всегда высокое, встречается недостоверная или неполная информация, что затрудняет анализ. Требуется эффективная фильтрация и приоритизация данных. Преступники постоянно изобретают новые, все более изощренные способы легализации доходов и финансирования терроризма, активно используя современные технологии (киберпространство, виртуальные активы, сложные корпоративные структуры, торговые операции). Росфинмониторингу необходимо постоянно отслеживать эти тенденции и адаптировать свои аналитические инструменты и подходы. Как уже говорилось, сохраняются сложности в координации и информационном обмене с правоохранительными органами, особенно в части использования финансовой разведки в уголовном процессе.

Рассмотрим внедрение инновационных технологий. Здесь и активное использование современных методов анализа больших данных (Big Data), и искусственного интеллекта (AI), и машинного обучения (ML) для повышения эф-

фективности выявления подозрительных операций и сложных схем ОД и ФТ. Добавим сюда и совершенствование программно-технического обеспечения службы, и совершенствование методик анализа, и разработку новых индикаторов и критериев подозрительности, и усиление рискориентированного подхода, позволяющего концентрировать ресурсы на наиболее уязвимых секторах и операциях.

Росфинмониторинг занимает ключевое и незаменимое место в системе борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма на территории Российской Федерации. Пройдя путь от органа, созданного в ответ на международное давление, до признанного на национальном и международном уровне подразделения финансовой разведки и ключевого координатора в сфере предотвращения ОД и ФТ, Росфинмониторинг демонстрирует значительные достижения. Создана разветвленная система сбора и анализа финансовой информации, налажены механизмы взаимодействия с российскими компетентными органами и международными партнерами, пресечены многочисленные каналы отмывания денег и финансирования незаконной деятельности.

Вместе с тем анализ деятельности Службы и существующих проблем, освещенных в научной литературе, показывает, что эффективность системы предотвращения ОД и ФТ сталкивается с рядом серьезных вызовов. К ним относятся необходимость обработки постоянно растущих объемов информации, быстрая эволюция криминальных схем, сохраняющиеся сложности в межведомственном взаимодействии (особенно с правоохранительными органами в части использования разведанных в уголовном процессе), потребность в постоянном технологическом обновлении и совершенствовании нормативной базы.

Преодоление этих вызовов требует комплексного подхода. Приоритетными направлениями должны стать дальнейшее внедрение передовых информационных технологий для анализа данных, оптимизация и формализация процедур взаимодействия с правоохранительными структурами (возможно, с пересмотром некоторых законодательных положений), усиление рискориентированного подхода, развитие кадрового потенциала и активное участие в международном сотрудничестве.

Успешная деятельность Росфинмониторинга – это не только вопрос соответствия международным стандартам, но и важнейший фактор обеспечения экономической безопасности, защиты финансовой системы от криминального влияния, борьбы с коррупцией и организованной преступностью, а также противодействия угрозе терроризма. Дальнейшее укрепление потенциала Службы и совершенствование всей национальной системы предотвращения ОД и ФТ остается стратегической задачей для Российской Федерации.

Список литературы

1. Тимушев А. А. Роль Федеральной службы по финансовому мониторингу в борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // Финансы и кредит. 2007. № 21 (261). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-federalnoy-sluzhby-po-finansovomu-monitoringu-v-borbe-s-legalizatsiey-otmyvaniem-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem/>.

2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России, ФСКН России, ФТС России, Следственного комитета при прокуратуре России, Росфинмониторинга от 5 августа 2010 г. № 309/566/378/318/1460/43/207 № 207 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Коваленко Е. В., Мазняк В. К., Тарновский А. А. Роль росфинмониторинга в финансовом контроле // Образование и право. 2022. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rosfinmonitoringa-v-finansovom-kontrole/>.

Пешков К. Е.¹,

курсант

факультета подготовки сотрудников

для подразделений экономической безопасности

и противодействия коррупции

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Королева Е. В.,

доцент кафедры иностранных языков

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СОТРУДНИКА УЭБиПК В КАЧЕСТВЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматривается проблема распространенности экономических преступлений в России и подчеркивается ключевая роль сотрудников управлений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – УЭБиПК) в их расследовании. Анализируются существующие криминалистические проблемы и предлагается создание единой специализированной службы для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями, особенно в сфере информационных технологий. Обосновывается необходимость привлечения сотрудников УЭБиПК в качестве специалистов, что позволит, на наш взгляд, более точно, быстро и грамотно пресекать преступления в рамках существующей нормативно-правовой базы.

В структуре современных преступлений, совершаемых в России, экономические преступления занимают значительную долю. Исследование практики расследования этих преступлений выявляет ряд криминалистических проблем. Экономические преступления представляют собой противоправные деяния, посягающие на установленный порядок осуществления экономической деятельности, отношения собственности, а также интересы потребителей и государства в экономической сфере. К ним могут относиться такие преступления, как мошенничество, уклонение от уплаты налогов, незаконная банковская деятельность, легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, и др. Для построения уголовно-правовой характеристики большинства экономических преступлений, являющейся основой для формирования предмета расследования, требуется консолидированное применение знаний из различных отраслей права. Сотрудники УЭБиПК непосредственно вовлечены в процесс расследования, раскрытия и пресечения преступлений, предусмотренных разделом VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Россий-

¹ © Пешков К. Е., 2025.

ской Федерации, в частности, преступлений, входящих в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Кроме того, в сферу их компетенции входят и преступления в сфере предпринимательской деятельности, упомянутые в ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ ч. 1.1. Размытость терминологии между УК РФ и УПК РФ, а также сложность доказывания составов данных преступлений обуславливает необходимость высокого профессионализма сотрудников УЭБиПК, знания ими экономических процессов и постоянного совершенствования навыков. Их работа включает в себя выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, посягающих на экономическую безопасность государства, интересы предпринимателей и граждан в экономической сфере, а также борьбу с коррупционными проявлениями, связанными с экономической деятельностью [1, с. 44–46].

Согласно данным МВД России за 2024 г., общая преступность в стране снизилась на 1,8 %. Отмечается значительное сокращение числа преступлений против личности и имущественных преступлений, таких как разбои, грабежи и кражи. Однако, несмотря на общую тенденцию к снижению, наблюдается тревожный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, которые составили 40 % от общего числа преступлений. Это повлекло за собой увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 %.

В контексте борьбы с преступностью особую важность приобретает активизация деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Учитывая значительный рост преступлений в сфере информационных технологий, УЭБиПК должны сосредоточить свои усилия на выявлении и пресечении экономических преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий. Это включает в себя выявление финансовых пирамид, мошеннических схем, уклонение от уплаты налогов в сфере электронной коммерции, а также противодействие киберпреступности, направленной на хищение денежных средств у граждан и организаций.

Привлечение сотрудников УЭБиПК к расследованию данных преступлений необходимо для обеспечения эффективного выявления и пресечения этих видов преступлений. Компетенции сотрудников УЭБиПК в области финансов, экономики и информационных технологий позволяют им эффективно выявлять сложные схемы, используемые преступниками для совершения экономических преступлений в цифровой среде.

Несмотря на общую положительную динамику в снижении количества преступлений, в том числе совершенных несовершеннолетними, в состоянии опьянения и ранее судимыми, а также снижение преступности среди иностранных граждан, приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов, включая подразделения УЭБиПК, должна оставаться борьба с экономическими преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий. Эффективное противодействие этим видам преступлений требует постоянного совершенствования методов и средств борьбы, повышения квалификации сотрудников и тесного взаимодействия с другими ведомствами и организациями. Значительные успехи в выявлении и пресечении преступлений, связанных

с наркотиками, свидетельствуют о высокой эффективности работы правоохранительных органов в этой сфере, и этот опыт необходимо использовать для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями [2].

В целях повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями и укрепления экономической безопасности России предлагается создание единого специализированного органа при Правительстве Российской Федерации, возглавляемого УЭБиПК. Данная структура объединит усилия различных ведомств, что позволит избежать дублирования функций и размывания ответственности, наблюдаемых в существующей системе. Концентрация ресурсов и полномочий в рамках единой организации создаст условия для более эффективного использования кадрового потенциала и современных технических средств.

В основу работы нового органа должна быть положена единая методология и высокие стандарты расследований, что повысит качество работы и минимизирует вероятность ошибок. Наличие единого центра принятия решений обеспечит оперативное реагирование на возникающие угрозы экономической безопасности и принятие своевременных мер по их нейтрализации.

В структуру нового органа могут войти подразделения, специализирующиеся на различных направлениях экономической деятельности, что позволит эффективно бороться с коррупцией в промышленности, кредитно-финансовой и банковской сферах, на транспорте, в государственных министерствах и ведомствах. Особое внимание следует уделить борьбе с контрабандой и распространением наркотиков, поскольку эти виды преступлений тесно связаны с экономической преступностью [3].

Важнейшим элементом успешной работы нового органа является координация и взаимодействие с другими государственными структурами, такими как налоговые и таможенные органы, Росфинмониторинг и Центральный банк. Только при условии эффективного обмена информацией и совместных действий можно успешно выявлять и пресекать сложные экономические преступления.

Создание единого органа, возглавляемого УЭБиПК, станет важным шагом на пути к повышению прозрачности и подотчетности системы борьбы с экономическими преступлениями, что укрепит доверие общества к деятельности правоохранительных органов и будет способствовать созданию благоприятного инвестиционного климата в стране.

В заключение следует отметить, что работа сотрудника УЭБиПК, как специалиста при раскрытии и расследовании экономических преступлений, является многогранной и требует комплексного подхода. Нормативно-правовая база Российской Федерации, регламентирующая деятельность УЭБиПК, определяет широкий спектр задач, от предупреждения и пресечения до раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики и коррупции. Специфика работы специалиста УЭБиПК заключается в необходимости глубокого понимания экономических процессов, знания законодательства в различных отраслях права и умения применять специальные познания в области финансов, бухгалтерского учета, налогообложения и информационных технологий. Учитывая рост преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, особое внимание должно уделяться выявлению и пресечению экономических преступлений

в цифровой среде. Деятельность специалиста УЭБиПК направлена на выявление сложных схем, используемых преступниками, установление лиц, причастных к совершению преступлений, и сбор доказательств, необходимых для привлечения виновных к ответственности. Для эффективного решения этих задач необходимо постоянное совершенствование профессиональных навыков, повышение квалификации и тесное взаимодействие с другими ведомствами и организациями, такими как налоговые и таможенные органы, Росфинмониторинг и Центральный банк.

Список литературы

1. Фирсов Е. П. Расследование преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности : учебное пособие. М., 2005. С. 44–46, 102–104.
2. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/>.
3. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/>.

Дородных М. В.¹,
командир отделения
факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ЕАЭС И СНГ

Глобализация и региональная экономическая интеграция, открывая новые возможности для развития торговли и инвестиций, одновременно создают благоприятные условия для роста транснациональной экономической преступности. Деятельность в сфере предпринимательства становится уязвимой для широкого спектра противоправных посягательств — от мошенничества и уклонения от уплаты налогов до легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и коррупционных практик. Масштабы теневой экономики в странах постсоветского пространства остаются значительными, составляя, по разным оценкам, от 20 % до 40 % ВВП в отдельных государствах, что наносит колоссальный ущерб национальным бюджетам и подрывает принципы добросовестной конкуренции.

В этом контексте особую актуальность приобретает анализ институциональных механизмов международного сотрудничества в борьбе с экономической преступностью на уровне региональных интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) и этим угрозам напрямую зависит от слаженности действий государств-участников, наличия действенных правовых инструментов и институциональных структур для координации усилий. Цель данной статьи — исследовать существующие институциональные рамки взаимодействия стран ЕАЭС и Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) в сфере борьбы с преступлениями в области предпринимательской и иной экономической деятельности, выявить сильные и слабые стороны существующих механизмов и определить перспективные направления их развития.

¹ © Дородных М. В., 2025.

ЕАЭС, созданный Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [1], является международной организацией региональной экономической интеграции.

Его основной фокус направлен на обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в ключевых отраслях экономики. Вопросы прямого противодействия преступности, в том числе экономической, не входят в основной мандат ключевых институтов ЕАЭС, таких как Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК) и Суд ЕАЭС. Их деятельность сконцентрирована на регулировании экономических отношений, устранении барьеров во взаимной торговле, техническом регулировании, таможенном администрировании и обеспечении конкуренции.

Тем не менее, деятельность ЕАЭС косвенно влияет на сферу противодействия экономической преступности. Гармонизация и унификация таможенного, налогового (в части косвенных налогов), технического и иного регулирования, осуществляемые под эгидой ЕЭК, способствуют повышению прозрачности экономических операций и создают предпосылки для снижения рисков совершения отдельных видов правонарушений. Например, функционирование единой системы таможенного транзита и обмен информацией между таможенными службами государств-членов могут содействовать выявлению и пресечению контрабанды и иных таможенных преступлений.

Однако отсутствие в рамках ЕАЭС специализированных органов и четко прописанных механизмов для координации правоохранительной деятельности в борьбе именно с экономической преступностью является существенным ограничением. Взаимодействие правоохранительных органов стран-членов по этим вопросам осуществляется преимущественно на двусторонней основе или через механизмы других международных структур, прежде всего СНГ.

В отличие от ЕАЭС, СНГ обладает более широким мандатом, охватывающим не только экономическое, но и политическое, гуманитарное сотрудничество, а также взаимодействие в сфере безопасности и правопорядка. Именно в рамках СНГ сформирована наиболее разветвленная институциональная система для противодействия различным видам преступности, включая экономическую.

Нормативно-правовую основу сотрудничества составляют Устав СНГ [2], а также многочисленные конвенции и соглашения. Ключевыми документами в сфере правовой помощи и борьбы с преступностью являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993) и ее новая редакция (Кишинев, 2002) [3], а также ряд специализированных соглашений, таких как Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере экономики (1998) [4], Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконными финансовыми операциями (2005), Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма и финансированием распространения оружия массового уничтожения (утверждена в 2018 г.).

Институциональная структура СНГ включает ряд органов, координирующих взаимодействие в правоохранительной сфере:

1. Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ координирует сотрудничество органов внутренних дел, включая борьбу с экономическими преступлениями. При нем функционирует Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (далее – БКБОП), которое занимается сбором и анализом информации, координацией оперативно-разыскных мероприятий.

2. Координационный совет генеральных прокуроров государств – участников СНГ обеспечивает взаимодействие органов прокуратуры, в том числе по вопросам надзора за исполнением законов в экономической сфере и международно-правового сотрудничества по уголовным делам.

3. Совет руководителей подразделений финансовой разведки государств – участников СНГ (далее – СРПФР): является ключевой площадкой для обмена информацией и координации усилий по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Статистика деятельности СРПФР показывает рост количества информационных запросов между подразделениями финансовой разведки стран СНГ, что свидетельствует об интенсификации сотрудничества в этой критически важной области.

4. Антитеррористический центр государств – участников СНГ. Хотя основной фокус АТЦ направлен на борьбу с терроризмом, его деятельность тесно связана с пресечением финансирования террористической деятельности, что часто пересекается с экономическими преступлениями.

Механизмы сотрудничества в рамках СНГ включают обмен оперативной и аналитической информацией, проведение согласованных оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций (например, по выявлению каналов контрабанды, пресечению деятельности финансовых пирамид), оказание правовой помощи по уголовным делам (выдача лиц, исполнение следственных поручений), подготовку и повышение квалификации кадров.

Несмотря на наличие разветвленной институциональной системы, особенно в рамках СНГ, эффективность противодействия экономической преступности на пространстве ЕАЭС и СНГ сталкивается с рядом вызовов:

Фрагментация усилий: деятельность различных органов и площадок (в рамках СНГ и ЕАЭС, а также на двустороннем уровне) не всегда оптимально скоординирована, что может приводить к дублированию функций или пробелам во взаимодействии.

Различия в национальном законодательстве: несмотря на усилия по гармонизации, сохраняются существенные различия в уголовном, уголовно-процессуальном и административном законодательстве стран-участниц, касающиеся квалификации экономических преступлений, процедур расследования и доказывания, мер ответственности. Это затрудняет оказание правовой помощи и проведение совместных расследований [5, с. 20].

Имплементация международных договоров: эффективность международно-правовых инструментов зависит от их своевременной ратификации и надлежа-

щей имплементации в национальное законодательство и правоприменительную практику. На практике могут возникать задержки или неполное выполнение взятых обязательств.

Информационный обмен: хотя созданы механизмы для обмена информацией (через БКБОП, СРПФР и др.), их оперативность и полнота не всегда отвечают потребностям правоприменителей. Различия в технических стандартах и уровнях защиты данных также могут создавать барьеры. Требуется развитие современных цифровых платформ для безопасного и оперативного обмена сведениями.

Ограниченность данных: отсутствие единой системы сбора и анализа статистических данных об экономической преступности на пространстве ЕАЭС/СНГ затрудняет оценку реальных масштабов угрозы и эффективности принимаемых мер.

Перспективы укрепления институционального сотрудничества видятся в следующих направлениях:

1) усиление координации между профильными органами СНГ и структурами ЕАЭС для выработки комплексного подхода, сочетающего экономическое регулирование с правоохранительными мерами;

2) продолжение работы по гармонизации национального законодательства в части определения составов экономических преступлений и процедур международного сотрудничества;

3) развитие цифровых платформ для оперативного и защищенного обмена информацией между правоохранительными органами и подразделениями финансовой разведки;

4) активизация сотрудничества в сфере подготовки кадров, специализирующихся на расследовании сложных транснациональных экономических преступлений;

5) противодействие преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности является комплексной задачей, требующей скоординированных усилий государств на региональном уровне. ЕАЭС и СНГ предоставляют различные, но потенциально взаимодополняющие институциональные рамки для такого сотрудничества.

ЕАЭС, фокусируясь на экономической интеграции, создает условия для повышения прозрачности и гармонизации регулирования, в то время как СНГ обладает более развитой системой институтов и правовых инструментов для непосредственного правоохранительного взаимодействия.

Ключевыми условиями повышения эффективности этого взаимодействия являются укрепление институционального потенциала существующих органов (прежде всего в рамках СНГ), дальнейшая гармонизация законодательства, совершенствование механизмов информационного обмена и взаимной правовой помощи, а также обеспечение надлежащей имплементации принятых международных обязательств на национальном уровне [5, с. 22]. Решение этих задач позволит создать более надежный заслон на пути транснациональной экономической преступности на пространстве ЕАЭС и СНГ.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201410100001/>.
2. Устав Содружества Независимых Государств (принят в г. Минске 22.01.1993 Решением Совета глав государств) // Бюллетень международных договоров. 1994. № 1. С. 3–16.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472.
4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере экономики (заключено в г. Москве 12.03.1998) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1998. № 1 (28). С. 65–70.
5. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере противодействия экономической преступности: современные вызовы и перспективы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18–22.

Барышников К. И.¹,
 курсант
 факультета подготовки сотрудников
 для подразделений экономической безопасности
 и противодействия коррупции
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
 старший преподаватель
 кафедры иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАЭС И СНГ

В данной статье мы рассмотрим особенности освобождения от уголовной ответственности за совершение в сфере экономической деятельности в различных странах. Также рассмотрим понятие юридической ответственности и освобождение от уголовной ответственности.

Юридическая ответственность – это обязанность понести наказание за нарушение закона. Это негативная реакция государства на совершенное правонарушение и применение принудительных мер в отношении лица, совершившего эти деяния. Помимо гражданской, административной, конституционной ответственности выделяют уголовную. Уголовная ответственность – это вид юридической ответственности, которая налагается судом на человека, совершившего деяние, нарушающее нормы Уголовного кодекса Российской Федерации.

Освобождение от уголовной ответственности – это выраженное в официальном акте государственного органа решение освободить лицо, совершившее преступление, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственного принудительного воздействия.

Уголовный кодекс РФ регулирует правила поведения людей, с целью контроля над их безопасностью. Оснований для освобождения от наказания в УК РФ множество [1].

Теперь проведем сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства зарубежных стран в экономической сфере.

Армения. Возможности избежать уголовной ответственности за совершенное экономическое преступление у граждан этой страны нет, так как в Уголов-

¹ © Барышников К. И., 2025.

ном кодексе об этом ничего не сказано. Однако в 2024 г. были внесены некоторые корректировки в Уголовный кодекс Армении, которые предусматривают освобождение от уголовной ответственности в сфере экономики [2].

Беларусь. Чтобы избежать уголовной ответственности за экономическое преступление, гражданам этого государства нужно возместить ущерб и помочь в раскрытии преступления [3].

Кыргызстан. С 2020 г. в Уголовном кодексе республики прописана экономическая амнистия для предпринимателей, совершивших преступления в сфере экономики. Нужно возместить государству ущерб в двойном размере. Однако при рецидиве преступления это не действует [4].

Молдова. В законодательстве страны записано, что граждане не могут получить освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям. Однако в 2017 г. сообщалось, что Министерство юстиции разрабатывает проект поправок в Уголовный кодекс, который предполагает декриминализацию некоторых экономических преступлений, в том числе в банковской сфере. Законодателям виделось, что лицо, желающее получить освобождение от наказания, должно возместить причиненный обществу или человеку вред [5].

Таджикистан. В стране есть несколько институтов, которые позволяют освободить лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление, в том числе экономическое. Эти институты усердно способствуют развитию законодательства страны [6].

Узбекистан. Недавно принят закон, согласно которому лицо, впервые совершившее налоговое преступление, может быть освобождено от ответственности, если до вынесения судебного решения полностью возместит ущерб государству в виде налогов и других финансовых санкций [7].

При рассмотрении уголовно-правовых норм российского и иностранного законодательств в сфере освобождения от уголовной ответственности за совершенные экономические преступления хочется ввести новое основание, которое предусматривает освобождение от уголовной ответственности за впервые совершенную легализацию имущества преступным путем. При этом виновный должен добровольно содействовать раскрытию преступления, помогая правоохранительным органам. В случае если он совершит самоотвод (станет скрывать улики, предоставлять ложную информацию, осложнять раскрытие преступления), то будет нести полную ответственности за совершенное противоправное деяние. В отношении него нельзя будет применить особые условия освобождения от уголовной ответственности. Это позволяет более эффективно бороться с экономическими преступлениями, а также облегчает их раскрытие.

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовное законодательство России, а также зарубежных стран постоянно совершенствуется, поскольку преступные сообщества регулярно находят новые способы и методы совершения преступлений. Чтобы минимизировать ущерб обществу от преступных деяний, нужно регулярно вносить корректировки в законодательство.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. Уголовный кодекс Республики Армения.
URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь.
URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.
4. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики.
URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.
5. Уголовный кодекс Республики Молдова.
URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан.
URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325.
7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан.
URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.

Загон Д. Д.¹,
 командир отделения
 факультета подготовки сотрудников
 для подразделений экономической безопасности
 и противодействия коррупции
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
 старший преподаватель
 кафедры иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ ОТМЫВАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ЛЕГАЛИЗАЦИИ, ПРИОБРИТЕНИИ ИЛИ СБЫТЕ ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В РОССИИ

В настоящее время отмывание денежных средств, а равно легализация, приобретение или сбыт имущества, приобретенное преступным путем, представляют собой сложные экономические преступления со своими сложными схемами, что впоследствии приводит к появлению теневой экономики как в отдельном государстве, так и на мировом уровне. Такие противоправные деяния несут в себе угрозу экономической безопасности и финансовой стабильности, затрудняют и замедляют раскрытие и расследование преступлений, позволяют преступным организациям осуществлять и финансировать свою противозаконную и, возможно, террористическую деятельность [1]. По данным отчета Министерства внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», в 2024 г. число преступлений экономической направленности увеличилось на 0,2 % по сравнению с 2023 г., а удельный вес в общем массиве преступлений составил 79,5 % [2]. Это говорит нам об актуальности темы данной статьи, ведь для того чтобы понять, почему сейчас преступления в сфере экономики занимают лидирующее место, необходимо подробно в них разобраться, проанализировать судебную практику, выявить круг проблем, способствующих совершению противозаконных действий. Предлагаем сделать это на основе преступлений, связанных с отмыванием денежных средств, легализацией, приобретением или сбыте имущества, приобретенного преступным путем.

Согласно ст. 174 Уголовного кодекса РФ, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, характеризуется как осуществление финансовых или иных операций с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными третьими лицами незакон-

¹ © Загон Д. Д., 2025.

ным способом в целях придания правомерного значения владению, пользованию или распоряжению [3].

Согласно ст. 175 УК РФ, приобретение и сбыт имущества, добытого преступным путем, является преступлением, которое связано с получением незаконного дохода и, тем самым, затрудняет поиск украденного имущества и его возврат законному владельцу [4].

Обратимся к судебной практике для анализа данных преступлений.

Так, судом города Л. гражданин П. был признан виновным по уголовным делам, предусмотренными ч. 1 ст. 210, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 228, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ. В ходе рассмотрения дела выяснилось, что П. умышленно вошел в состав преступного сообщества, деятельность которого была направлена на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», а впоследствии – с отмыванием денежных средств, приобретенных в результате этого сбыта. Гражданин П., совершая преступные деяния по незаконному обороту наркотических средств в составе организованной группы, имея умысел придания правомерного вида владения денежными средствами, обменивал данные средства с биткойнов на российские рубли через онлайн-биржу. После этого подсудимый переводил средства на заведенный обезличенный кошелек и в окончательном итоге снимал денежные средства через банкоматы для расходования на личные нужды [5].

Проанализировав данное судебное дело, отметим, что особенности использования сети Интернет и новых инструментов (криптовалюты) отсутствуют в правовой базе, предопределения об использовании криптовалют в преступных деяниях не закреплены в нормативно-правовых актах, а также отсутствуют свидетели данного преступления, и все это влечет за собой сложность сбора доказательной базы преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ. Данная проблема говорит нам о том, что преступления, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенными другими лицами преступным путем, имеют сложный характер расследования и раскрытия, приводят к угрозе прекращения уголовного дела. Также следует выделить и такую проблему, как разграничения между легализацией (отмыванием) денежных средств и случаев, когда лицо распоряжается средствами, добытыми преступным путем, в своих целях, что требует повышенного внимания при квалификации данных преступлений [6, с. 251].

Вместе с тем правоохранительным органам надо уметь точно определять цель и умысел правонарушителя в совершении своих деяний, так как психологическое отношение лица к данному преступлению носит сложный характер, что говорит о сложности доказывания субъективной стороны преступления [7, с. 74].

Еще одной проблемой является недостаточная координация как между странами, так и между ведомствами внутри одного государства, а также различия законодательной базы и процедур сбора доказательств и их применение. В связи с постоянным развитием и совершенствованием технологий и инноваций усложняется нахождение новых методов расследования преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ.

Рассмотрим пример из судебной практики, связанный с преступлениями, предусмотренными ст. 175 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Суд, рассматривая уголовное дело, установил: гражданин В. в городе К. приобрел имущество, ранее не обещанное, преступным путем при следующих обстоятельствах: в магазине Г. совершил тайное хищение сумки, в которой находилась банковская карта. О совершении данного хищения Г. рассказал гражданину В., вследствие чего у В. возник преступный умысел: В. взял из похищенной сумки банковскую карту (зная, что сумка ранее уже украдена) и снял с нее денежные средства в размере 25 000 руб. Затем В. скрылся с места преступления, распорядившись украденными средствами по своему усмотрению. Суд признал В. виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 175 УК РФ [8].

Проанализировав данный пример, можно выделить несколько проблем:

Сложность доказывания субъективной стороны деяния, так как оно имеет большую роль в квалификации деяний, то есть доказательства наличия умысла – осознание лицом источника происхождения имущества и его психологическое отношение к содеянному.

Не менее важным фактом выступает то, что необходимо установить происхождение имущества, то есть доказать, что оно было приобретено именно преступным путем. Это является в большинстве случаев довольно сложным и долгим процессом в связи с отсутствием нужных материалов для достаточной оценки уголовного дела.

Также в организованных преступных группах нередко используются посредники и неоднократное количество операций для сокрытия факта преступления. Это приводит к усложнению установления истинно виновного лица и факта самого преступления.

Как и в первом примере, существует проблематика координации между странами и ведомствами внутри государства. Нередко имущество может быть добыто преступным путем на территории одной страны, а сбыт происходит на территории другого государства.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в законодательстве Российской Федерации существует немало пробелов, которые негативно отражаются на практике в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с приобретением и сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем. Вследствие чего требуется совершенствование нормативных документов, а также повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, анализ судебной практики по делам об отмывании денежных средств, легализации, приобретении или сбыте имущества, приобретенного преступным путем в России, наглядно показывает, какие проблемы существуют при расследовании и раскрытии данных преступлений, что приводит к необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики правоохранительных органов. Ведь на данном этапе развития общества, научно-технологического и информационного прогресса возрастают способы и методы совершения преступлений в области экономики. А поэтому только проработанный и усовершенствованный подход позволит предотвратить и сократить данные противоправные деяния.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (ред. от 26.02.2019) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ. Главный информационно-аналитический центр // Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/>.
3. Статья 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. Статья 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
5. Краткий анализ судебной практики по уголовным делам в Верховном суде Российской Федерации. Ч. 1. URL: <https://legascom.ru/notes/4537-analiz-sudpraktika-verhsud-rf-1/>.
6. Кириленко В. С. Проблемы квалификации ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 251–253.
7. Гули, Р. С. Проблемы установления признаков субъективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 174 УК РФ // Экономика и социум. 2019. № 1-2 (56). С. 72–76.
8. Приговор суда по ч. 1 ст. 175 УК РФ № 1-642/2017 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» // Судебная практика. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-post.-175-uk-rf-priobretenie-ili-sbyt-imuschestva-zavedomo-dobyтого-prestupnym-putem/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-175-uk-rf--1-6422017--priobretenie-ili-sbyt-imuschestva-zavedomo-dobyтого-prestupnym-putem.html/>.

Ярош Д. А.¹,
*курсант факультета
 подготовки сотрудников
 для подразделений экономической безопасности
 и противодействия коррупции
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Королева Е. В.,
*доцент кафедры иностранных языков
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Статья посвящена сравнительному анализу особенностей освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления в Российской Федерации и Республике Казахстан. В условиях поиска баланса между необходимостью защиты экономических интересов государства и общества и стремлением к гуманизации уголовной политики, снижению избыточного давления на бизнес, вопросы декриминализации и освобождения от ответственности приобретают особую актуальность. В работе рассматриваются ключевые нормы уголовного законодательства обеих стран, регламентирующие условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности – прежде всего при условии возмещения причиненного ущерба. Анализируются сходства и различия подходов в части перечня преступлений, подпадающих под специальные основания освобождения, требований к субъекту преступления (первократность), объему возмещения (полное возмещение, кратные штрафы), процедурных аспектов. Оценивается влияние данных механизмов на правоприменительную практику, экономическую безопасность и инвестиционный климат в России и Казахстане. Подчеркивается важность дальнейшего совершенствования законодательства для обеспечения его предсказуемости, справедливости и эффективности в защите как публичных, так и частных интересов.

Проблемы уголовно-правовой политики в сфере экономики занимают центральное место в дискуссиях о путях обеспечения устойчивого экономического роста и макроэкономической безопасности как в России, так и в Казахстане. С одной стороны, государство обязано защищать установленный экономический порядок, пресекать преступные посягательства на собственность, финан-

¹ © Ярош Д. А., 2025.

совую систему, налоговые отношения. С другой стороны, чрезмерное уголовно-правовое давление на бизнес, риски необоснованного преследования предпринимателей могут негативно сказываться на деловом климате, инвестиционной привлекательности и темпах экономического развития. В этом контексте особое значение приобретают институты освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления, позволяющие при определенных условиях (прежде всего при возмещении ущерба) прекратить уголовное преследование без вынесения обвинительного приговора. Сравнительный анализ законодательства и практики России и Казахстана в этой сфере представляет значительный научный и практический интерес, учитывая схожесть правовых систем, тесные экономические связи и общие вызовы, стоящие перед странами.

Российское уголовное законодательство предусматривает несколько общих оснований освобождения от уголовной ответственности, таких как деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ) и примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), которые могут применяться и к некоторым экономическим преступлениям небольшой и средней тяжести при соблюдении установленных условий. Однако ключевым специальным механизмом, ориентированным именно на сферу экономики, является ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» [1].

Данная норма, введенная в рамках курса на гуманизацию уголовного законодательства и снижение давления на бизнес, устанавливает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление, предусмотренное определенным перечнем статей УК РФ (включая ряд составов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, незаконное предпринимательство, неуплату налогов и др.), если это лицо полностью возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо дохода, полученного в результате преступления, либо перечислило в бюджет сумму, эквивалентную сумме неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов, а также соответствующие пени и штрафы (для налоговых преступлений условия несколько иные и более льготные).

Президент России Владимир Путин неоднократно указывал на необходимость «максимальной свободы и защиты для бизнеса», подчеркивая, что «необоснованное уголовное преследование, разрушение бизнеса – это прямой удар по развитию страны» [2]. Статья 76.1 УК РФ рассматривается как один из инструментов реализации этой установки, позволяющий прекратить преследование предпринимателя, который оступился впервые и готов полностью загладить причиненный вред, в том числе путем существенной выплаты в бюджет. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество лиц, освобожденных от ответственности по экономическим преступлениям на основании ст. 76.1 УК РФ, хотя и не является массовым, но имеет тенденцию к росту, что свидетельствует о востребованности данного механизма. Например, за 2022 г. по основаниям, предусмотренным ст. 76.1 УК РФ, было прекращено более 1,5 тыс. уголовных дел.

Вместе с тем применение ст. 76.1 УК РФ связано с рядом практических сложностей: определение точного размера ущерба и дохода, установление факта первоначальности совершения преступления, обеспечение добровольности возмещения ущерба и уплаты штрафа. Кроме того, перечень преступлений, на которые распространяется данная норма, является закрытым и не охватывает все экономические составы, что вызывает дискуссии о его справедливости и полноте.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) также содержит общие основания освобождения от уголовной ответственности, применимые, в том числе, к экономическим правонарушениям. Ключевую роль здесь играет ст. 68 УК РК «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением» [2]. Данная статья предусматривает возможность освобождения лица, совершившего уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти, если оно примирилось с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладило причиненный вред. Для экономических преступлений, где потерпевшим часто выступает государство (например, налоговые преступления) или неопределенный круг лиц, применение института примирения имеет свою специфику, но основной акцент делается на возмещении материального ущерба.

Кроме того, ст. 65 УК РК «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» [2] также может применяться к экономическим составам небольшой или средней тяжести, если лицо впервые совершило такое деяние, добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию правонарушения, возместило ущерб или иным образом загладило вред.

В отличие от российского УК, в УК РК нет отдельной статьи, аналогичной ст. 76.1 УК РФ, которая бы устанавливала специальный механизм освобождения именно для экономических преступлений с требованием уплаты кратного штрафа в бюджет. Освобождение от ответственности по экономическим составам в Казахстане чаще всего связано с полным возмещением ущерба в рамках общих институтов примирения или деятельного раскаяния, что в большей степени ориентировано на восстановление нарушенных прав потерпевшего (включая государство).

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев также подчеркивает важность защиты бизнеса от необоснованного уголовного преследования: «Нужно решительно пресекать любые попытки воспрепятствовать работе бизнеса... Необоснованное вовлечение предпринимателей в орбиту уголовного процесса должно быть полностью исключено» [3, с. 76]. Такой подход создает предпосылки для активного применения норм об освобождении от ответственности при условии полного возмещения ущерба, нанесенного экономическими правонарушениями. Статистика правоохранительных органов РК показывает, что значительная часть дел по экономическим преступлениям небольшой и средней тяжести прекращается на досудебной стадии именно в связи с примирением сторон и возмещением ущерба.

Сравнивая подходы России и Казахстана, можно выделить как общие черты, так и существенные различия.

Сходства:

1) оба государства признают важность возмещения ущерба как ключевого условия для освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления небольшой и средней тяжести;

2) и в России, и в Казахстане освобождение от ответственности часто связано с фактом совершения преступления впервые (хотя формулировки и условия могут различаться);

3) общая направленность политики в обеих странах декларирует необходимость снижения уголовного давления на бизнес и стимулирования добровольного восстановления нарушенных прав [4, с. 55-56].

Различия:

1) специальный механизм: в России существует специальная норма (ст. 76.1 УК РФ), ориентированная исключительно на экономические преступления и предусматривающая, помимо возмещения ущерба, уплату кратного денежного возмещения (штрафа) в бюджет. В Казахстане освобождение по экономическим составам происходит в рамках общих институтов (примирение, деятельное раскаяние), где акцент сделан на заглаживании вреда потерпевшему;

2) фискальный элемент: российский подход (ст. 76.1) имеет выраженный фискальный характер – государство получает дополнительный доход в виде кратного штрафа. Казахстанский подход в большей степени ориентирован на реституцию – восстановление положения потерпевшего;

3) перечень преступлений: в России ст. 76.1 УК РФ содержит закрытый перечень экономических преступлений, к которым она применима. В Казахстане применение общих оснований освобождения (ст.ст. 65, 68 УК РК) теоретически возможно к более широкому кругу деяний небольшой и средней тяжести, если выполнены условия (возмещение вреда, примирение и т. д.), но без специального акцента именно на экономический характер.

Эти различия отражают несколько разные приоритеты в уголовно-правовой политике. Российская модель в большей степени пытается совместить освобождение от ответственности с пополнением бюджета, тогда как казахстанская модель фокусируется на восстановлении прав потерпевшего как условии прекращения преследования.

Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. Специальный механизм, как в России, может быть более предсказуемым для бизнеса, четко очерчивая условия выхода из уголовного преследования. Однако требование уплаты кратного штрафа может быть непосильным для некоторых предпринимателей и вызывать споры о его справедливости. Общие механизмы, как в Казахстане, могут быть более гибкими, но их применение может зависеть от позиции потерпевшего (при примирении) или усмотрения правоприменителя (при деятельном раскаянии).

Таким образом, Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на общую цель – снижение избыточного уголовного давления на экономику, – страны используют несколько разные подходы. Россия внедрила специальный механизм (ст. 76.1 УК РФ) с фискальным элементом, тогда как Казахстан опирается на общие институты примирения и деятельного раскаяния с акцентом на возмещение ущерба потерпевшему.

Эффективность этих механизмов зависит от четкости законодательных формулировок, последовательности правоприменительной практики и их соответствия общим целям экономической политики. Дальнейшее совершенствование законодательства и практики освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления в обеих странах должно быть направлено на повышение предсказуемости для бизнеса, обеспечение справедливости и соразмерности применяемых мер, а также на реальную защиту экономических интересов как государства, так и частных лиц, способствуя тем самым укреплению макроэкономической безопасности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2024 г.) // Параграф. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252/.
3. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Норма: Инфра-М, 2017.
4. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть: учебник / под ред. И. И. Рогова, С. М. Рахметова. Алматы : Жеті жарғы, 2016.

*Атеш К. Н.¹,
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
*старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НЕСПОСОБНОСТЬ ПРИНЯТЬ ДОСТАТОЧНЫЕ МЕРЫ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В статье рассматривается проблема легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и анализируется роль кредитных организаций в предотвращении данного вида преступлений. Обосновывается ответственность кредитных организаций за неспособность принять достаточные меры для противодействия отмыванию денег, а также предлагаются пути решения проблемы, включая усиление регуляторного надзора, повышение квалификации персонала, внедрение современных технологий, укрепление международного сотрудничества и повышение прозрачности финансовых операций. Особое внимание уделяется законодательству Российской Федерации в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) и роли Министерства внутренних дел в выявлении и пресечении фактов отмывания денег.

Отмывание денег (или легализация доходов, полученных преступным путем) представляет собой комплекс мер по сокрытию истинного источника средств или имущества, приобретенных незаконным путем с целью придания им видимости законности. Этот процесс осуществляется путем проведения активов через цепь финансовых операций, призванных запутать их происхождение и воспрепятствовать их отслеживанию. Угроза, которую несет отмывание денег, многоаспектна. Прежде всего, это дестабилизирует экономику, поскольку легализованные средства могут быть инвестированы в дальнейшую преступную деятельность, создавая неравные условия конкуренции и деформируя рыночные механизмы. Во-вторых, это позволяет преступникам уйти от ответственности и продолжать свою противоправную деятельность, что может привести к росту коррупции, незаконному обороту наркотиков, терроризму и дру-

¹ © Атеш К. Н., 2025.

гим тяжким преступлениям. В-третьих, отмыwanie денег негативно сказывается на имидже государства, делая его уязвимым для международного осуждения и применения санкций.

Кредитные организации играют центральную роль в предотвращении легализации преступных доходов, поскольку через них осуществляется значительный оборот денежных средств. Недостаточные меры со стороны банков по предотвращению отмыwania денег чреваты серьезными последствиями, включая штрафы, аннулирование лицензий и уголовное преследование. Оптимальное решение проблемы включает несколько ключевых направлений. Во-первых, необходимо усилить контроль за деятельностью кредитных организаций со стороны регулирующих органов [1]. Центральный банк должен регулярно проводить проверки и аудиты для обеспечения соблюдения законодательства о противодействии легализации доходов. Во-вторых, требуется повышение квалификации сотрудников кредитных организаций в сфере противодействия отмыванию денег. Необходимо организовывать регулярные тренинги и семинары, чтобы сотрудники были осведомлены о новейших методах отмыwania и могли их выявлять. В-третьих, необходимо внедрять современные технологии для мониторинга и анализа финансовых операций. Использование искусственного интеллекта и машинного обучения может значительно повысить эффективность обнаружения подозрительных транзакций. В-четвертых, необходимо укреплять международное сотрудничество в борьбе с отмыванием денег. Обмен информацией и координация действий между государствами позволяют успешно пресекать транснациональные схемы отмыwania. В-пятых, необходимо повышать прозрачность финансовых операций. Следует усилить требования к идентификации клиентов и бенефициарных владельцев, чтобы усложнить использование фиктивных компаний для отмыwania денег. Только комплексный подход, включающий усиление регулирования, повышение квалификации персонала, внедрение современных технологий, укрепление международного сотрудничества и повышение прозрачности финансовых операций, позволит кредитным организациям эффективно бороться с легализацией преступных доходов и снизить риски.

Для глубокого понимания борьбы с легализацией преступных доходов необходимо обратиться к нормативным источникам. Законодательство Российской Федерации в этой сфере представляет собой многоуровневую систему, ядром которой является Федеральный закон № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Данный закон определяет правовые и организационные основы противодействия этим явлениям, устанавливает круг организаций, осуществляющих контроль за операциями с денежными средствами или имуществом, и определяет их обязанности. Закон регулярно актуализируется, отвечая меняющимся условиям и международным стандартам. Например, последние изменения, внесенные Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 208-ФЗ, расширили перечень операций, подлежащих обязательному контролю, и усилили контроль за операциями с виртуальными активами. Закон обязывает организации, работающие с денежными средствами или имуще-

ством, идентифицировать клиентов, устанавливать бенефициарных владельцев и сообщать в Росфинмониторинг о подозрительных операциях. Статья 6 закона определяет операции, подлежащие обязательному контролю, такие как операции с наличными денежными средствами на сумму от 600 000 руб. и операции с недвижимым имуществом на ту же сумму [2].

Уголовный кодекс Российской Федерации также играет важную роль, в частности, ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» и ст. 174.1 «Приобретение, сбыт или использование имущества, заведомо полученного преступным путем» устанавливают уголовную ответственность за финансовые операции и другие сделки с имуществом, полученные преступным путем, с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Санкции по данным статьям были ужесточены для повышения сдерживающего эффекта.

На уровне подзаконных актов ключевое значение имеет Положение Банка России от 29 марта 2023 г. № 820-П «Об установлении требований к идентификации клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Этот документ подробно регламентирует порядок идентификации клиентов финансовыми организациями, устанавливает требования к документам и процедуры проверки информации. Указание Банка России от 5 декабря 2014 г. № 3471-У (с изменениями) определяет квалификационные требования к специалистам, ответственным за ПОД/ФТ в банках. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 804 утверждает Правила определения перечня организаций и физических лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму, для блокировки их счетов.

Законодательство Российской Федерации в сфере ПОД/ФТ представляет собой динамично развивающуюся систему, постоянно совершенствующуюся в соответствии с международными стандартами.

Для более эффективного противодействия данной проблеме можно создать следующие нормативно-правовые акты:

- 1) федеральный закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части усиления контроля за операциями с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой в целях ПОД/ФТ. Этот закон должен установить четкие правила и процедуры для идентификации пользователей цифровых активов, мониторинга транзакций и обмена информацией с правоохранительными органами;

- 2) постановление Правительства Российской Федерации об утверждении государственной программы по повышению финансовой грамотности населения в сфере ПОД/ФТ. Программа должна быть направлена на повышение осведомленности граждан о рисках, связанных с легализацией преступных доходов, и способах защиты от мошеннических схем;

- 3) совместное указание Банка России и Росфинмониторинга о проведении проверок соблюдения кредитными организациями законодательства в сфере ПОД/ФТ с использованием методов искусственного интеллекта. Данное указа-

ние должно определить порядок проведения проверок, перечень анализируемых данных и критерии выявления подозрительных операций.

МВД России играет ключевую роль в противодействии легализации преступных доходов, являясь органом, непосредственно сталкивающимся с данным видом правонарушений. Подразделения управлений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – УЭБиПК) МВД России осуществляют оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление и пресечение фактов отмыwania денег, а также проводят предварительное следствие по соответствующим уголовным делам. Эффективность работы МВД России в данной сфере обеспечивается тесным взаимодействием с Росфинмониторингом, Банком России и другими правоохранительными органами. Повышение квалификации сотрудников МВД России, внедрение современных методов анализа информации и расширение международного сотрудничества являются важными факторами для успешной борьбы с легализацией преступных доходов [3, с. 451].

Итак, проблема легализации доходов, полученных преступным путем, представляет серьезную угрозу для экономической безопасности государства. Кредитные организации играют ключевую роль в предотвращении таких операций, и их неспособность принять достаточные меры чревата серьезными последствиями, включая штрафы, отзыв лицензий и уголовное преследование. Российское законодательство, представленное многоуровневой системой нормативных актов, обязывает кредитные организации соблюдать строгие требования в сфере ПОД/ФТ.

Эффективная борьба с отмыwанием денег требует комплексного подхода, включающего усиление регуляторного надзора, повышение квалификации персонала, внедрение современных технологий и укрепление международного сотрудничества. МВД России, как орган, непосредственно сталкивающийся с данным видом правонарушений, играет важную роль в выявлении и пресечении фактов отмыwania денег. Для повышения эффективности противодействия данной проблеме необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, повышение финансовой грамотности населения и использование при проведении проверок инновационных технологий, таких как искусственный интеллект. Только совместные усилия государства, кредитных организаций и общества позволят эффективно защитить финансовую систему от угроз, связанных с легализацией преступных доходов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыwанию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гарышинова А. Р. Роль Банка России в противодействии нелегальной деятельности на финансовом рынке // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 450–453.

Крамаренко М. С.¹,

курсант

факультета подготовки сотрудников

для оперативных подразделений

Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:

Шалагинова О. Б.,

доцент кафедры математики и информатики

Санкт-Петербургского университета МВД России,

кандидат физико-математических наук, доцент

ИНВЕСТИЦИИ И РИСКИ ВОЗМОЖНЫХ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Проблема исследования заключается в том, что значительная часть граждан не имеет достаточного представления относительно сущности инвестиций, их роли, а также пользе и рисках вложений, которые представляет рынок.

Объектом исследования настоящей статьи являются инвестиции как форма вложения денежных средств. Предметом исследования служат особенности формирования дохода с инвестиций в соответствии с их объемом, возрастом потенциального инвестора и вероятными рисками. Цель исследования – найти и охарактеризовать инвестиции, наиболее точно подходящие для различных возрастных категорий граждан, при этом определить риски возможных мошеннических действий.

В настоящем исследовании под инвестиционной деятельностью мы понимаем меры по формированию нефинансовых и финансовых активов. Инвестором становится человек, который вкладывает свои реальные средства в экономические проекты с целью получения прибыли. Необходимо отметить, что данные действия всегда сопряжены с риском невозврата.

Для описанных видов инвестиций необходимы серьезные реальные средства, что не позволяет рядовым гражданам принимать в этом вопросе серьезное участие. Исключение составляет участие в акционерной деятельности, что будет описано ниже. Исходя из подобных умозаключений мнение масс населения, склоняется к тому, что инвестиционная деятельность не является для них возможной и не может принести серьезный доход.

В то же время, исходя из изложенной информации, необходимо отметить особую важность инвестиционного фона в развитии государства, производственных мощностей предприятий и функционировании общественных фондов потребления. Повышение количества инвестиций приводит к росту экономической деятельности и развитию экономики и социума в целом.

¹ © Крамаренко М. С., 2025.

На данный момент именно реальные финансовые вливания являются ключевым фактором развития экономики. Нефинансовые активы, безусловно, важны, но не будут рассматриваться нами в качестве необходимых.

Представляется важным отразить используемую нами классификацию финансовых инвестиций:

- 1) депозитные счета – они же банковские вклады с целью хранения денег, получения прибыли или борьбы с инфляцией;
- 2) облигации – по существу заем у вкладчика на определенный срок с выплатой определенного процента с доходов в течение периода задолженности и последующим возвращением вложенной суммы;
- 3) акции – инвестиция в какой-либо фонд или предприятие, определяющее процент с получаемого дохода и предоставляющее право на часть капитализации фонда или предприятия;
- 4) кредит – фактически ссуда с целью перераспределения средств или решения вопроса срочных вливаний.

Используя означенные теоретические данные, можно перейти к практической части работы.

Обучение и информирование персонала являются ключевыми факторами в борьбе с мошенничеством. Банки должны проводить регулярное обучение своих сотрудников, знакомить их с новыми видами преступлений и способами их предотвращения, а также с правилами и процедурами внутреннего контроля.

В целях определения реального отношения граждан к вопросу накопления денег и их инвестирования автором было принято решение провести специальное исследование. И в данном случае анкетирование представляется наиболее оптимальным методом, поскольку позволяет в сжатые сроки выявить и проанализировать мнение населения. Кроме того, анкетирование предполагает минимальные затраты времени на разработку самих материалов. Представляется также важным не только дать рекомендации по оптимальному инвестированию, но и обратить внимание общественности на различные противоправные действия финансового характера.

Мошенничество представляет собой нечестное присвоение имущества других лиц или приобретение прав на это имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Человек, занимающийся таким деянием, называется мошенником. Его действия, как правило, включают как преднамеренное искажение правды, так и умолчание о правде.

Борьба с мошенничеством требует комплексного и многостороннего подхода, который включает в себя обучение и информирование сотрудников, повышение уровня кибербезопасности, сотрудничество с правоохранительными органами, развитие корпоративной культуры и применение юридических мер против преступников. Однако часть граждан определяет свою финансовую грамотность очень низко, а другая часть вовсе не имеет времени на обучение этой грамотности. Таким образом, наше исследование, хочется верить, может облегчить таким гражданам путь к их инвестиционной деятельности.

Необходимо также выяснить, возможно ли заниматься инвестированием государственным служащим. Чтобы госслужащему узнать об этом, следует

изучить Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и приказы конкретного ведомства, в котором он трудоустроен [1, с. 12–14].

Данная работа посвящена изучению темы инвестиций. Сам термин имеет несколько толкований в зарубежной и отечественной литературе. Автором было использовано наиболее распространенное понятие инвестиций как «долгосрочных вложений денежных средств и иного капитала в собственной стране или за рубежом в различные объекты деятельности, предпринимательские проекты, экономические и социальные программы, в целях получения дохода или достижения другого полезного эффекта».

После анализа вкладов-инвестиций с позиции выгоды для обывателя автором был сделан вывод: каждый заинтересован в выгодном управлении своими финансами. Анкетирование показало, что вклады в банках в одной валюте – это инвестиции, наиболее точно соответствующие финансовой грамотности населения.

Были разработаны рекомендации для вкладчиков, которые являются актуальными на длительный период. Определено, что инвестиции являются двигателем экономики в рамках современной капиталистической модели.

В результате анкетирования стало ясно, что в соответствии с возрастной группой инвестиционный портфель необходимо распределять в соответствии с определенными общими рекомендациями. Были выявлены определенные ситуации, повышающие риск невозврата инвестиционных вложений, которые имеют общие проявления. Создан материал, в соответствии с которым предлагается различным категориям граждан использовать определенные инвестиции. Объемы последних также выявлены.

Представляется важным, что стало возможным сформулировать длительный инвестиционный план для перераспределения портфеля вложений в соответствии с возрастом, который будет способствовать увеличению прибыли и минимизации рисков.

Также были выявлены и проанализированы возможные мошеннические действия, на основании чего выработаны рекомендации с целью повышения безопасности граждан от незаконных акций с их финансами.

Выводы:

- 1) инвестиции являются двигателем экономики в рамках современной капиталистической модели;
- 2) в соответствии с возрастной группой инвестиционный портфель необходимо распределять в соответствии с определенными общими рекомендациями;
- 3) существуют определенные ситуации, повышающие риск невозврата инвестиционных вложений, которые имеют общие проявления;
- 4) определенным категориям граждан, в соответствии с их трудовым положением, нельзя в полной мере использовать инструментарий инвестиций;
- 5) возможно сформулировать длительный инвестиционный план для перераспределения портфеля вложений в соответствии с возрастом, который будет способствовать увеличению прибыли и минимизации рисков.

С целью защиты от мошеннических действий составлено руководство по безопасности.

Часть населения возрасте 14–20 лет накоплений не имеет, для этих граждан можно рекомендовать вложения с незначительным финансовым цензом на вход. Их инвестиции предполагаются к длительному участию с целью повышения накоплений.

Граждане возрастной категории от 20 до 30 лет уже активнее задумываются о накоплениях. Молодые люди могут инвестировать в любые ценные бумаги, пробовать разные стратегии, рисковать, активно продавать и покупать определенные акции и электронные деньги. В случае успеха можно значительно увеличить свое благосостояние, если же произойдет негативный сценарий, то потери будут являться минимальными. Это обусловлено имеющимися в таком возрасте перспективами, а кроме того – незначительностью инвестиций в подавляющем количестве случаев.

Чтобы гарантированно сохранить деньги, разделяйте их на несколько инструментов. Например, 30 % определите как вклад, еще 30 % потратьте на облигации. 10 % оставьте на игру в высокие риски, а еще 30 % – на сбор портфеля акций на долгий срок. Это характерно для возрастной группы 20–30 лет.

Если говорить о более старших возрастных группах, то для граждан 30–45 лет уже характерно наличие определенных накоплений. С ростом накоплений растет и риск потерь, а поэтому после 30 лет, как правило, стратегия инвестиционной деятельности меняется на менее агрессивную. Достигнуть этого можно перераспределением средств между различными видами инвестиций. Предполагается, что наиболее оправданным является вложение 30–40 % капиталов в депозитные счета или облигации в качестве резервов. Возрастной группе от 45 лет критично важно сохранить имеющиеся накопления, что означает перераспределение инвестиционного портфеля более консервативным способом. Приоритет получают депозиты, облигации, недвижимость. Инвестиции с высоким риском либо исчезают из портфеля, либо минимизируются до 10–20 %.

После 60 лет предполагается, что накопления позволяют получать пассивный доход, благодаря предшествующим вложениям в недвижимость. Доля рискованных облигаций редко превышает порог в 10 % от всего инвестиционного ресурса гражданина.

Представляется также важным определить, что может вызывать опасения у гражданина, решившегося на вложения своих средств в некое инвестиционное предприятие [2, с. 102]. Можно выявить общие показатели, характеризующие высокую степень риска от планируемого вливания. Лучше избегать компаний, которые на вложенные условные 100 руб. обещают быстро вернуть их с пятидесятипроцентной прибылью. В большинстве случаев вкладчик столкнется с финансовой пирамидой, которая может дать доход в начале своего развития, но по истечении определенного, всегда непрогнозируемого периода оставит без вложенных средств. Кроме того, с данными схемами часто работают недобросовестные компании или граждане.

В результате проведенного мной анализа можно сделать ряд выводов о том, почему граждане не особо интересуются инвестициями. Как показали результаты анкетирования, значительная часть опрошенных считает, что в инвестировании слишком высок риск обмана. В нашем обществе еще не ушли в прошлое события,

связанные с функционированием и разоблачением финансовых пирамид. Последнее обстоятельство негативно представляет саму идею финансирования в различные портфели с определенным уровнем доходности [3, с. 197, 218].

Кроме того, значительная часть граждан не считает значимым вкладывать небольшие средства в инвестирование. Это происходит потому, что граждане, не имея значительных финансовых накоплений, просто не считают, что смогут получить что-то существенное от инвестиционных портфелей. Риски в таких случаях могут превышать доходность инвестирования. В соответствии с законом Паркинсона расходы граждан прямо пропорциональны доходам, а значит, с одной стороны, не будет формироваться свободных накоплений для инвестиционной деятельности, а с другой – эти возможности накоплений будут излишними, поскольку не будут представлять существенной части дохода того или иного гражданина.

Необходимо отметить, что 20–30 лет назад действительно у означенной выше позиции были серьезнейшие основания. Однако в связи с развитием коммуникаций в информационный век, занятие и получение дохода от инвестиций стало доступным большинству граждан Российской Федерации. Конечно, доходность не будет превышать определенного уровня, но в перспективе инвестиционный портфель себя способен окупить и начать приносить весомые финансовые потоки прибыли.

Могу предложить следующие рекомендации для защиты от мошенников. Старайтесь не разглашать конфиденциальные данные вашей карты, такие как пин-код, CVV-код с обратной стороны, коды из СМС, а также логин и пароль для доступа в мобильный и онлайн-банк.

Рекомендуется иметь отдельную дебетовую карту, предназначенную только для онлайн-покупок. Удерживайте на ней нулевой баланс и пополняйте ее только при необходимости.

Пользуйтесь мобильным и интернет-банкингом только через безопасные Wi-Fi или мобильные интернет-соединения. Общественные Wi-Fi сети не обеспечивают должного уровня безопасности, злоумышленники могут легко перехватить вашу информацию.

Активируйте двухфакторную аутентификацию в финансовых приложениях и подтверждайте все покупки с помощью одноразовых кодов из СМС или пуш-уведомлений.

Включите услугу СМС- или пуш-уведомлений от вашего банка о всех операциях, совершаемых с вашей картой. Эта услуга может быть платной, но она поможет вам быстро обнаружить попытку мошенничества.

Установите на свой телефон приложение для идентификации номеров, так как они помогут вам отследить некоторые спам-звонки и звонки от мошенников.

Загружайте мобильные приложения для банков только из официальных магазинов приложений, таких как Google Play и App Store.

В результате анкетирования стало ясно, что в соответствии с возрастной группой инвестиционный портфель необходимо распределять в соответствии с определенными общими рекомендациями. Были выявлены определенные ситуации, повышающие риск невозврата инвестиционных вложений, которые

имеют общие проявления. Создан материал, в соответствии с которым различным категориям граждан предлагается использовать определенные инвестиции. Объемы последних также выявлены.

Представляется важным, что стало возможным сформулировать длительный инвестиционный план для перераспределения портфеля вложений в соответствии с возрастом, который будет способствовать увеличению прибыли и минимизации рисков. Также были выявлены и проанализированы возможные мошеннические действия, на основании чего выработаны рекомендации с целью повышения безопасности граждан от незаконных акций с их финансами.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ха-Джун Ч. Как устроена экономика. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022.
3. Инвестиции в России. 2023: сборник статей. М. : Росстат, 2023.